

Министерство образования и науки РФ
Министерство образования Московской области
ГОУ ВО МО
«Государственный социально-гуманитарный университет»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

**Сборник научных статей круглого стола
(Коломна, 25–26 ноября 2016 года)**

Коломна
ГСГУ
2016

УДК 93
ББК 63
А43

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским
советом ГСГУ

Рецензенты:

КУВАКИН В.А., доктор философских наук, профессор
КОВАЛЁВ Д.В., доктор исторических наук, профессор

Ответственный редактор — С. Г. КАЛАШНИКОВ, к.ф.н., доцент

А43 **Актуальные проблемы истории:** сб. науч. ст. круглого
стола, Коломна, 25–26 ноября 2016 г. / Минобрнауки РФ,
М-во образования Моск. обл., Гос. соц-гум. ун-т; отв. ред.
С. Г. Калашников. — Коломна: ГСГУ, 2016. — 168 с.

ISBN 978–5–98492–320–0

В сборнике представлены научные статьи, отражающие разнообразные
проблемы отечественной и всеобщей истории, философии истории. Со-
держание статей носит дискуссионный характер.

Предназначен преподавателям, аспирантам, магистрам и бакалаврам,
всем интересующимся историей.

УДК 93
ББК 63

ISBN 978–5–98492–320–0

© ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный
университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
АЛЕКСЕЕВ Г. М. Против фальсификации советской эпохи в новейшей историографии	8
АНДРОНОВ И. Е. Кризис гуманистической историографии и публикация позднеантичных церковных историй в первой половине XVI века	20
БАЗИН О. А. Германский фактор во внешней политике Японии 90-х гг. XX века	37
БЕРЕЗКИНА О. С. Источники легитимности и делегитимация системы власти в СССР	44
БИРЮКОВ А. М. К вопросу о ревизии событий истории Второй мировой войны	54
БОНДАРЕНКО Д. М. Постколониальный мир: историческое своеобразие и формирование наций в условиях глобализации	60
БУТЫРСКИЙ М. Н., СЕЛУНСКАЯ Н. А. Археологические путешествия академика Н. П. Кондакова 1890-х гг.	69
ГУСЕВ А. В. К вопросу о причинах поражения антибольшевистских сил в Гражданской войне в России	84

ЕМЕЛЬЯНОВА Е. Н. Теоретические основы социал-демократической концепции войны и мира	96
ЕРМАКОВ А. М. Московские вице-губернаторы рубежа XIX — XX веков в воспоминаниях современников.....	103
КАЛАШНИКОВ С. Г. Проблема человека и истории во французском экзистенциализме	113
МОИСЕЕВ Г. Ч. Проблемы исследования политического лидерства: взгляд историка	121
МУРОМЦЕВА Л. П. Сохранение историко-культурного наследия российской эмиграцией	128
РОМАНКИНА И. А. Диссидентство как модель взаимодействия власти и общества.....	138
САВИНЧЕНКО Т. И. Фрагменты документальной истории Великой Отечественной войны на страницах журнала «Исторический архив» (археографическое оформление опубликованных источников и научно-справочный аппарат публикаций)	145
СИМОНОВ В. Н. Олимпийское движение: история и современность	155
ОБ АВТОРАХ	166

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник материалов круглого стола «Актуальные проблемы истории» затрагивает целый ряд важных вопросов исторического развития России и мира. В современной историографии многие проблемы носят дискуссионный характер. И это нашло свое отражение на страницах данного издания, когда по некоторым темам авторы высказывают порой диаметрально противоположные взгляды. Но в этом и ценность дискуссии, в которой приняли участие ведущие историки, политологи, философы Российской академии наук, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Государственного социально-гуманитарного университета. Представленные доклады дают возможность читателю увидеть историческую действительность во всем ее многообразии, с различных мировоззренческих, политических точек зрения и научных позиций.

Предваряя содержательную часть докладов и сообщений, указанных в программе, особо хотелось бы подчеркнуть, что интерес к теме актуальных проблем истории обусловлен целым рядом привнесенных факторов, которые одновременно являются и хорошим стимулом полноценной научно-исследовательской деятельности для всего нашего коллектива.

Разве не символичным является то обстоятельство, что такие широкие дискуссии с привлечением представителей ведущих научных и учебных заведений, проводятся в древнем городе Коломне, где «седой стариной» пропитан каждый уголок, где шесть с лишним веков тому назад собирал свою воинскую рать на борьбу с татаро-монгольскими полчищами Великий князь Московский Дмитрий Донской?

В нашем институте исследовательские традиции в области теории познания и философии истории, заложенные видными

учёными М. С. Глазманом, П. Е. Кряжевым, В. И. Габченко и др. продолжают наполняться новым содержанием. Последние годы кафедры философии, истории, политологии и права настойчиво и целеустремленно разрабатывает коллективную тему «Методологические проблемы исторического познания». А промежуточные отчеты о проделанной работе в этой области периодически выносятся для обсуждения на общероссийский уровень. Отрадно видеть, что в этот исследовательский проект постепенно вливаются и начинают успешно проявлять себя молодые преподаватели кафедры.

Нарастающая заинтересованность молодёжи и вполне естественное её желание приобщиться к вековым устоям и обычаям наших предков, безусловно, способствует активизации научной работы, расширяя масштабы исследовательских проектов. В вузе в настоящее время сложился зрелый коллектив ученых с высоким научным потенциалом, уже прославивших родной край солидными теоретическими работами по истории средневековых городов России, в частности самой Коломны; глубоким анализом аграрных преобразований, взаимоотношения крестьянства и власти, проблем местного самоуправления.

К работе круглого стола в ноябре 2016 г. преподаватели ГСГУ представили доклады, отражающие философско-исторические концепции ведущих французских мыслителей XX столетия, проблемы войны и мира, вопросы внешнеполитической жизни, феномен диссидентства как модель взаимодействия власти и общества.

Участники круглого стола, представляющие московскую науку, вынесли на обсуждение проблемы не только всероссийского, но и планетарного масштаба. Поднимались вопросы исторического своеобразия и формирования наций в условиях глобализации, исследования политического лидерства и кризиса историографии в первой половине XVI века, сохранения историко-культурного наследия российской эмиграции и причин, обусловивших поражение Белого движения в России, фальсификации истории и легитимности власти в СССР, российской историогра-

фии и истории олимпийского движения, политической и научной деятельности крупнейшего российского ученого — академика Н. П. Кондакова.

Сегодня, без всякого сомнения, можно утверждать, что Коломенская земля становится традиционным местом плодотворных научных дискуссий ведущих ученых страны.

Вместе с тем, повышение роли и значения исторической науки, ее общественного признания не позволяет ей ограничиться только собственными, устоявшимися методами и процедурами поиска исторических закономерностей поступательного развития общества. Она с необходимостью должна осваивать междисциплинарные связи, одновременно развивая свой собственный категориальный аппарат и специфические процедуры изучения источников. Настоящий сборник как раз и имеет цель обсуждения многообразных методологических подходов к высказываниям об историческом прошлом и возможности использования в историческом познании широкого спектра научных методов.

В заключении хотелось бы отметить, что нам, представителям научного и преподавательского сообщества, всегда необходимо помнить о важности труда историка, его профессионализме и эрудиции, сообразительности и творческом воображении, наконец, об искренней преданности поиску истины, оставленной в наследство прошлыми поколениями.

Мы надеемся, что представленные в сборнике статьи окажутся полезными читателю, и станут дополнительным стимулом для поиска и открытий исторической правды, залогом успешной научной и педагогической деятельности.

*Заведующий кафедрой философии,
истории, политологии и права
ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет»,*

*Почетный работник высшего профессионального образования
кандидат философских наук, доцент С. Г. Калашников*

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Алексеев Г. М.

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В статье анализируется фальсификация истории Октябрьской революции, Великой Отечественной войны и других событий советского периода в трудах некоторых историков, диссертациях, учебных пособиях, изданных в бывших советских республиках.

Ключевые слова: историография, фальсификация истории, Октябрьская революция, Великая Отечественная война, советская эпоха.

Фальсификация истории советской эпохи стала одним из главных инструментов идеологической войны, ведущейся против России зарубежными и внутренними силами. Мутные потоки бесконечных идеологических диверсий против советского прошлого отравляют сознание народа лживыми мифами, порождают в среде молодежи нигилистическое, а то и просто враждебное отношение к своей Родине. Антисоветизм и антикоммунизм, русофобия и национализм ведут активную атаку против России, подталкивают ее к краху. Именно противники нашей страны, раскачивая Советский Союз по всем направлениям, смогли взорвать его. Буржуазная контрреволюция и демонтаж советской системы стали тяжелейшим испытанием для народа.

Либеральный лагерь, переписывая историю, пытается дезавуировать советскую историографию, тем самым стремится перечеркнуть героизм и самоотверженность миллионов тружеников

эпохи социалистического строительства, подменить объективную картину ее великих достижений обманом.

Антисоветские подделки изо дня в день крутятся в ведущих российских СМИ. Псевдодокументальные фильмы, отдельные передачи, целые сериалы искажают картину советского прошлого. В этой связи очернение советской истории есть, не что иное, как провокация против народной памяти, равная предательству национальных интересов. В условиях раскола общества, роста социальной несправедливости, когда цели размыты, возникает опасность стать жертвой провокаторов, погрязнув в топкой трясине ненависти к советской истории. Возникает острая борьба на поле идей. И здесь, как никогда, велика роль правдивой, объективной истории. Она либо способна помогать созиданию, либо — порождать разрушение. Такова реальность. Ее невозможно не признать.

Сегодня накануне столетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции, когда арсенал отечественной науки располагает огромным количеством литературы и документов, отношение к ее истории неоднозначно. Оценки роли и значения этой революции варьируются от «верхушечного переворота», большевистского кровавого мятежа, до «величайшего события XX века». Спрашивается, как все же оценивать роль Октябрьской революции и ее влияние на человеческое общество, исторический процесс?

Ответить на эти вопросы можно лишь в том случае, если понять то, в какой стране мы живем, в какой новой реальности мы очутились. А реальность такова, что ленинское наследие, как неотъемлемая часть всей структуры общественных наук, изъято из системы российского образования. Оно отвергается так называемыми современными «политологами», не утруждающими себя необходимостью разобраться в самой сути этого выдающегося учения XX века. В результате это привело к возникновению настоящего методологического хаоса, к дилетантству и невежеству, антинаучному и ошибочному толкованию общественно-политических процессов, к тотальной фальсификации великих достижений советской эпохи.

Не приходится говорить даже о том, что во время торжественных парадов на Красной площади мавзолей В. И. Ленина власти закрывают фанерой, молчаливо намекая, что ленинизм как учение — устарел, а его детище Советский Союз — на свалке истории. Сегодня, как никогда, особенно актуально звучат слова великого М. Горького: «... Нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира» [1, 173].

В этой связи необходимо хотя бы кратко напомнить, что теория социалистической революции была обоснована в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. В. И. Ленин творчески, всесторонне развил их учение применительно к России. В своих статьях «О лозунге Соединенных штатов Европы», «Военная программа пролетарской революции» он сделал гениальное открытие о возможности в условиях империализма победы пролетарской революции в одной отдельно взятой стране. Этот теоретический вывод был подтвержден всей практикой революционного движения. В октябре 1917 года под руководством Ленина и его партии в России победила революция рабочих и беднейших крестьян. Возникло первое в мире социалистическое государство, просуществовавшее 74 года.

Октябрьская революция стала событием мирового масштаба. К десятилетию Октября И. В. Сталин писал: «Октябрьская революция не есть только революция в «национальных рамках. Она есть, прежде всего, революция интернационального, мирового порядка, ибо она означает коренной поворот во всемирной истории человечества от старого, капиталистического, мира к новому, социалистическому миру» [2, 175].

Октябрьская революция впервые высвободила духовные силы народа. Страна, пережившая мировую войну, гражданскую кровавую междоусобицу и последующую разруху, достигла поистине фантастической мощи. За десять предвоенных лет Советский Союз сумел преодолеть путь, на который Европа потратила целое столетие. Было построено 9 тысяч новых предприятий,

около 300 новых городов. Наша экономика вышла на второе место в мире.

Миллионы ранее неграмотных не только смогли прочитать в советском букваре «Мы не рабы», но уже к своему сорокалетнему юбилею стали пионерами освоения космического пространства. Первый спутник, первый полет человека в космос, выход человека в открытое космическое пространство, первый «лунник», полет к Венере — вот далеко не полный перечень уникальных событий, вызвавших удивление у многих за рубежом: Россия, которая когда-то казалась цивилизованному Западу «во мгле», «на смертном одре», за невиданно короткий срок превратилась в сверхдержаву.

Особенно важно отметить, что Октябрьская революция привела к краху колониальную систему капитализма, дала мощный импульс национально-освободительному движению народов [3, 58–78], их освобождению от колониального рабства. И как здесь не вспомнить слова Джавахарлала Неру: «Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир» [4, 173].

Назвать Октябрьскую революцию верхушечным переворотом, случайностью, мятежом большевиков могут те, кто далек от нашей истории, кто продает науку на службу интересам капитала, кто соглашается нести против приверженцев социализма самую невероятную ложь, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Господа простят все это неолиберальным профессорам, «свободным» журналистам, конъюнктурным писателям, всем тем, кто с пеной у рта прокликает Советскую власть.

Парадоксально, но факт: чем злее транслируется ненависть к Октябрю, к советскому прошлому, тем ярче высвечиваются достижения СССР, созидательная сила и талант нашего народа, тем очевиднее сегодня тупики, к которым мы пришли. Передача государственной, общенародной собственности в руки оли-

гархии привела к разрушению экономики, к прозябанию науки и культуры, к подрыву социальных основ нашего общества, к победе лжи и цинизма. К сожалению, надо признать, что во многих монографиях, брошюрах и учебных пособиях, изданных за последние двадцать пять лет, история Великой Октябрьской социалистической революции либо замалчивается, либо покрыта густым туманом лжи. Она трактуется не как закономерное следствие исторического процесса, классовой борьбы в условиях капитализма, а как заговор русских бланкистов. Выступая перед молодыми историками в ноябре 2014 года, В. В. Путин напомнил о столетии Великой Октябрьской социалистической революции. Это событие, отметил он, требует глубокой объективной профессиональной оценки. Прозвучавшая мысль президента — призыв к преодолению, как очернительств, так и замалчивания величайшего события мировой истории.

Одним из главных объектов нападков и фальсификаций являются события, предшествовавшие Второй мировой и Великой Отечественной войнам. На одном из первых мест среди них стоит советско-германский договор от 23 августа 1939 года. Он стал своеобразным «эпицентром» спекуляций историков и политиков, в том числе и на государственном уровне. Сегодня ложь и фальсификация здесь нацелены не столько против исчезнувших с политической карты Советов, сколько против России. И, конечно, в центре внимания бурной полемики стоит так называемый договор с секретным дополнительным протоколом.

Не касаясь его подробно, скажем, что он ложно трактуется рядом исследователей, как преступный сговор между двумя диктаторскими режимами, якобы, в результате которого Литва, Латвия и Эстония лишились независимости. Доказательством преступления сталинского режима перед балтийскими народами, в частности, горбачевские «перестройщики» объявили не сам договор, а некие «секретные протоколы» к нему о разграничении сфер интересов между Германией и СССР. На базе этой фальсификации был даже разработан миф о том, что Вторая мировая

война началась потому что, Сталин и Гитлер сговорились о разделе Польши.

Каков механизм этой фальсификации? Острота дискуссий вокруг проблемы протоколов 1939 г. переместилась с польского на прибалтийское поле. На I съезде народных депутатов СССР (май 1989 г.) прибалтийские депутаты подняли вопрос о денонсации договора от 23 августа и дополнительного к нему «секретного протокола».

Как же дальше развивались события? С докладом по этому вопросу выступил бывший секретарь ЦК КПСС и член Политбюро А. Н. Яковлев. Он пытался убедить делегатов в подлинности «секретного протокола» уверениями, что он, якобы держал в руках копию с фотоконии этого протокола, переданного ему властями ФРГ. Яковлев не убедил делегатов съезда, и они проголосовали против денонсации.

Председательствующий на съезде М. С. Горбачев заявил, что в архиве МИДа действительно нет оригинала, а есть лишь только копия секретного протокола, и что он попросит канцлера Коля найти оригинал протокола в немецких архивах. Он предложил создать специальную комиссию для выяснения этой проблемы. 24 декабря 1989 года в докладе Второму съезду народных депутатов СССР А. Н. Яковлев проклял сей договор как «сговор двух хищников». Ну, а потом это подхватили все шакалы прессы и гиены телевидения. В принятом съездом постановлении, к которому приложил свою руку Яковлев, в частности, говорится, что «одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол» ... Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако графологическая, фотографическая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствующие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования» [5, 170–172].

В витиеватых словах «графологическая», «фотографическая», «лексическая» экспертиза явно просматривается стиль и метод сфабрикованной аргументации мистификатора Яковлева, его

старание ввести аудиторию в заблуждение. Таков механизм этой фальсификации. При этом заметим, что до сих пор историки ломают копья по поводу этого «секретного протокола». В руках его никто не держал, не видел, а Горбачев и Коль так и не нашли его оригинала. Словом, можно утверждать, что это явная примитивная фальшивка.

И все же возникает вопрос: зачем спустя полвека вдруг понадобилось на двух съездах обсуждать пакт Молотова — Риббентропа, а миф о «секретных протоколах» запустить в широкий пропагандистский оборот. Кстати, официально никто перед Советским Союзом вопрос о признании «секретных протоколов» не поднимал. Спрашивается, как эта фальсификация могла повлиять на текущую политику?

Вполне очевидно, что цель, которую преследовали деятели перестройки и их закордонные вдохновители — уничтожение СССР. Ставка была сделана на создание антирусских движений в национальных республиках страны. Флагманами здесь выступили Литва, Латвия и Эстония. Мобилизующим фактором является миф о советской «оккупации» прибалтийских стран в 1940 году и сговор между Сталиным и Гитлером в августе 1939 года. В этой ситуации именно миф о «секретном протоколе» стал базовым источником для сепаратистских прибалтийских движений, которые уже в 1990 г. сделали распад СССР свершившимся фактом.

Вполне откровенно и открыто ведется фальсификация истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Неслучайно под флагом развития науки, преодоления догматизма и «классового» подхода делаются попытки игнорировать и даже дезавуировать советскую историографию войны. За последние 30 лет появилось немало публикаций, в которых тенденциозно освещаются военные события, беззастенчиво подтасовываются факты, настойчиво внедряется дегероизация истории войны, допускаются необоснованные оценки и выводы, некритически используется зарубежная литература. Некоторые авторы в погоне за сенсационностью, мнимым новаторством, вместо устранения «белых пятен» создают но-

вые мифы и легенды. Под знаменем борьбы за правду со стороны «неординарно мыслящих» стала распространяться ложь, в основе которой нередко лежит стремление отдельных авторов нажать себе дешевый политический капитал, известность на антипатриотической пропаганде, на беспечных сделках с собственной совестью. Стремление же найти все корни нынешних проблем в недавнем прошлом, приводит к тому, что из исторического сознания новых поколений наших граждан исчезает Победа в Великой Отечественной войне. А наши учебники и научные исследования чаще подменяют ее победой во Второй мировой войне.

Приведу один пример. В учебнике А. Кредера, который долгое время был самым популярным и многотиражным, проводилась мысль, что главную роль в разгроме фашизма сыграли США, а события на Восточном фронте играли маловажную роль. Главными битвами Второй мировой войны провозглашалась битва за атолл Мидуэй на Тихом океане и сражение при Эль-Аламейке. Сражение под Москвой, Сталинградом, битва за Берлин упоминались мимоходом. Этот автор замалчивал роль Красной Армии в разгроме милитаристской Японии, оправдывал атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. По существу, он негативно оценивал разгром фашистской Германии, поскольку в результате «советский тоталитаризм» был распространен на страны Восточной Европы [6].

В 2005 году в издательстве «Крпа Олимп», в Москве вышла в свет книга Г. Х. Попова «Три войны Сталина». Как сказано в ее предисловии, «это особый взгляд автора на роль Великой Отечественной войны в истории нашего государства», подход правдивый и демократический. Более лживой и циничной книги о войне, к слову сказать, оправдывающей предателя Власова, трудно найти в нашей литературе. К 65-летию Победы читателю преподнес этот «подарок» не дилетант, а доктор экономических наук, профессор, бывший мэр Москвы.

Да что там Попов. В таланте «научной» фальсификации его превзошли профессор философии, бывший сотрудник ЦК КПСС

А. Ципко, историки К. Сванидзе и Л. Млечин, и многие их единомышленники. Все свои сочинения и выступления они открыто строят на величайшей ненависти к Советской власти, к советской истории. Здесь уместна поговорка: слепень, который скачет на лошади, думает, что он кавалерист.

Откровенная фальсификация истории Великой Отечественной войны преподносится учащимся в школьных учебниках независимых национальных государств. Скажем, учебники Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы, Украины и Эстонии связывают происхождение Второй мировой войны с «пактом Молотова-Риббентропа» и называют Советский Союз агрессором. Такая антинаучная трактовка, в частности, помогает реабилитировать местных предателей и представить их борцами за свободу.

Так, например, в учебнике Кульчицкого С. В. и Шаповалова Ю. И. [7, 23] представлена полная реабилитация украинских коллаборационистов. Оболванивая учеников, авторы даже оправдывают дивизию СС «Галичина».

Прослеживается явная попытка реабилитировать коллаборационистов в контексте «репрессий на Западной Украине» после прихода Красной Армии. В украинских учебниках тиражируется фальсификация о карательных операциях в отношении населения Западной Украины якобы сотрудников НКВД, переодетых в форму УПА. Однако не приводится ни одна успешная операция ОУН-УПА против немцев. Не сообщается, кто снабжал их униформой и вооружением. Замалчиваются факты убийства советского разведчика Н. Кузнецова и генерала Ватутина оуновцами. Короче говоря, злодеяния, совершавшиеся националистами, приписывают советской власти.

В латвийских учебниках утверждается, что Вторую мировую войну «развязали» Гитлер и Сталин. Школьников знакомят с выдержками из Декларации о советской оккупации, принятой Сеймом 22 августа 1996 г. Летом 1941 г., как утверждается в учебниках, латыши встретили немцев как «освободителей». Причиной тому было «безжалостное обращение с населением в год власти

коммунистов» как «страшный год». Немцев приветствовали цветами, так как было «все равно, кто прогнал бы ненавистную советскую оккупационную власть из Латвии» [8, 253].

Кризис новейшей историографии войны очевиден и в том, что российским ученым, авторитетным политикам, спустя 70 лет после окончания войны, приходится доказывать абсолютную истину США и Западу, что Советский Союз внес основной вклад в спасении человечества от «коричневой чумы». А наши апологеты антикоммунизма пытаются порой даже оправдать нацизм, коллаборационистов, «власовщину», поставить знак равенства между социализмом и фашизмом, поставить на одну доску И. В. Сталина и Гитлера. Трактовка же тождества нацизма и большевизма абсолютно антинаучна. Ставшая клише западного обществоведения, она утонченно внедрена в нашу науку. «Мы считаем, — заявил Б. Шпигель, председатель Совета Международного правозащитного движения «Мир без нацизма», — недопустимым уравнивание нацистского и советского режимов, тех, кто создал лагерь смерти Аушвиц, и тех, кто погасил его печи, тех, кто совершил геноцид евреев, цыган и славян, и тех, кто боролся против преступников» [9]. И с этим нельзя не согласиться.

Попутно заметим, что опросы общественного мнения последних лет показали; знания нашей молодежи о войне весьма поверхностные, слабые и смутные. Многие путают Вторую мировую войну с Великой Отечественной войной и даже с Отечественной войной 1812 г. А в числе военачальников Великой Отечественной войны называют М. Н. Тухачевского, М. В. Фрунзе, Ф. Э. Дзержинского, в лучшем случае знают только Г. К. Жукова.

Таким образом, сложившаяся ситуация объясняется сменой теоретико-концептуальной парадигмы в новейшей историографии, наличием в ней различных мировоззренческих позиций, отсутствием единой методологии. К тому же многие преподаватели, ученые, бывшие партийные идеологи, в одночасье переквалифицировавшиеся в конъюнктурных антикоммунистов, оказались неспособны на профессиональные теоретические дискуссии, тем

более — на защиту от ястребов отечественной истории. В системе образования из учебных программ исключались неудобные теории, ленинское наследие отодвинули в тень, а идеологию завели в тупик. Фальсификаторы остаются абсолютно безнаказанными.

Сказалась слабость государственной политики в условиях информационной и идеологической войны. Созданная в 2009 году при Президенте Российской Федерации комиссия по противодействию фальсификации истории оказалась инертной, не смогла решительно поставить барьер на пути мифов, фальшивок и подделок. Они и ныне запускаются в научный оборот, используются в художественных и документальных произведениях. Все это наносит огромный вред консолидации российского общества, его прогрессу.

Яркой иллюстрацией тому является оправдание власовщины. 1 марта 2016 года в «Санкт-Петербургском институте истории РАН» была предпринята беспрецедентная попытка «научно» легитимировать власовщину и коллаборационизм в качестве «формы социального протеста».

Речь идет уже не о монографии, а о защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (!) К. М. Александрова «Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России. 1943–1946 гг.». Автор давно уже известный своими антисоветскими, русофобскими взглядами, перешел все границы. Он вынес на защиту положение о том, что власовщина представляет собой «форму» социального протеста. Поясним: он ввел преступную организацию и криминальное явление в сферу легитимного общественного процесса. По существу, это не только чудовищная фальсификация истории, предательство самой науки, но и явная идеологическая диверсия. Не вдаваясь в содержание работы, подробности дискуссий Ученого Совета, скажем, что это был хорошо срежиссированный «научный» либеральный спектакль, рассчитанный на поддержку очень влиятельных лиц. Он закончился следующим голосованием членов Совета: за диссертацию, являющуюся научной фальсификацией, проголосовали 18 чле-

нов Совета, и лишь один против [10, 8–11]. Комментарии здесь излишни.

Затронутые актуальные вопросы заставляют задуматься о том, как профессионально, грамотно, по государственному выстроить и стимулировать механизм противостояния фальсификации истории советского государства, как остановить разрушение исторической памяти, как поднять уровень исторического образования, уважение к истории нашей страны. По-другому Россия идти вперед не сможет.

Литература

1. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. — М.: «Советская энциклопедия», 1977.
2. Сталин И. Вопросы ленинизма. — М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1945.
3. Емельянова Е. Н. Проблема войны и мира в теории и практике Коминтерна (1919–1923 гг.). Дис. ... канд. ист. наук — М., МГУ, 1998.
4. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. — М.: «Советская энциклопедия», 1977.
5. Законы, постановления и другие акты, принятые II съездом народных депутатов СССР, 12–14 декабря 1989 г. — М.: Изд-во Верховного Совета СССР, 1990.
6. См.: Новейшая история. XX век. Учебник для основной школы. 2-изд. — М., 1995; Новейшая история. 1914–1996. Учебник для 9 класса основной школы. — М., 1996.
7. Кульчицкий С.В., Шаповалов Ю. И. Новая история Украины (1939–2001). Учебник для 11 класса. — Киев: Генеза, 2005.
8. Очерки истории Латвии. Учебное пособие для средней школы. Под ред. Вирсиса. — Рига: «Звайгзне», 1991. С. 20; Курлович К., Томашун А.. История Латвии. Для основной школы. — Рига, 2002.
9. Российская газета. 12 ноября 2010 г., № 5335.
10. См.: Советская Россия. 10 марта 2016 г.

КРИЗИС ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПУБЛИКАЦИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Андронов И. Е.

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В статье предлагается характеристика некоторых симптомов кризиса западноевропейской светской историографии первой половины XVI века. Серия публикаций текстов античных историков (воспринимаемых в XVI веке не как историография, а как свод источников) стимулировала дальнейший рост интереса к истории вообще и к глобальным историческим концепциям в частности.

Ключевые слова: протестантизм, церковная историография, античные источники.

Начало XVI столетия стало временем определенного кризиса в гуманистической историографии. Политические события, духовные искания европейцев способствовали дальнейшему росту интереса к прошлому. Интерес к истории не снижался. Многие важные темы, родившиеся из нового понимания истории в структуре гуманитарного знания, а также из новых принципов работы с источниками, были впервые подняты в светской историографии XIV–XV веков сначала в Италии, а затем и в некоторых других европейских странах. Симптомы кризиса начала XVI века следует, прежде всего, видеть в растущей связи истории со смежными областями знания. То, что мы сегодня назвали бы «междисциплинарным подходом», было на острие историогра-

фической моды в первой половине XVI века, когда появились выдающиеся труды Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини и другие крупные произведения. Тем не менее, вскоре начал ощущаться тематический «голод». Известные тогда источники редко предлагали однородную почву для возведения крупных историографических конструкций за пределами итальянских городов-государств. Множество авторов, интересовавшихся сюжетами из прошлого, уходили в частные, подчас очень мелкие сюжеты; вновь стал популярным историко-биографический жанр. Несмотря на то, что светская гуманистическая историография еще порождала крупные фигуры (Жан Боден, Карло Сигонио и другие), их работы чаще всего ограничивались частными сюжетами либо представляли собой рассуждения об историческом методе. Последний жанр был вообще очень популярен в светской историографии XVI века, причем чаще всего в нем работали те, кто собственно историческими исследованиями не занимался — жанр был данью условности, чем-то вроде риторического упражнения.

Новый мощный стимул развитию западноевропейской историографии пришел также из смежной дисциплины, которая, однако, на протяжении долгих веков отличалась тематической закрытостью и консервативностью. История христианской церкви вдруг стала крайне актуальной после того, как накопившееся в среде европейских интеллектуалов и верующих недовольство практикой католической церкви вылилось в ряд выступлений против папства. Наиболее известной является протестная деятельность Мартина Лютера. Несмотря на то, что его критика часто была нацелена на неприглядные факты церковного прошлого, это не вылилось в создание целостной исторической концепции и в выдвижение ее в качестве антитезы официальной истории римской церкви. Время систематической инструментализации церковной истории еще не пришло.

В начале XVI века наиболее авторитетным источником сведений о церковной истории по-прежнему оставались тексты греческих авторов. «Церковная история» Евсевия Кесарийского, книги

Сократа Схоластика и Феодорита Кирского, а также Евагрия часто печатались и хранились вместе: эти труды связывала общая история написания, эпоха создания и историографическая традиция. В Европе середины XVI века ходило множество отличных экземпляров этих церковных историй. Первые были напечатаны ещё в эпоху инкунабулов; особенно популярны были эти книги среди издателей Страсбурга. Именно в страсбургских изданиях складывались традиции подборки, группировки и совместного издания текстов. Так, в третьей четверти XV века издатель Эггештайн выпустил отдельно Евсевия (с предисловием Иеронима) в переводе Руфина Аквилейского, а к ним — отдельное издание Беды Достопочтенного [1]. В 1500 году Георг Хуснер [2] подготовил новое однотомное издание Евсевия и Беды Достопочтенного [3]. С особой изысканностью были изданы классические тексты по ранней церковной истории в издательстве Иоганна Прюсса Старшего [4]. Постепенно стандартизируется набор текстов, включаемый в такие издания. Уже в издание Иоганна Прюсса входят, помимо Евсевия в переводе Руфина Аквилейского и двух книг самого Руфина, также книги Феодорита Кирского, Созомена, Сократа Схоластика в переводе Епифания Схоластика, с кратким комментарием Кассиодора. Издание текстов по ранней церковной истории перестаёт быть прерогативой владельцев издательств (чья роль в развитии различных отраслей знаний в первый век развития книгопечатания особенно велика) и привлекает внимание ведущих гуманистов: в 1523 году за подготовку нового издания взялся крупный немецкий гуманист Беат Ренан (1485–1547). Важнейшими его трудами по германской истории являются датированный 1519 годом «Комментарий к тацитовой «Германии»» и сочинение по германской истории *Regum Germanicarum libri III* (Базель, 1531). Для нас, впрочем, особый интерес представляют не они, а принадлежащий перу эльзасского гуманиста аппарат, сопровождающий крупную публикацию источников по истории ранней христианской церкви. Издание, известное под сокращённым названием «Авторы церковной истории», впервые вышло

в Базеле в типографии Фробена в 1523 году. Оно выделяется не только объёмом и скрупулёзностью проделанной филологической работы, но и ролью, которую ему пришлось сыграть в историко-церковной полемике. Эта книга была широко представлена во множестве европейских частных и монарших библиотек, а содержащиеся в ней тексты, впервые так хорошо и профессионально представленные публике, составили корпус основных источников для множества работ по церковной истории, включая «Магдебургские Центурии», их многочисленную критику и даже «Церковные анналы» Чезаре Баронио.

Подготовленная Беатом Ренаном публикация выдержала несколько изданий, что говорит о коммерческой целесообразности, а, следовательно, о востребованности этой книги в европейской читательской среде. После первой публикации [5] стандартизируется ее состав: издание в целом будет называться *Autores historiae ecclesiasticae*, а сочинения авторов, продолживших текст Евсевия (Феодорита, Созомена и Сократа) — *Historia Tripartita* [6]. Беат Ренан сделал всё то, чего мы вправе ожидать от гуманиста — выверил тексты по старинным рукописям, составил указатель, устранил большинство разночтений, накопившиеся в предыдущих изданиях неточности. Издание 1523 года превращается в своего рода «стандарт», который не только становится базой для подготовки более поздних изданий по церковной истории, но и первым в истории книгоиздания стереотипным изданием, которое при выпуске ряда последующих изданий просто перенабиралось буква за буквой. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что это издание, ставшее впоследствии образцом для переизданий, заранее рассматривалось издателем как таковое.

В 1535 году вышло новое издание «Авторов церковной истории», ставшее впоследствии стереотипным [7]: в него вошли некоторые новые тексты — «Церковная история» Никифора патриарха Константинопольского, а также «Три книги о преследовании вандалов» епископа Виктора. Издание 1544 года является самым известным и лучше всего представлено в библиотеках. Анализ

этой книги представляет для историка особый интерес: тот факт, что издание стало «стереотипным», указывает на его коммерческий успех, что, в свою очередь, является очевидным маркером соответствия основным тенденциям в восприятии обществом истории. Таким образом, издание Беата Ренана не только *воздействует* на читающую аудиторию, но — в наибольшей по сравнению с другими рассматриваемыми в данной главе текстами — отражает *обратное воздействие* аудитории, её интересов и симпатий на пишущую гуманитарную элиту.

Динамика изданий, подготовленных Беатом Ренаном, показывает растущий интерес к текстам, которые в контексте тогдашних представлений об истории составляли корпус «источников» [8] по истории христианской церкви первых веков её существования. Наличие не переведённых греческих текстов определённым образом характеризует публику, для которой эта публикация предпринимается. Кроме того, повторяющиеся переиздания показывают, что спрос удовлетворён не до конца, что количество этой публики растёт; большая часть текста издана, тем не менее, на латыни — она была распространена, конечно, гораздо шире греческого. Сочинение епископа Виктора привлекло внимание гуманиста тем, что в нём представлен внутрицерковный конфликт, и «вряд ли какой-нибудь другой пример ущерба Церкви от расщепления религий (a religionis sectis) будет показан более ярко». Налицо намёк на современные Беату Ренану события, о которых он по понятным причинам предпочитает не высказываться обязывающим образом [9].

Книги Феодорита в 1535 году были изданы по-гречески (к изданию 1544 года был подготовлен латинский перевод). Почему на греческом? Любопытно объяснение, представленное самим Беатом Ренаном: причина — в том, что полная версия этого текста (с письмами) вообще издавалась впервые. Какое это может иметь значение? Греческий язык априори был значительно менее доступен по сравнению с латынью и даже по сравнению с немецким языком; при этом греческий текст был ориентирован далеко за пределы Германии, он мог быть прочитан гуманистически обра-

зованными интеллектуалами во всей Европе. Для гуманиста Беата Ренана важнее филологическая ценность текста, его красота, форма; слово самоценно, оно является средоточием мысли, и его первоначальная форма, как верилось в ту эпоху, содержала некоторое знание, которое при переводе неизбежно утрачивалось. Приобретенное благодаря переводу (в первую очередь, конечно, более широкая читательская аудитория) было менее ценным, чем то, что, по мнению гуманиста, можно было потерять. Такого рода расчеты, и даже, если угодно, определённый «интеллектуальный снобизм» были тупиковой веткой интеллектуального развития Европы — это со всей очевидностью проявят последующие события, в том числе — и в рамках церковной историографии.

В этом вопросе как нельзя лучше проявляется дух идеализации гуманитарного знания, которым пропитана деятельность Ренана и ряда его современников. Обратим внимание на то, что издание латинского перевода классических текстов, исключительно высоко ценившихся римской Курией, содержит разностороннее и драматичное описание великого внутрицерковного конфликта (Арианского раскола), который, несмотря на былую его остроту и кажущуюся неразрешимость, в конце концов, закончился установлением церковного мира. В выборе для публикации позднеантичных текстов, помимо стремления избежать необходимости выносить какие-либо оценочные суждения в адрес «протестующих» современников и вообще вмешиваться в актуальные церковные проблемы, мы видим установку на обращение к источникам, к историческому примеру. Знание о прошлом, которое можно почерпнуть из данных текстов, знание, обёрнутое в античную обёртку, изложенное на безупречном классическом языке, для гуманистов ценнее, чем сиюминутные страсти, значительно менее изысканные по своему внешнему виду и представляющееся довольно низменными по содержанию. Подбор текстов, осуществлённый Беатом Ренаном, с одной стороны, демонстрирует его широкую эрудицию, уверенность в их общенаучной и даже актуальной ценности, но не только. Не случайно данное издание Ре-

нана стало последним существенным эпизодом участия «классических» гуманистов в набирающей обороты межконфессиональной историко-идеологической полемике: с открытием Тридентского Собора гуманисты теряют интерес к теме, приобретающей вселенский масштаб, ведущей к необратимым изменениям, уводящей всё дальше и дальше от понятных классических моделей. Следующие участники церковно-исторической полемики — это гуманисты лишь по образованию, но более не по образу мыслей и не по профессионально-культурной ориентации.

Публикации Ренана фиксируют для нас важную тенденцию: спрос на исторические тексты растёт, и растёт он далеко за пределами круга гуманистических монархов-меценатов и их учёных протеже. Кроме того, растёт и спрос на церковные истории, причём (и это тоже очень важно) *вне* межконфессионального конфликта, нарождающегося как раз в эти годы. Интерес к истории Церкви существовал и независимо от лютеровской критики Рима, он зародился в рамках проблематики позднего Возрождения и медленно усиливался по мере роста политического и гражданского самосознания грамотных слоёв населения, по мере углубления их религиозного самоощущения. Та часть общества, которую воспитали гуманисты, жаждала книг, текстов; публикации уже имевшихся текстов утоляли жажду познания, но лишь отчасти.

Особый протест Беата Ренана вызывают чудеса, сверх меры переполняющие благочестивые сочинения. Примечательно, что немецкий гуманист даже не обсуждает вопрос об истинности или ложности тех или иных чудес (обычно поднимаемый в тогдашней богословской литературе) — он считает, что они просто неуместны. По его мнению, «добродетельная простота» святых мужей является более уместной, чем разжигающая ненужное любопытство тенденция «воздать природе максимум, а божественному провидению минимум»: именно этому, по мнению автора, нас учит Святое Писание. Однако дело не только в этом: описание множества чудес делает историческое сочинение уязвимым, в него легче проникнуть всякого рода неточностям.

Среди множества «ошибок» Бэат Ренан особо выделяет огрехи переводчиков. Нет сомнений, что он выверил многие фрагменты, причём не только описательного, но и сугубо богословского характера. В качестве примера он приводит цитируемый Евсевием неправильно понятый им фрагмент из Иринейя о традициях соблюдения поста. Бэат Ренан предложил свой вариант [10], однако неправильный оригинальный отрывок из Евсевия не процитировал — ошибке не место в публикации!

Бэат Ренан проделал с издаваемыми текстами ту же работу, которую другие гуманисты уже проделывали с обнаруженными ими латинскими памятниками классической эпохи. Он выверил разночтения, определил наиболее точные варианты и привёл их в своём издании. В этой работе он пользовался поддержкой некоторых иерархов католической церкви — «ведь в Риме огромное количество не только учёных мужей, но и очень древних рукописей». Ренан считает, что публикация Евсевия вместе с авторами «Трёхчастной истории» нуждается в теоретическом обосновании именно в этой связи: неясные места из последней могут быть лучше поняты в том случае, если у читателя имеется возможность сопоставить их с текстом Евсевия, от которого Созомен, Сократ Схоластик и Феодорит отталкивались не только хронологически, но и методологически.

В довольно подробном описании проделанной работы мы не находим, однако, ничего, что пошло бы дальше филологической «техники». Нет сомнений, что Бэат Ренан блестяще разобрался в тех проблемах, которые смог перед собой поставить при издании этих важных текстов. Периодичность публикации (1523, 1535, 1544 гг.) указывает на относительно устойчивый спрос на такого рода литературу. До поры до времени скрупулёзность в «мелочах» вполне удовлетворяет читателей, не требующих от историко-церковной литературы цельной концепции и других подобных идеологических императивов. Бэат Ренан умер в 1547 году, и это событие совпало с утверждением новых читательских интересов, с возникновением — благодаря, в частности,

деятельности Тридентского Собора — новой проблематики. Требовались новые концепции, и для них публикации Беата Ренана и насыщенный этими публикациями читательский спрос стали необходимой «питательной средой».

Проделанная Беатом Ренаном филологическая работа скрупулёзна, хотя и не всегда очевидна. Важнейшим из частных моментов автор считал сличение полученной в результате отделения частей «Трёхчастной истории» друг от друга картины с тем, что содержится в тех античных источниках, добротность информации из которых не вызывает сомнений. Основной точкой отсчёта стало сочинение Аммиана Марцеллина. Примерно 7/8 объёма его «Письма к читателю» в публикации «Авторов церковной истории» занимает перечень разночтений между уважаемыми церковными историями и Аммианом Марцеллином. В самом начале письма он констатирует, что среди читателей этих книг много таких, кто не расположен слепо верить всему, что пишут в церковных историях. Отсюда возникает желание проверить полученную информацию, а выбор текстов для сравнения очень невелик. К подобному сопоставлению следует подходить осторожно; даже если в одном из публикуемых текстов встречается неправдоподобное утверждение, оно не означает, что неправдоподобным становится сочинение в целом. Этот момент очень важен:

«Если (в источнике. — ИА) и встретится что-то подобное (имеется в виду сомнительная или фантастичная информация. — ИА), то по этой причине не следует отбрасывать и всё остальное, оценивая по одному фрагменту ту другую информацию, которую читателям подтверждает согласие (других. — ИА) повествований (narrationis consensus) или последовательность событий (rerumseries). Наверное, нигде этого не происходит чаще, чем в жизнеописаниях отшельников или святых людей, где в назидательных целях древность прощает себе больше всего в стремлении создать наиболее совершенный образец жизни для прочтения» [11].

С одной стороны, Беат Ренан соблюдает подчеркнуто корректную позицию по отношению к церковной традиции, стре-

мясь минимизировать ущерб её авторитету в тех случаях, когда утверждения авторов «Трёхчастной истории» противоречат здравому смыслу или надёжным источникам. С другой стороны, нельзя не отметить саму возможность подвергнуть церковную традицию осознанной и целенаправленной критике, возможность при определённых условиях отвергнуть некоторые из её утверждений. Безусловно, при всей непоследовательности такой подход говорит и о научной принципиальности, и о житейской смелости немецкого гуманиста.

Последнее издание «Авторов церковной истории», подготовленное Беатом Ренаном [12], несколько отличается от первого. Крупнейшее отличие заключается в том, что греческий текст Феодорита был заменён на специально подготовленный латинский перевод. Скорее всего, подготовка этого перевода, сделанного блестящим филологом Иоахимом Камерарием (1500–1574), и стала поводом к переизданию всего корпуса текстов. В конце издания 1544 года помещён составленный им же перечень императоров (*Catalogus caesarum*). Он охватывает период от Константина Великого до начала IX века, что отлично стыкуется с уже господствовавшей в XVI веке в Европе теорией «переноса империи». Кроме этого перечня, публикацию сопровождают некоторые материалы справочного характера — дополнения биографического характера по поводу некоторых персонажей Феодорита, список епископов различных церквей, а также краткий перечень еретических учений, упоминаемых в этой книге [13]. На последних страницах книги приводится богословское рассуждение неизвестного авторства «О сущности и субстанции», а также письмо Василия Великого о различии между сущностью и субстанцией.

Одновременно с последней публикацией Беата Ренана в Париже вышло издание большей части тех же текстов, но на греческом языке [14]. Оно свидетельствует об определённой тенденции на книжном рынке, противоположной той, что мы отметили выше: наряду со стремлением заполнить нишу, вызванную интересом

всё более широкой публики к церковно-историческому чтению, существовало и стремление удовлетворить запросы интеллектуальной элиты путём высококачественного издания текстов на труднодоступном языке оригинала. Его отличало очень высокое для своего времени качество, минимум опечаток и неточностей. Помимо обычных текстов, в эту публикацию были включены и сходные по содержанию отрывки из не дошедшего до нас сочинения Феодора Анагоста (ум. до 550), донесённые до нас Никифором Каллистом Ксанфопулом.

Издание текстов по ранней церковной истории было весьма прибыльным делом, и это доказывает исключительную актуальность этой тематики в середине XVI века, даже определённый ажиотаж вокруг неё. После кончины Беата Ренана издатель Фробен не стал перекрывать золотую жилу и предпринял ещё несколько переизданий. Новые публикации помог подготовить известный богослов Вольфганг Мускулюс (Мюслин, 1497–1563). Уже через два года после кончины Беата Ренана, в 1549 году, вышло новое издание [15]; для издания 1554 года [16] были подготовлены некоторые новые переводы с греческого языка; текст Феодорита остался в версии Иоахима Камерария.

Мускулюс проделал большую работу, которая, впрочем, носит некоторые следы спешки. Бросается в глаза, что теперь текст Евсевия состоит не из 9, а из 10 книг, а «Трёхчастная история» разделена на три отдельные книги различного авторства. Всем отдельным книгам, на которые разбиты помещённые в издание сочинения, предпосланы краткие оглавления, не особенно тщательно подготовленные составителем.

Мускулюс посвятил свой труд «королю Англии и Франции, государю Ирландии, Защитнику христианской веры» Эдуарду VI. Для такого посвящения имеется интересный предлог: как известно, Константин, «некогда успешнейший поборник христианской веры», после кончины отца своего Констанция первым делом усмирил Британию, «воспользовавшись помощью небес, погасил тиранию нечестивцев и сумел утвердить христианскую рели-

гию». Посвящение датировано 11 июля 1549 года и подписано из Берна; по традиции, оно дублируется без изменений (в том числе в датировке) и во втором издании. Разделение «Трёхчастной истории» на изначальные элементы было продуманным шагом.

Этому изданию тоже было суждено стать стереотипным. К публикации 1557 года [17] был добавлен (также в переводе Мускулюса) «Синописис» Дорофея Тирского [18]. Сохранено и посвящение с его датировкой, и обильные непереверждённые греческие цитаты в нём из Евсевия и Иоанна Златоуста (в обращениях это было в высшей степени не принято и могло быть плохо воспринято адресатом). «Синописис» Дорофея содержит справочный материал о жизни и главным образом о смерти и — часто — погребении апостолов (включая апостолов от 70). Симона Петра Дорофей называет «корифеем апостолов»; Мускулюс не стал исправлять оригинал, возможно, обнаруживая в данном факте отсутствие симпатий в адрес лютеранства. Известие об апостоле Андрее содержит ошеломительные детали и выглядит следующим образом:

Брат Симона Петра Андрей, как передают наши предшественники, проповедовал Евангелие Господа Иисуса Христа в Скифии, Согдиане, среди саков и в окрестностях Севастополя, где живут эфиопские крестьяне. Похоронен же он был в городе Ахайе после того, как был распят царём эдесситов Эгеем [19].

Третье издание мастерской Иеронима Фробена и Николая Епископия 1562 года [20] в основной своей части слово в слово повторяет предыдущее (спустя пять лет оно только было набрано заново, о чём свидетельствует небольшое отклонение в верстке). Примечательно лишь составление нового указателя. Обозначение авторства исчезло, из чего можно предположить, что его сделал рядовой работник издательства. Он стал конкретнее и точнее, но существенно короче (14 листов вместо 25), появился список опечаток. По нашим сведениям, более поздних изданий этой антологии по ранней церковной истории в XVI веке предпринято не было.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что публикации Беата Ренана «подготовили почву» для первых протестантских церковных историй Конрада Хедио и особенно Флация Иллирика; Вольфганг Мускулюс несколько усовершенствовал продукт, но существенного вклада в прогресс уже не внёс. Скорее, его заслуга видится в продолжении тиражирования известных текстов, в поддержании интереса к темам из ранней церковной истории, а также в том, что он своими трудами неопровержимо доказал нам актуальность этого вопроса на всех уровнях, даже на коммерческом. Историческая литература обходит молчанием важнейший факт интеллектуальной жизни середины XVI века — резкое увеличение «учёного» интереса к церковной истории. Этот интерес был подпитан множеством экземпляров текстов по данному предмету, в которых интересные исторические сведения перемежались не только рассуждениями на тему морали, но и явными легендами. Неоднозначность их стимулировала обращение к оригинальным версиям, а также рост любопытства публики, недостаточно для этого образованной. Мы можем констатировать интересное явление, проявившееся ещё раз в начале европейского Просвещения: доступность *в целом известных* текстов вызвала обострение жажды новых текстов со стороны учёной публики. Когда древние церковные истории были приведены в порядок, выяснилось, что церковно-исторический материал очень востребован: в особенности это касалось столетий, не освещённых в этих книгах. Если роль публикаций Беата Ренана и парижского издания в эволюции собственно исторического знания значительно уступает по масштабу некоторым другим книгам этого времени, то в отношении подготовки общественного мнения можно констатировать весомый результат. Эти книги обозначили высшую точку сугубо гуманистического интереса к теме, а одновременно — и тупиковую ситуацию: издание для самых подготовленных читателей не стимулировало более широкого массового интереса, считавшиеся классическими тексты не удовлетворяли новых запросов, целые века оказы-

вались «за бортом» изданий по истории церкви. Филологической критики для движения исторического познания вперёд было уже явно недостаточно.

Литература и примечания

1. Prologus, Beati Jheronimi presbiteri in historias. Ecclesiasticas. Divi. Eusebii. Caesariensis. Episcopi. [Strassburg: Heinrich Eggstein, до 1475]. 129 л.
2. Об этом издателе практически ничего не известно, при том, что он был довольно заметен в страсбургской книжной жизни последней четверти XV века. Benzing J. Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet. Wiesbaden, 1982 (2 Aufl.). S. 437; Reske Ch. Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet: auf der Grundlage des gleichnamigen Werkes von Josef Benzing. Wiesbaden, 2007. S. 869; Allgemeine Deutsche Biographie, Bd. 13 (1881). S. 456.
3. Ecclesiastica Historia diui Eusebii: et Ecclesiastica historia gentis anglorum venerabilis Bede: cum vtraru[m]q[ue] historiaru[m] per singulos libros recollecta capitulorum annotatione. Argentinae, 14.03.1500. 160 л.
4. Ecclesiastice et Tripartite hystorie: insignia primitive ecclesie virorum gesta feliciter complectentis: libri duodecim. Auctoribus grecis: Theoderico. Sozomeno. Socrate. Traductore. Latino Epiphanio. Auspicante. Cassiodoro Senatore. [Strassburg: Joh. Prüss ок. 1500]. 96 л.
5. Autores historiae ecclesiasticae. Eusebi Pamphili Caesariensis Libri IX. Ruffino Interprete. Ruffini Presbyteri Aquileiensis, Libri duo. Recogniti ad antiqua exemplaria Latina per Beat. Rhenanum. Item ex Theodorito Episcopo Cyrensi, Sozomeno, et Socrate Constantinopolitano Libri XII. verso ab Epiphanio Scholastico, abbreviati per Cassiodorum Senatorem. unde illis Tripartitae historiae vocabulum. Emendati et hij multis locis. Additis passim Graecis epistolis plerisque Synodorum ac Imp. e Tomis Theodoriti, cum ut Latinae versioni ex hijs succurratur, tum ut velut monimenta quaedam

Christianae antiquitatis conserventur, et habeat lector φιλέλλην quod non sine fructu conferat. Froben, Basileae, 1523. 636 с.

6. Иногда название *Historia Tripartita* употреблялось расширительно по отношению и к более полному корпусу издаваемых текстов, в который, наряду с продолжателями, входил и прототип — «Церковная история» Евсевия Кесарийского. Традиция была заложена еще в античности сенатором Кассиодором.
7. *Autoreshistoriae ecclesiasticae*. Eusebij Pamphili Caesariensis libri novem, Ruffino interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis, libri duo. Item ex Theodorito Episcopo Cyrensi, Sozomeno, et Socrate Constantinopolitano libri duodecim, versi ab Epiphanio Scholastico, abbreviati per Cassiodorum Senatorem: unde illis *Tripartitae historiae vocabulum*. Omnia recognita ad antiqua exemplaria Latina, per Beatum Rhenanum. Praeterea non ante excusa Nicephori ecclesiastica historia, incerto interprete, Victoris episcopi libri III De persecutione Vandalica. Theodoriti Libri V graece, un sunt ab autore conscripti. Basileae, Froben, 1535. 667+176 с. (далее — *Autores 1535...*).
8. Конечно, эти тексты с теоретической точки зрения относились к историографии, но в XVI веке, вплоть до «Церковных annalov» Барония, ими пользовались как источниками не только в части описаний современной им христианской церкви, но и для заполнения фактологической лакуны в период между апостольскими временами и временем создания этих классических текстов.
9. См. *Autores 1535...* cit. P. aa2r. *Africanam Victorishistoriam vel in hoc perlegisse proderit, quod vix aliud exemplum ad deterrendum a religionis sectis sit efficacius: quod ibi sub oculos ponatur, quam dura atque infanda Christiani in Christianos perpetraverint, dum Barbarisuo in Romanos diomorem gerentes, religionis praetextu in illos aeviunt.*
10. *1Autores 1535...* P. aa3r.
11. *Autores 1535...* P. aa4r. *Si quid occurrat tale, non sunt idcirco reiicienda caetera, et ex uno aliquo loco cunctorum facienda*

aestimatio, quorum alioqui fidem quim narrationis consensus tum rerum series lectoribus approbat. Id forte nusquam frequentius accidit, quam in Eremitarum et divorum vitis, ubi docendi gratia plurimum sibi indulsit antiquitas, dum perfectissimam vitae formulam legendi delineat.

12. Autores historiae ecclesiasticae. Eusebij Pamphili Caesariensis libri IX. Ruffino interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis, libri II. Item ex Theodorito Episcopo Cyrensi, Sozomeno, et Socrate Constantinopolitano libri XII, versi ab Epiphanio Scholastico, abbreviati per Cassiodorum Senatorem: unde illis Tripartitae historiae vocabulum. Omnia recognita ad antiqua exemplaria Latina, per Beatum Rhenanum. His accesserunt Nicephori ecclesiastica historia, incerto interprete. Victoris episcopi libri III De persecutione Vvandalica. Theodoriti libri V. nuper ab Ioachimo Camerario latinitate donati. Basileae, Froben et Episcopus, 1544. 851+36 c.
13. Ibid. P. 834–840. INDICATIO HAERESEΩN quarum in hoc scripto mentio est. Отметим уникальный в данной работе случай — написание слова на двух языках одновременно!
14. Ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου ἐπισκόπου καὶ Σαρδάς τῆς παλαισίνυς βιβλία ι'. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸν βίος τοῦ μακαρίου κονσταντίνου βασιλέως λόγοι ε'. Σωκράτης σχολαστικοῦ βιβλία ζ'. Θεοδώριτου ἐπισκόπου κύρου βιβλία ε'. Ἐκλογῶν ἀπὸ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας θεοδώρου ἀναγνώστου βιβλία β'. Ἑρμείου σωζομένου σαλαμίνιου βιβλία θ'. Εὐαγρίου σχολαστικοῦ ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλία ς'. Lutetiae Parisiorum, 1544. 353 л.
15. 15. Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebii Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae lib. X. Wolfgango Musculo interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae lib. II Eusebii Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, Idem interprete lib. VII.
16. Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebij Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae. lib. X. Vuolfgango Musculo interprete.

- Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae. lib. II. Eusebij Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, Idem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi Cyri, Ioachimo Camerario interprete. lib. V. Hermij Sozomeni Salaminij, Musculo interprete. lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, lib. II Idem interprete. Evagrii Scholastici, Idem interprete. lib. VI. Index memorabilium rerum sub finem additus est copiosissimus. Basilii Magni epistola ad Gregorium fratrem suum De discrimine inter Essentiam et Substantiam. Basel, Hier. Froben et Nic. Episcopius, 1554. 506 л.
17. Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebii Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae lib. X. Wolfgango Musculo interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae lib. II Eusebii Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, Idem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi Cyri, Ioachimo Camerario interprete lib. V. Hermii Sozomeni Salaminii, Musculo interprete lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, Idem interprete lib. II. Evagrii Scholastici, Idem interprete lib. VI. Dorothei, episcopi Tyri Synopsis, Apostolorum ac Prophetarum vitas complectens, Idem interprete, nunc primum in lucem aedita. Basileae 1557. 819 c.
18. Ibid. P. 806–819.
19. Ibid. P. 806.
20. Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebii Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae lib. X. Wolfgango Musculo interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae lib. II Eusebii Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, Idem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi Cyri, Ioachimo Camerario interprete lib. V. Hermii Sozomeni Salaminii, Musculo interprete lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, Idem interprete lib. II. Evagrii Scholastici, Idem interprete lib. VI. Dorothei, episcopi Tyri Synopsis, Apostolorum ac Prophetarum vitas complectens, Idem interprete. Basileae 1562. 818 c

ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ 90-х гг. XX века

Базин О. А.

Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна, Московская область, Россия

В статье рассматривается переломный период для развития политических отношений Японии и Германии, выделяются факторы способствующие сближению этих государств на международной арене. Отдельное внимание уделяется реализации концепции Такэситы, роли США и реформе ООН в японо-германских отношениях.

Ключевые слова: Япония, Германия, концепция Такэситы, реформа ООН.

В 90-х гг. XX века произошли кардинальные изменения в международных отношениях, которые заставили многие государства пересмотреть свои внешнеполитические ориентиры. В значительной степени это можно проследить на примере внешней политики Японии и ее отношениях с ФРГ. На протяжении второй половины XX века эти государства плодотворно сотрудничали в экономической сфере, но реалии конца XX века дали импульс для развития политических отношений между Японией и Германией.

Отправной точкой для расширения сотрудничества Японии и ФРГ в 90-е гг. XX века стало провозглашение концепции международного сотрудничества Н. Такэситы. Она состояла из трёх основных элементов: «сотрудничество в интересах мира» — прекращение конфликтов, «увеличение государственной помощи развитию» — избавление от нищеты, «активизация международных контактов в области культуры».

Теоретически реализация всех трёх элементов могла осуществляться в тесном сотрудничестве с Германией. Эта европейская страна обладала необходимым для прекращения конфликтов авторитетом в мировой политике, располагала материальными ресурсами для помощи развивающимся странам, являлась страной с огромным культурным достоянием. Однако на практике реализация обозначенных Н. Такэситой элементов международного сотрудничества в отношении Германии была сопряжена с рядом трудностей.

Что касается «сотрудничества в интересах мира», то эта сторона развития политических отношений Японии и Германии в 90-е гг. представлялась наиболее актуальной. Такие крупные события начала 90-х гг., как распад СССР, война в Персидском заливе, ситуация в Югославии, показали, что теперь существует только одна сверхдержава — США. В связи с этим появилась точка зрения, что такие страны, как Япония, Германия и ряд других стран способны стать противовесом США для сохранения баланса сил в мировой системе. В основе такой точки зрения лежала растущая финансово-экономическая мощь Японии и Германии. В то время некоторые учёные склонны были выделять объединенную Германию в самостоятельный от других стран Западной Европы центр [2, 141]. Справедливость этого утверждения усиливалась по мере постепенного преодоления Германией социально-экономических трудностей, привнесённых воссоединением с бывшей ГДР.

В связи с кардинальными изменениями в международных отношениях 90-х гг. появилась необходимость тесного взаимодействия внешнеполитических ведомств Японии и Германии. Х. Маул, отмечая наличие перспектив для политического сотрудничества Японии и Германии в новой международной ситуации, указывает, что на смену «жесткой» силе сверхдержав, способных повелевать другими, во всё большей степени приходит «мягкая сила гражданской (цивилизованной) державы», прообраз которой он видит в Германии и Японии [6, 189].

Отсутствие возможностей самостоятельно увеличить свою роль в мировой политике выдвинули перед Японией и Германией задачу поиска союзника, равнозначного по политической и экономической силе, и близкого в идеологическом плане. В связи с этим в 90-е гг. появились реальные предпосылки для углубления политического сотрудничества Японии и Германии на современном этапе или в обозримом будущем, в том числе и в сфере «сотрудничества в интересах мира».

Большое значение для содержательного оформления нового уровня политических отношений Японии и Германии имело заявление, которое сделал германский министр иностранных дел Х. — Д. Геншер во время своего визита в Токио в феврале 1992 г. В этом заявлении Х. — Д. Геншер обосновал немецкие интересы на сотрудничество с Японией изменениями в мировой политике и необходимостью координации политики обоих государств. Несмотря на то, что германский министр подчеркнул, что это сотрудничество может быть «определено только как экономическое», Х. — Д. Геншер также отметил, что оно должно соответствовать той «важной роли», которую обе страны играют в международной политике [5, 378]. Это заявление было одобрено японским министром иностранных дел Ватанабэ. С визитом Х. — Д. Геншера в Токио в 1992 г., обусловленным необходимостью взаимодействия в политической сфере, после продолжительной паузы, в течение которой не было двусторонних встреч западногерманских и японских руководителей на высшем уровне, стали вырисовываться контуры концепции совместного политического сотрудничества Бонна и Токио.

Значительное влияние на развитие японо-германских отношений в политической сфере оказало объединение Германии. Это событие имело двоякое значение для японской внешней политики. С одной стороны, ещё до объединения Германии Япония демонстрировала понимание стремления немецкого народа преодолеть раскол. Контакты Японии с ГДР имели, прежде всего, экономический, а не политический характер. Хотя ГДР и под-

чёркивала своим представительством в Японии принадлежность к немецким культурным ценностям, но для японцев всегда были очевидны политические различия между «Западом» и «Востоком» Германии [4, 7]. В Японии воссоединение двух Германий рассматривалось через призму изменения расстановки сил в «холодной войне». Поэтому японские СМИ с воодушевлением восприняли начало процесса объединения Германии. Так, японский телеканал Ти-Би-Эс следующим образом оценивал это событие: «в текущий момент динамично развиваются события в социалистических странах Восточной Европы по пути демократизации и расширения свободы, что было ярко проиллюстрировано объявлением о ликвидации берлинской стены, служившей символом раскола Восточной и Западной Германии» [3, 2–3]. Кроме того, существовала точка зрения, что процесс объединения Германии мог благотворно повлиять на урегулирование территориального спора между Японией и Россией. Однако нам представляется необоснованным утверждение о том, что вопрос о возврате японских островов мог бы решиться параллельно с возвращением ГДР в лоно Западной Германии.

Процесс распада биполярного мира не только создал хорошие перспективы для выхода политического сотрудничества Японии и Германии на качественно новый уровень, но и породил опасения японского руководства по поводу чрезмерного усиления позиций Германии в мире, особенно в азиатском регионе. Ситуация усугублялась тем, что в 90-х гг. в Японии на смену довоенному лозунгу «уйдём из Азии, войдем в Европу» окончательно пришла идея реазианизации Японии (возвращение её в Азию при одновременном сохранении и укреплении своих позиций на Западе).

Ключевым пунктом политического диалога Японии и Германии стал вопрос о вхождении этих стран в число постоянных членов Совета Безопасности ООН [1, 33–36]. Ход дискуссии на тему «голубых касок» в Японии и в Германии сделал очевидным, что обе страны готовы, через содействие миротворческим силам ООН увеличить свою международную роль. Это создавало воз-

возможности для координации усилий Японии и Германии в целях упрочения своих позиций в ООН. По мнению немецких исследователей, достижение этой цели стало бы официальным признанием возросшей мировой роли Японии и Германии и отчасти сняло бы с этих стран ответственность за развязывание Второй мировой войны [5, 501]. Это утверждение кажется справедливым ввиду того, что само создание ООН мотивировалось противодействием странам, выступившим в роли агрессоров в ходе Второй мировой войны. Это нашло отражение в пунктах статей 53 и 107 Устава ООН, где Германия и Япония именовались «враждебными государствами». То есть первоначально ООН являлась объединением союзников, воевавших против Японии и Германии во Второй мировой войне.

На этом этапе возросло влияние «американского фактора» на политическое сотрудничество Японии и Германии. В новой международной обстановке данный фактор выступил как дезорганизующий элемент политических контактов двух стран. Во-первых, Германия выразила острую критику по отношению к некоторым действиям США на международной арене. В частности, в начале XXI века во время агрессии США в Ираке Япония и Германия заняли диаметрально противоположные позиции: Германия осудила агрессию, а Япония в знак поддержки США направила свои войска в район боевых действий. Более того, в случае с Германией, пустив на выборах в дело «антиамериканскую карту» (осуждение действий США в Ираке), Г. Шредер сильно осложнил обеспечение американской поддержки по вопросу получения постоянного места в Совете Безопасности ООН.

Во-вторых, Германия активно лоббировала идею создания полностью независимой от США европейской системы обороны, противоположной той, которая существует в рамках НАТО и основана на военно-политическом, организационном и техническом доминировании США. Эта линия германской внешней политики также не совпадала с интересами внешней политики Японии, поскольку локализовала задачи Германии по обе-

спечению безопасности рамками европейского континента и не предусматривала сотрудничества с Японией по этой проблеме.

В то же время следует отметить, что в целом позиции США, Японии и Германии по многим международным проблемам совпадали. После распада СССР, в результате комбинированных действий США, их союзников и внутренних антисоветских сил, США взяли курс на утверждение своих преобладающих позиций в мире в первую очередь в тех регионах, в которых они видели угрозу для стабильности мировой ситуации. Это касалось Югославии, Афганистана, Ирака, Ирана и Северной Кореи. В этих странах США добивались решения проблем в свою пользу.

Таким образом, в 90-е гг. XX века появились предпосылки для качественного изменения содержания и значения сотрудничества Японии и Германии. Эти предпосылки были обусловлены крахом биполярной мировой системы, возрастанием политической роли обоих государств в мире, объединением Германии. Однако в 90-е гг. эти предпосылки в полной мере реализовать не удалось, что объясняется экономической и политической конкуренцией в ряде регионов мира, различной ориентацией внешнеполитических доктрин двух стран. Основная позитивная черта политического сотрудничества Японии и Германии заключалась в появлении общей проблемы, требующей активного сотрудничества двух стран — вхождение Японии и Германии в Совет Безопасности ООН на постоянной основе. Эта проблема впервые со времен Второй мировой войны выдвинула политическое сотрудничество двух стран на первый план международной политики. В условиях глобализации принадлежность Японии и Германии к ведущим странам мира сделала необходимым активизацию их политического взаимодействия в целях эффективного решения множества международных проблем.

Литература

1. Базин О. А. Изменение политики Японии в ООН в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века // Исторические, философские,

- политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 9 (23) 2012. Часть 1. — Тамбов, 2012.
2. Лабецкая Е. Особенности взаимоотношений КНР и Германии. // Объединенная Германия в Европе и мире. М., 1994.
 3. РГАНИ. Ф. 89, П. № 30, Д. № 17.
 4. Deutschland und Japan. Die deutsch-japanischen Beziehungen in Gegenwart und Vergangenheit. Tokio, 1986.
 5. Japan und Europa: Getrennte Welten? Frankfurt a. M., 1993.
 6. Maul H. W. Japan, Deutschland und die Zukunft der internationalen Politik. // Auf der Suche nach der Gestalt Europas. Bonn, 1990.

ИСТОЧНИКИ ЛЕГИТИМНОСТИ И ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ В СССР

Березкина О. С.

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Революционное взятие власти, обязательство построить новое общество, провал мировой революции обусловили остроту проблемы легитимизации коммунистического режима. Главными источниками легитимности на протяжении всей советской истории являлись идеология и харизма, несмотря на попытки укрепить легально-рациональные основания власти. Процесс делегитимации начался задолго до «перестройки», был связан, прежде всего, с рутинизацией харизмы и ослаблением влияния партийной идеологии. Острый кризис легитимности рубежа 1980–1990-х гг. и его исход заслуживают существенного внимания с точки зрения осмысления исторического опыта и выработки адекватной политики на современном этапе.

Ключевые слова: революция, источники легитимности, коммунистический режим, самолегитимация.

Проблема легитимации играет ключевую роль в истории коммунистического режима в СССР. Ее актуализация, во-первых, была связана с революционным взятием власти, разрушавшим традиционную легитимность царского режима и те зарождавшиеся формы демократической легитимации, которые были воплощены в избираемых Государственных Думах и Учредительном собрании. Этим формам были противопоставлены Советы, радикально-демократический по своей природе институт, означавший преимущественный доступ к реализации власти выходцев из не-

привилегированных социальных групп. Однако одним из результатов Гражданской войны стало осуществление политики через партию, сопровождавшееся упадком Советов и реализовавшееся впоследствии в построении партийного аппарата — реального института политической власти в стране. Советы превратились в орган одобрения партийных решений, а также выполняли административно-распорядительные функции, что было отражено даже в их названии, употреблявшемся в партийных документах — «советско-административные органы» (фигурируют вместе с кооперацией, профсоюзами и другими организациями, по отношению к которым осуществляется партийное руководство). В результате речь шла не о легитимизации системы Советов, а об общественном признании фактического режима «диктатуры партии».

Во-вторых, взятие власти большевиками связывалось с мировой революцией, изначально они не предполагали, что останутся один на один с «капиталистическим окружением». «Необходимо выстоять до мировой революции, — писал в наиболее сложный период борьбы за выживание В. И. Ленин. — Когда она начнется...это будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет...» [1, 16]. Однако мировая революция, как известно, не состоялась, и большевиков не оставалось другого выхода, кроме как утвердить свое долгосрочное политическое господство в одной стране, то есть осуществить самолегитимацию в конкретно взятом обществе.

В-третьих, проблема легитимности была связана с тем, что большевики в момент взятия власти взяли на себя обязательства по осуществлению беспрецедентной программы развития, построения принципиально нового общества, и именно это являлось основным оправданием режима и самой революции. «Для чего тогда (если есть сомнения в перспективах социализма — О.Б.) нужно было производить Октябрьскую революцию? — вопрошал на XV партконференции делегат Махарадзе. — Для чего нужно было столько крови, столько жертв? Для чего это было нужно?» [7, 653]. Вопрос к концу 1920-х гг. стоял очень остро: даже в среде

ответственных партийных работников высказывалось мнение, что альтернативой построению социализма может быть сдача власти. Речь шла не только о том, чтобы радикально преобразовать общество, но и о том, чтобы решить проблемы государственного развития. На Пленуме ЦК ВКП(б) ноября 1928 года И. В. Сталин, обосновывая необходимость переводить крестьян на базу крупного коллективного хозяйства, цитировал В. И. Ленина: «Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически... Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» [10, 98]. Ранее, на июльском пленуме 1928 года его участник Н. Анцелович говорил о «паникерстве» среди некоторых ответственных работников в связи со сложностями хлебозаготовок, приводил сказанную ему фразу: «Ну, тогда значит, нужно власть отдавать» [9, 84]. Можно отметить, что проблема легитимации исключала иной, по сравнению с избранным в конце 1920-х гг., путь решения социально-экономических проблем.

Каковы были источники легитимности коммунистической системы власти? Прежде всего, следует обратить внимание на партийную идеологию, оправдывавшую монопольную власть партии. Идеологическая легитимация — отнюдь не особое качество большевистского режима, любое легитимное господство имеет идеологические основания. Однако в революционных и постреволюционных ситуациях, когда традиционная легитимность разрушена, а легально-рациональная не утвердилась, идеология приобретает гипертрофированное значение. Идеологическая легитимация требовала массивной обработки населения, активной пропагандистской деятельности, предполагала усвоение гражданами основного содержания идеологической доктрины партии, тех принципиально новых ценностей, которые в перспективе должны были стать основой мировоззрения «нового человека». В 1920-е гг. успешность индоктринации была весьма проблематичной как в силу явного несоответствия идеалов и эпохальной реальности, так и в силу необеспеченности огромной массы, прежде всего, крестьянского населения сред-

ствами пропаганды. Влияние партийной идеологии как основы консенсусного объединения общества возросло уже в 1930-е гг. на основе успехов индустриализации, роста рабочего класса, изменения всего уклада крестьянской жизни, появления новой, советской интеллигенции, вышедшей «из низов» и позитивно воспринимавшей произошедшие перемены.

Следующим источником легитимности являлась харизма. Прежде всего, нужно вести речь о персональной харизме В. И. Ленина, являвшегося, по выражению Е. Преображенского, «самостоятельным элементом политической системы, непосредственно связанным с миллионами» [3, 40–41]. Впоследствии в борьбе за харизму побеждает И. В. Сталин, объявленный наиболее верным учеником Ленина и в определенный период истории пользовавшийся, несмотря на все эксцессы его политики, поддержкой большинства населения страны. Однако наибольший интерес, на наш взгляд, вызывает феномен харизматизации самой партии — коллективного вождя, состоящей из «несгибаемых большевиков», стремящейся к «святой» цели освобождения всего человечества. Многим в этой связи памятен распространенный уже в период рутинизации харизмы лозунг «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!». После смерти И. В. Сталина партия, в отсутствие харизматических личностей, становится единственным воплощением осуществимости идеалов нового общества. Другой вопрос — насколько «жизненной» является харизма института, не подкрепленная персональными выдающимися качествами вождя.

Третьим источником — легально-рациональной легитимности — первоначально являлись Советы, поддерживавшиеся крестьянством — подавляющим большинством населения страны. Однако «диктатура партии» фактически осуществлялась не через Советы, а через партийный аппарат, и задача легитимизации требовала признания большинством населения именно партии как института власти, превращения верховенства партии в источник власти и легитимности одновременно. Подъем авторитета Советов не решал проблему легитимации, нижние их этажи были «затопле-

ны крестьянской массой», партия не могла опереться на Советы как на реальный орган контролирующей власти. Уже в первой половине 1920-х годов съезд Советов открыто характеризовался как всем известный «всесоюзный митинг», а работа в советских органах рассматривалась как «низшая категория» партийной работы по сравнению с работой в аппарате партии [5, 124; 8]. В 1920-е гг. идет активное построение партийного аппарата сверху донизу, в виде секретарской иерархии складывается жесткая вертикальная структура исполнительной власти. Общественное признание сложившегося режима «диктатуры партии» связано уже с периодом 1930-х годов, когда на основе радикальной трансформации общества фактическая система власти получила одобрение большинства населения страны, связывавшего (или пытавшегося связать) с этой системой свои рационально понятые интересы. Однако легально-рациональная легитимация была слабой, о чем, на наш взгляд, говорит и тот факт, что руководящая роль партии закреплялась в Конституции 1936 года весьма «скромной» 126-й статьей.

Важными факторами легитимизации режима первоначально стали: установка на строительство социализма в одной стране, превращение партии «элитарной» (со строгими правилами приема) в партию массовую, изменения персонального состава партийной элиты и динамичность рекрутирования. Идея строительства социализма в одной стране стала «формулой правления» коммунистической элиты, ликвидировав двусмысленность в толковании перспектив режима. Она давала четкий ответ на волновавший равно правящую группу и общество вопрос, «нужно ли было в октябре идти на восстание, имело ли Октябрьское восстание пролетарский, социалистический характер, и есть ли условия для социалистического строительства в одной стране» [6, 191].

Превращение партии в массовую, с большими ячейками на заводах и фабриках, было осуществлено в ходе наборов в партию рабочих по облегченным правилам. Начало здесь было положено «ленинским призывом» 1924 года, вызванным озабоченностью правящей группы своей социальной базой. Изменения персо-

нального состава партийной элиты характеризовались вытеснением «местными работниками» интеллигентской эмигрантской верхушки партии и продвижением на все посты партийцев «ленинских призывов», которое продолжалось с конца 1920-х по конец 1930-х гг. На деле партия широко открыла двери выходцам из рабочих и беднейших крестьян, предоставив им возможность доступа к реализации власти. Эта возможность немедленно проявилась в изменениях персонального состава руководящих парторганов: уже в 1927 году почти 20% членов областкомов и 27% членов губкомов составляют лица, вступившие в партию в 1924 году и позднее [2, 794]. Именно массовое вхождение в состав парторганов коммунистов «ленинских призывов» стало базовым фактором формирования элиты с установившимся статусом.

Ключевое для самолегитимации коммунистического режима значение имела трансформация общества в 1930-е гг., в результате которой было достигнуто формальное соответствие идеологии и общественных реалий, подтвержден харизматический авторитет партии и лично И. В. Сталина, признана «полноправная» руководящая роль партии в обществе. Большое значение имели меры по строительству социального государства, начатому практически сразу после революции (бесплатное образование и здравоохранение, социальное страхование рабочих и служащих). Кроме того, успехи в модернизации экономики, решение задач государственного развития, возвращение стране статуса великой державы импонировало большинству, что позволило подключить к процессу легитимации традиционные ценности.

Несмотря на успех, насильственность созданного в короткий период порядка, навязывание принципиально новых представлений о мире, требующих воспитания «нового человека», наличие в обществе большого слоя лиц, пострадавших от режима, отсутствие у общества возможности реализовать право выбора, усиливавшееся осознание дефицита свободы, прежде всего, в среде росшей быстрыми темпами интеллигенции — все это в долгосрочной перспективе ставило легитимность коммунистической системы

под вопрос. Поддержание достигнутой легитимности верховенства партии требовало постоянных усилий по поддержанию авторитета новых ценностей. Идеология и харизма по-прежнему имели гипертрофированное значение, обуславливая острую зависимость режима от постоянных успехов и движения вперед.

Было бы непросто точно определить время, когда началась делегитимация советского режима. Серьезным ударом по авторитету партии был доклад Н. Хрущева на XX партсъезде, разоблачавший культ личности И. Сталина. В докладе не подвергалась сомнению система власти как таковая, однако дезавуирование харизмы вождя, с которым связывались все успехи, не могло не сказаться негативным образом на авторитете партии в целом. Кроме того, «коллективное руководство» не могло вызывать того эмоционально-личного отношения, которое было связано с фигурой Сталина. Тем не менее 1950-е-1960-е гг. характеризуются большими успехами в экономическом развитии, расширением социального обеспечения населения, знаковыми событиями — освоением целины, запуском первого в мире спутника, полетом Ю. Гагарина в космос. Харизма самолегитимируется посредством подтверждения, а все перечисленное подтверждало выдающиеся качества партии как коллективного вождя. Личность Н. Хрущева многими воспринималась неоднозначно, и его снятие призвано было продемонстрировать приоритет партии, а не лидера.

Однако харизматическая легитимация не предполагает медленного, постепенного движения, отсутствия значимых событий, свидетельствующих о достижении намеченных целей, основана на «эмоциональной общности», аффективном типе социального действия: массы должны находиться в состоянии эмоционального напряжения, усиливающего проявления преданности вождю. Период же 1970–80-х гг. характеризуется именно таким медленным движением, заорганизованностью, формальностью участия, отсутствием эпохальных свершений. Харизма партии явно рутинизируется, идут процессы дальнейшей бюрократизации, на первый план начинают выходить потребительские настроения

как в элите, так и в обществе в целом (противостоять им должна была борьба с «вещизмом»). Личность слабеющего, больного лидера не только не усиливает харизматическую легитимацию, но, наоборот, способствует ее разрушению.

Сходные процессы характеризуют эволюцию идеологической легитимности. Появление концепции «развитого социализма», хотя и способствовало на какое-то время оправданию режима, но лишило общество казавшейся ранее близкой коммунистической перспективы. Индоктринация приобретает все более формальный характер, распространяются «двоемыслие», конформизм, а в среде интеллигенции — и диссидентские настроения. При этом стоит отметить, что скептицизм в отношении основ советского строя мешал увидеть те реальные достижения, которые были этому строю присущи. Все более осознаваемый дефицит свободы был важным компонентом делигитимации коммунистического режима, сводившим на нет усилия идеологической пропаганды. Вторым таким компонентом являлась невозможность построить осуждавшееся официальной пропагандой «общество потребления» в условиях роста потребительских настроений и соответствующего социального недовольства. Воспитание «нового человека» сталкивалось с более глубокими, нежели рассчитывали разработчики концепции, основами человеческого поведения, которые препятствовали дальнейшей успешной индоктринации. Перефразируя М. Вебера, можно сказать, что советские идеологи недостаточно учитывали «традиционную или рациональную обыденную экономику, получение регулярных «доходов» с помощью направленной на эту цель последовательной экономической деятельности» [4, 141].

Попыткой укрепить легально-рациональную легитимность стало принятие новой Конституции 1977 года с содержащейся в ней статьей о руководящей роли партии. Однако, во-первых, советское общество не было обществом с правовым сознанием, связанным с приоритетом закона в сознании людей. Во-вторых, часть граждан страны воспринимала эту статью как закрепление ограничения свободы, характеризовавшего советский режим.

В-третьих, легально-рациональная легитимность не имела решающего значения, поскольку партия была не в состоянии обеспечить качество жизни, которое связывалось населением со своими рационально понятыми интересами. Тем не менее важнейшим пунктом оппозиционной борьбы в период «перестройки» стала борьба за отмену конституционной статьи о руководящей роли партии в обществе, что говорит о наличии, в той или иной степени, институциональной легитимности.

Эпоха «перестройки» характеризуется резким ускорением процесса делегитимации коммунистического режима. Дискредитация партии, ее достижений в результате политики «гласности» происходила в условиях усугубления социально-экономической ситуации. Она разрушала как идеологемы, лежавшие в основе легитимности, так и харизматический авторитет партии-коллективного вождя. Разрушение и без того хрупкой легальной легитимности ускорилось с проведением политической реформы, в результате которой началось уничтожение каркаса режима. В любом случае можно отметить: предпосылки стремительной делегитимации складывались задолго до «перестройки», однако процесс был ускорен в результате неумелых (или намеренных) действий самой политической элиты.

Исторический опыт самоутверждения коммунистического режима и его падения в результате острого кризиса легитимности на рубеже 1980–1990-х гг. заслуживает серьезного внимания. Наиболее очевидно высвечены поверхностный характер индоктринации, легкость манипулирования массовым сознанием, неустойчивость режима «тоталитарной демократии» при ослаблении идеологических основ и развенчании харизматического авторитета. Проблема легитимности требует анализа менталитета народа, особенностей его политической культуры и моделей поведения. Одним из уроков истории стал тот факт, что, несмотря на способность граждан на какой-то период мобилизоваться вокруг привлекательной идеи и переносить серьезные лишения, в *долгосрочной* перспективе ставка на некую особую «духовность», вос-

питание «нового человека» не дает желаемых результатов: идеологические усилия в советскую эпоху вынуждены были противостоять элементарным потребительским интересам. Сегодня российская власть, на наш взгляд, осознает эту проблему: несмотря на все поиски духовных «скреп», политика в социально-экономической области ведется очень осторожно, даже в условиях экономического кризиса акцентируется неизбежность социальных выплат. Основные достижения постсоветской эпохи – «общество потребления» и больший, нежели ранее, уровень свободы при сохранении, хотя и в урезанном виде, социального государства – поддерживают легитимность уже современного российского режима. Исторический опыт стоит рассматривать как один из ограничителей политики, наряду с социально-экономическими, культурными и другими факторами. Его осмысление призвано способствовать выработке шагов, учитывающих специфику социума при постановке и решении задач развития страны.

Литература

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.
2. Бубнов А. ВКП(б). М.; Л., 1931.
3. Преображенский Е. А. Ленин. М., 1924.
4. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5.
5. Тринадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963.
6. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1961–1962. С 191.
7. Пятнадцатая конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1927.
8. Пленум ЦК РКП(б). Март-апрель 1924 г. Стенографический отчет. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 128.
9. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. Стеногр. отчет. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 375. Вып. 2. Ч. П.
10. Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. Стеногр. отчет. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 397. Вып. 1. Ч. П.

К ВОПРОСУ О РЕВИЗИИ СОБЫТИЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бирюков А. М.

Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна, Московская область, Россия

В статье рассмотрены причины ревизии исторических оценок событий периода Второй мировой войны. Выявлены как внутриполитические, так и внешнеполитические факторы искажений исторического прошлого.

Ключевые слова: Вторая мировая война; ревизионизм; В. Суворов; «план Жукова»; территориальные претензии.

В истории XX века, наполненной бурными и масштабными событиями и процессами, Вторая мировая война уверенно стоит на первом месте. Лидирует она (и связанные с ней события) и по степени влияния на последующее развитие человечества по целому комплексу характеристик — от демографических до колониальных, от военно-технических до культурных.

Специфической особенностью Второй мировой является то, что её политическое влияние на современный мир не ослабевает с годами; эта война не превращается в классическое «прошрое», в историю буквально, а остаётся актуальным, буквально «живым» явлением. Различные общественные силы и государственные власти стремятся использовать события Второй мировой и их трактовки в своих интересах. Причин этого несколько, но большинство из них можно свести к двум основным мотивациям — внутриполитическим и внешнеполитическим (международным).

И в том, и в другом случае история войны активно политизируется, превращаясь в некий мощный аргумент для достижения

конкретных целей. Когда подобное применяется в период войны для ослабления боевого духа вражеских солдат (методами спецпропаганды), то заинтересованная сторона даёт себе отчет в том, что эти меры имеют конкретного адресата и ограниченный срок применения. В большой политике такая «прикладная история» используется масштабно и длительное время, постепенно просачиваясь из политической риторики в «чистую историю». Так, внутренний или внешний диссидент, выступая против того или иного политического режима, вольно или невольно будет субъективно подходить к подбору, группировке и анализу исторических фактов, исходя из своего желания как можно сильнее уязвить те силы, против которых он борется. Разоблачая существующий режим, обуреваемый личными корыстными амбициями политик или публицист вполне может довести до общественного мнения какой-либо факт в своём понимании, в своём толковании, привлечь внимание и, подчас, добиться немалого успеха. Так, в начале 1990-х годов, в условиях крушения советской модели исторической науки, стоявшей на марксистско-ленинском фундаменте, английский публицист советского происхождения Виктор Суворов обрушил на головы россиян свою теорию, быстро приобретающую привкус сенсации и частью населения воспринимавшуюся вполне серьёзно. Дошло дело и до изучения этой теории в школах (с позиций безусловной правоты автора). Критика суворовской концепции, выросшей из теории немецкого историка Эрнста Нольте о «вынужденном превентивном ударе» Гитлера (которую немецкие же историки отметили как ненаучную ещё в первой половине 1980-х гг.), публиковалась в специальных журналах и была доступна фактически только специалистам. Хуже другое — в условиях огульного очернения своего же прошлого, подчас прямо поддерживавшегося властями в 1990-х годах (очевидно, что бы легче расстаться с советским прошлым и увереннее смотреть в будущее суверенной России), даже историки-специалисты не спешили воспользоваться не только архивными материалами, но и здравым смыслом.

Не секрет, что генштабы вооруженных сил всех крупных государств и в мирное время готовят «оборону по всем направлениям», разрабатывая планы возможной войны с далёкими и близкими странами, ибо нынешнее хорошее состояние дел в двусторонних отношениях может в течение часов смениться на прямо противоположное (как случилось, например, в ночь с 21 на 22 июня 1941 г.). Естественно, что военные теоретики должны разрабатывать варианты начала войны в самых разных условиях — и в оборонительных, и в наступательных (вспомним, что советский план войны ещё до её начала открыто характеризовался в общих чертах именно активной позицией — «могучим ударом, малой кровью и на чужой территории»). Таким образом, найденный в архивах «план Жукова» есть продукт нормальной и правильной постановки дела в Генштабе РККА начала 1940-х годов, а вовсе не является явным доказательством природной агрессивности советского руководства. Но ведь о том, что составлением подобных планов занимаются всё время генштабы всех армий стран мира, ни Суворов, ни его эпигоны сообщать читателям не собирались, ибо тогда бы их «истина о намерениях Сталина» начала бы в массовом общественном сознании быстро бледнеть и вырождаться. Так и случилось в начале 2000-х годов, когда ряд российских историков [5] обратился к строгому анализу теории Суворова (сам «план Жукова» был подвергнут внимательному изучению ещё в 2000 г. [2, 58–67]). Важно отметить, что новый критический взгляд на войну (например, цикл книг о войне Владимира Бешанова [3]) оказался охотно востребован обществом, и на это оперативно отреагировали издательства, формируя тем самым читательский интерес по одной из наиболее важных и значимых тем истории XX века.

Трезвый, взвешенный и рассудительный подход к изучению истории вообще и Второй мировой войны в частности представляется фальсификаторам скучным, никому не интересным и т.д. — ведь куда зазорнее строчить книгу за книгой с «разоблачениями сталинского коварства», тем более, если это явля-

ется прибыльным бизнес-проектом. Объективность в подобных ситуациях не оказывается случайно оттеснённой куда-то на обочину — нет, она целенаправленно приносится в жертву с заранее обдуманнными ритуальными намерениями. Один из лидеров Третьего рейха не зря утверждал, что чем чудовищнее ложь — тем охотнее в неё верят...

Как уже упоминалось, воздействие на историческое знание может происходить и происходит по внешнеполитическим мотивам. То страны-участники войны начинают поднимать вопрос о жертвах — и своих, и чужих (вопрос о доле вклада в войну). То начинают подниматься темы финансовых претензий, причём если на межгосударственном уровне это всерьёз не рассматривается, то внутривнутриполитическое решение может быть иным — так, власти Германии по собственной инициативе провели масштабную выплату компенсаций жертвам войны с тем, что бы активно начать бороться за место постоянного члена в Совете Безопасности ООН. Регулярно встаёт вопрос о послевоенных границах, и каждый претендент выворачивает события предвоенного периода и военного времени на свой манер (в случае с Россией открытые претензии предъявляет Япония («северные территории») и скрытые — Финляндия (район Карельского перешейка) и Германия (Калининградская область)) [6]. Но наиболее часто «прикладная история» применяется для обоснования своих нынешних и будущих мировых политических амбиций.

Для США с их заявками на роль безусловного лидера в Азиатско-Тихоокеанском регионе начало Второй мировой ассоциируется с Перл-Харбором (что и закрепляет в общественном сознании одноимённый фильм), и там существует интерес к боевым действиям на Тихом океане, причём куда больший, чем к участию американских войск в боевых действиях в Европе. Титулом «американский Цезарь» известный американский историк У. Манчестер «наградил» не Д. Эйзенхауэра, командовавшего в Европе, а Д. Макартура, победителя на Тихом океане [1]. Официальный Токио пытается «продолжать войну» сразу на нескольких на-

правлениях [7], одновременно поднимая острые вопросы в отношениях с Россией (СССР-де предательски нанес удар в спину Японской империи, когда та изнемогала в борьбе с американцами), в отношениях с Китаем (тот-де не понял выгод для себя в результате оккупации его японскими войсками), в отношениях с Кореями и Азией в целом (отрицая, например, факты массового подневольного труда азиатских секс-рабынь в тылу японских войск [4]).

Интересно обратиться и к российскому опыту. Если во внутренней политике, в культуре и общественном сознании военная тема поднимается часто и масштабно, вплоть до принятия мер административной борьбы с фальсификаторами истории Великой Отечественной, то в международных отношениях используется более умеренный подход. Здесь позиция Кремля, как представляется, является достаточно взвешенной, в рамках логики и здравого смысла. Так, если сравнить слова советского вождя в его приказе НКО СССР № 55 от 23 февраля 1942 г. и выступление президента России 9 мая 2016 года на Красной площади, то можно увидеть разницу в трактовках образа врага: если Сталин использовал в основном национальные определения, указывая действующего врага «поимённо» («немцы»), то Путин давнего противника определял преимущественно партийно-идеологическими терминами («нацисты», «фашисты»), указывая тем самым, что к современной Германии слова о войне и победе не относятся (тем более что Москва подчеркивает, что традиционно заинтересована в улучшении отношений с Берлином). Учитывая, что с советского времени сохранилась традиция определять вражеские силы термином «немецко-фашистские войска», можно считать применение президентом партийно-идеологических определений вполне оправданным.

Таким образом, в наши дни тема Второй мировой войны остаётся актуальной как для учёных, так и для политиков. Однако общественное внимание к этой теме, её востребованность среди тех, кто интересуется историей, используется подчас ины-

ми политическими силами для достижения своих особых целей, далеко не всегда имеющих достойный научный и политический характер. Поэтому задача современного историка-исследователя — быть последовательным защитником исторической объективности.

Литература

1. Manchester W. American Caesar: Douglas MacArthur, 1880–1964. NY.: Little, Brown and Company, 1978.
2. Безыменский Л. А. О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г. //Новая и новейшая история. 2000. № 3.
3. Бешанов В. В. Год 1942 — «учебный». Мн.: «Харвест», 2002.; Бешанов Владимир. Десять сталинских ударов. Мн., «Харвест», 2004; Бешанов Владимир. Ленинградская оборона. М.: «АСТ», Мн.: «Харвест», 2005.
4. В Южной Корее не хотят забывать о сексуальном рабстве времен японской оккупации — <https://eadaily.com/news/2015/12/26/v-yuzhnoy-koree-ne-hotyat-zabyvat-o-seksualnom-rabstve-remen-yaronskoj-okkupacii> (дата обращения: 27.12.2015 г.).
5. Исаев А. В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М.: «Яуза», «Эксмо», 2005; Пыхалов И. В. Великая оболганная война. М.: Яуза, Эксмо, 2006; Стариков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина? Роковая ошибка Гитлера. СПб.: ИД «Питер», 2009.
6. Муранова А. У кого есть территориальные претензии к России — <http://russian7.ru/2014/09/u-kogo-est-territorialnye-pretenzi/> (дата обращения: 01.10.2016 г.); Трухачёв В. Права человека как средство реванша. — <http://www.pravda.ru/world/europe/european/13-09-2005/51996-revansh-0/> (дата обращения: 10.10.2014 г.).
7. Япония перестанет извиняться за Вторую мировую — <http://news.rambler.ru/30029859/> (дата обращения: 21.04.2015 г.).

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ МИР: ИСТОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Бондаренко Д. М.

Институт Африки РАН, Москва, Россия

В той форме, в которой национальное государство известно поныне, оно сложилось в Европе и Северной Америке в Новое время и пережило пору своего расцвета в XIX–XX вв., будучи адекватно реалиям мира промышленного капитализма и культурного национализма. Однако в конце XX — начале XXI вв. в мире доминируют иные тенденции и процессы — связанные с глобализацией и постиндустриализмом. В самом Западном мире сегодня вынуждены пытаться отойти от устоявшейся концепции нации и искать пути решения совершенно иной задачи — поддержания единства граждан государства при сохранении привнесенного мигрантами со всего света культурного многообразия. В этой ситуации не исключено, что постколониальные страны, сохраняющие изначальную мультикультурность, могут оказаться в выигрышном положении, если в них откажутся от попыток строить нации по устаревшей классической модели.

Ключевые слова: постколониальное общество; нация; национальное государство; глобализация; мультикультурализм.

Постколониальные общества Азии и Африки — уникальное явление всемирной истории. Их появление на свет в середине XX в. не явилось результатом многовековых внутренних социальных процессов, но было непосредственно обусловлено образованием, недолгим (по историческим меркам) существованием и распадом колониальных империй европейских стран. Границы колоний отражали, прежде всего, соотношение сил между державами-метрополиями в том или ином регионе, но не предшество-

ющий ход его собственной политической, социальной, экономической и культурной истории. В пределах той или иной колонии за редкими исключениями насильно объединялось множество народов, зачастую с очень отличающимися друг от друга культурами. И в то же время не менее часто границы колониальных владений разделяли один народ или рвали исторически сложившиеся региональные системы экономических и культурных связей. Точно так же колонизаторами, с одной стороны, принудительно объединялись народы, ранее не образывавшие региональных политико-экономических систем, находившиеся на разных уровнях социокультурной сложности, которые иногда даже не ведали о существовании друг друга или были историческими врагами. С другой стороны, народы и общества, связанные единством исторических судеб или сложившимися торговыми связями, зачастую оказывались разделенными колониальными границами. Эти характеристики дополнялись стадийной и цивилизационной гетерогенностью колониальных социумов. Насажденные европейцами в различных сферах элементы капитализма не синтезировались с комплексом докапиталистических черт местных обществ. Так же мало пересекались автохтонные и возникшие в результате деятельности колонизаторов секторы общественной жизни, в которых доминировали принципиально разные системы ценностей.

Искусственные поликультурность и полисоциумность, стадийная и цивилизационная гетерогенность оставались определяющими характеристиками большинства колониальных обществ на всем протяжении их существования и вместе с колониальными границами были унаследованы обществами постколониальными. Постколониальные государства есть наследие колониализма в том отношении, что, когда колонизаторы уходили, мир уже был «глобальным». Собственно, он и стал таковым благодаря освоению мира европейцами, начиная с эпохи Великих географических открытий — «подвигу Запада» по выражению Ф. Броделя [1, 428–440]. Суверенное же национальное государство — та форма

политической организации, которая позволяет сегодня той или иной общности являться полноценным субъектом международного права, т.к. в его основе лежит идея о таком государстве как базовой единице международных отношений, мировой политики. Таким образом, альтернативы провозглашению суверенных национальных государств у постколониальных стран попросту не было.

При этом в постколониальных условиях порожденные колониализмом проблемы приобрели новые измерения, в частности, связанные с необходимостью замещения колониальных государств суверенными национальными государствами. И, соответственно, с задачей максимально быстрого формирования национального — социокультурного, системоценностного — единства граждан, при котором в их иерархии идентичностей и самоидентификаций принадлежность к общности сограждан занимает более высокое место, чем членство в какой бы то ни было общности, охватывающей лишь их часть (региональной, конфессиональной и т.д.). В Европе нации как форма культурного единства гражданских обществ и национальные государства как форма их политической организации вызревали в течение веков вследствие постепенной реализации внутренних предпосылок к этому. В итоге в пределах национальных государств установилось соответствие культурных и политических границ [2], а в результате сложения гражданского общества был преодолен разрыв между ним и государством [3; 4, 61–73]. В большинстве же постколониальных стран Азии и Африки, образовавшихся как во многом случайный и разнородный конгломерат культур и социумов, внутренняя социокультурная динамика местных обществ не вела к формированию наций и национальных государств, феноменов по природе своей европейских. Немало постколониальных государств все еще нащупывают путь к обретению внутренней органичности, социокультурной, национальной цельности.

Таким образом, специфика общества и государства в постколониальных странах является следствием особого пути их фор-

мирования. Начав складываться в своем нынешнем виде в колониальный период, а потому воспроизводя форму политических институтов и правовые нормы Запада Нового времени, постколониальное государство не могло автоматически усвоить присущего им содержания, вложенного гражданским обществом, самостоятельно сложившимся в Европе, но не в Азии и Африке [5, 26–32]. Наиважнейшей особенностью процесса формирования наций в постколониальных странах является изначально ведущая роль в нем не общества, а государства. Поскольку в афро-азиатских странах гражданское общество в колониальный период не сложилось, его самоорганизация в нацию сразу после получения колониями независимости не была возможна, а потому интегрирующую роль могло взять на себя только государство. Таким образом, в постколониальных странах строительство наций было инициировано и направлялось внешней по отношению к обществу, вставшей над ним силой. Этим определяется своеобразие не только процесса, но и результатов на сегодняшний день формирования постколониальных наций, в частности, сохраняющийся существенный разрыв между обществом и государством, недостаточная сила влияния первого на второе. При этом постколониальное государство оказалось гораздо более устойчивым и способным адаптироваться к переменам на глобальном, региональном и национальном уровнях, чем казалось исследователям еще десятилетие назад [6, 22–43; 7]. Несмотря на то, что складывание институтов гражданского общества и повышение их роли в последние десятилетия — несомненный факт общественно-политической жизни многих афро-азиатских стран, центральная роль в них государства, его первичность по отношению к социальным и экономическим институтам, т.е. способность не просто обслуживать и направлять, но и формировать их, а вместе с ними — и саму систему общественных отношений, как правило, сохраняется. Лишенные внутренних предпосылок для становления в нынешних границах и при этом имеющие ноевропейскую по происхождению политическую систему, пост-

колониальные страны все еще могут оставаться жизнеспособными только при большой (в сравнении с либеральным Западом) роли государства; в том числе при сохранении его «конструктивистской» роли в строительстве наций. Проблема этих стран заключается не в том, что в них государство имеет более важное, определяющее значение, нежели на Западе. Суть проблемы в том, что постколониальные государства зачастую оказываются недостаточно эффективными с точки зрения их собственной исторической и социокультурной логики [8].

Проведенный нами на основе данных, собранных в ходе полевых исследований 2003–2010 гг., сравнительный анализ процесса становления наций в Танзании и Замбии — двух соседних африканских государствах, в прошлом — владениях Великобритании показал, что вследствие лучших исторических предпосылок на сегодняшний день Танзания ближе, чем Замбия (и вообще большинство стран субсахарской Африки) подошла к сложению нации как общности сограждан, приверженных единым базовым ценностям, обладающих единой культурой и идентичностью поверх локальных и частных — этнических, региональных, конфессиональных — культур и идентичностей с их системами ценностей, и для которых лояльность одному для всех них национальному государству первична по отношению к обусловленным ими различиям. В Замбии же локальные идентичности, особенно трибальные и этнические, намного более значимы, чем в Танзании [9, 33–39; 10, 40–46]. Но это сравнение наталкивает на мысль о возможном существовании важного парадокса. Его суть становится понятной при проведении аналогии между социокультурной и экономической историей постколониальных государств. В первые десятилетия независимости многие из них стремились воплотить в жизнь так называемую «модель догоняющего развития», т.е. ставили задачу индустриализации страны, создания экономической системы, подобной существовавшей в развитых странах. Эта модель не оправдала себя: пока постколониальные страны пытались индустриализироваться,

Первый мир уже переходил в постиндустриальное состояние, и разрыв между ним и Третьим миром только увеличивался. Так же в постколониальных государствах ставилась и продолжает ставиться задача строительства наций по образцу европейских наций Нового времени, несмотря на колоссальные трудности такого строительства, связанные, в том числе, с отличиями от европейских афро-азиатских традиционных политических культур, социальных институтов, систем ценностей и т.д. Однако в самом Западном мире сегодня уже вынуждены пытаться отойти от концепции нации, утвердившейся к концу XVIII в. благодаря в первую очередь Великой французской революции [11; 12; 13], и искать пути решения совершенно иной задачи — поддержания единства граждан государства при сохранении привнесенного мигрантами со всего света культурного многообразия. Не единая культурная, системоценностная идентичность, доминирующая над идентичностями локальными и частными, но равноправное сосуществование множества культурных идентичностей акцентируется ныне как новая базовая национальная ценность, как источник национального развития в современных условиях интенсивной глобализации.

Соответственно, глобализация — социокультурная, политическая, экономическая — ставит под сомнение будущее и национального государства как формы политической организации, и концепции суверенитета как основы его легитимности. Не надо забывать, что национальное государство — явление историческое, т.е. возникающее в определенных исторических условиях и исчезающее с их изменением. В той форме, в которой национальное государство известно поныне, оно сложилось в Европе и Северной Америке в Новое время и пережило пору своего расцвета в XIX–XX вв., будучи адекватно реалиям мира промышленного капитализма и культурного национализма. Однако на грани XX и XXI вв. в мире доминируют иные тенденции и процессы — связанные с глобализацией и постиндустриализмом. Не удивительно, что и новоевропейская концепция суве-

ренитета как основного атрибута национального государства, утверждающая отдельное национальное государство в статусе главного субъекта международных отношений, также переживает очевидный кризис [14, 94–97; 15, 29–94, 163–304.]. Создание Европейского союза в 1993 г. стало первой попыткой (с до сих пор не вполне ясным исходом) наделить высшим суверенитетом транснациональные политические институты (а не создать объединение суверенных государств, подобное Африканскому союзу, Лиге Арабских государств, Организации Объединенных Наций и т.д.). Вероятно, в постиндустриальном и постсовременном глобальном мире нас ждет появление на свет и постнационального государства, одним из оснований которого будет отказ от национального суверенитета (но не политической независимости) как главного атрибута государства в пользу трансгосударственных институтов управления. Параллельно будет формироваться и глобальная транснациональная культура, не упраздняющая, но объединяющая культуры национальные. Культурный национализм же утрачивает конгруэнтность патриотизму: как национальный патриотизм, он превозносит преданность согражданам как людям одной культуры, системы ценностей, тогда как ныне согражданство не подразумевает такого единства априори, а потому все более превращается в сугубо правовую категорию, постепенно лишаясь культурного и национального наполнения. Если некогда нации возникали в результате приведения в соответствие культурных и политических идентичностей, то ныне они снова могут не совпадать: сегодня быть членом нации означает, в том числе, способность проявлять толерантность к инокультурным согражданам.

В такой ситуации не является ли более перспективным положение не Танзании, а Замбии и постколониальных стран, подобных ей, коих большинство? Тем более что в них основной водораздел пролегает между культурами составляющих абсолютное большинство населения автохтонных народов, различия между которыми не столь разительны, как между культурами коренного

населения и многих общин мигрантов — двух основных «культурных акторов» в современных странах Запада. На сегодняшний день поставленный нами вопрос не имеет достоверного ответа, в том числе ввиду неясности перспектив мультикультурализма на Западе, по-прежнему играющем ведущую роль в глобальных социокультурных процессах.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. М.: Прогресс, 1986.
2. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1983.
3. Breuilly J. *Nationalism and the State*. Manchester: Manchester University Press, 1993.
4. Breuilly J. *Nationalism and the State // Nations and Nationalism: A Reader* / eds. P. Spencer, H. Wollman. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005.
5. Бондаренко Д. М. «Универсальная» концепция прав человека и «африканская специфика» // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Африке / ред. А. Л. Рябинин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
6. Nugent P. *States and Social Contracts in Africa: Time, Space and the Art of the Possible // Africa: Power and Powerlessness* / eds. H. Horáková, P. Nugent, P. Skalník. Berlin: LIT for Metropolitan University Prague, 2011.
7. Young C. *The Postcolonial State in Africa. Fifty Years of Independence, 1960–2010*. Madison, WI: The University of Wisconsin Press, 2012.
8. Chabal P., Skalník P. (eds.) *Africanists on Africa. Current Issues*. Berlin: LIT for The University of Hradec Králové, 2010.
9. Бондаренко Д. М. Африка: формирование наций и этнорасовая толерантность. Ч. 1 // Азия и Африка сегодня. 2011, № 12.

10. Бондаренко Д. М. Африка: формирование наций и этнорасовая толерантность. Ч. 2 // Азия и Африка сегодня. 2012, № 1.
11. Dann O., Dinwiddy J. R. (eds.) *Nationalism in the Age of the French Revolution*. London; Ronceverte, WV: Hambledon Press, 1988.
12. Bell D. A. *The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism, 1680–1800*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
13. Keitner C. I. *The Paradoxes of Nationalism. The French Revolution and Its Meaning for Contemporary Nation Building*. Albany, NY: State University of New York Press, 2007.
14. Turner T. *Shifting the Frame from Nation-state to Global Market. Class and Social Consciousness in the Advanced Capitalist Countries // Globalization: Critical Issues / ed. Chun A*. London: Berghahn Books, 2004.
15. Kapferer B., Bertelsen B. E. (eds.) *Crisis of the State. War and Social Upheaval*. N. Y.; Oxford: Berghahn Books, 2012.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АКАДЕМИКА Н. П. КОНДАКОВА 1890-х гг.

Бутырский М. Н.

Государственный музей Востока, РГГУ, Москва, Россия

Селунская Н. А.

Институт всеобщей истории РАН,

Центр интеллектуальной истории, Москва, Россия

В 1890-х гг. состоялись две российские научные экспедиции под руководством Н. П. Кондакова — на Ближний Восток (1891 г.) и в Македонию (1900 г.), предпринятые в интересах не только отечественной науки, но также внешней политики и конфессионального влияния Российской империи. Заказчиком первой выступало Имп. Православное Палестинское общество, второй — Имп. С.-Петербургская Академия наук. Далёкий от религиозных мотиваций, но совсем не чуждый участия в политике, во всяком случае, путём культурно-исторического обоснования политических решений, Н. П. Кондаков в обеих экспедициях служил интересам академической науки, ставя превыше всего добросовестный сбор фактического материала и готовя тем самым почву для будущих глубоких изысканий.

Ключевые слова: Н. П. Кондаков, экспедиции, Ближний Восток, Македония, внешняя политика, история.

Научная биография Н. П. Кондакова, выдающегося русско-го учёного-византиниста, писалась не только в аудиториях и кабинетах, за кафедрой или письменным столом, но также в ходе многочисленных экспедиций, куда учёного влекла неистощимая потребность в новых фактах, новом материале для исследований христианских древностей, изучению которых он посвятил

свою жизнь. В этом человеке дар историка искусства органично соединился с пытливостью археолога, внимание которого равно требовали и произведения с высокими художественными достоинствами, и обыденные ремесленные изделия. На протяжении двадцати лет Кондаков обогащал отечественную и мировую науку открытиями новых памятников — фресок, икон, рукописей и пр., разысканных им на Синае и Афоне, в Святой Земле и Константинополе, атрибутированных, описанных и сфотографированных.

Последнее десятилетие XIX в. было отмечено двумя крупными акциями российской исторической науки — экспедицией ИППО на Ближний Восток (1891 г.) и поездкой от Императорской Российской академии наук в Македонию (1900 г.). Обе экспедиции возглавлял Н. П. Кондаков, научный багаж обеих был осмыслен, систематизирован, обобщён и увидел свет в его фундаментальных трудах: «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» (СПб., 1904) и «Македония. Археологическое путешествие» (СПб., 1909) [1]. Эти книги остаются классическими памятниками научной мысли того периода, когда усилиями нескольких поколений исследователей совершалось открытие восточнохристианской Атлантиды, надолго забытой и прежде недоступной для изучения. Как писал Н. П. Кондаков в 1882 г., оказавшись на Синае, «... далекий Восток все еще остается местностью свежей, мало тронутой исследованием, и европейский путешественник неизбежно превращается в наивного паломника, подчиняется совершенно чуждой, обступившей его среде. В ней единственно найдет он и все нужные ему сведения ... На Востоке вообще ... древность и ее памятники еще остаются в своей собственной, родной обстановке, и путешественник не находит здесь ни различных приспособлений, специально на него рассчитанных, ни готового материала» [2]. Закономерно, что сам жанр путешествия надолго сделался наиболее естественным для введения в научный оборот слабо или вовсе неизученных памятников античного и христианского Востока. Углублённая аналитическая работа начиналась потом, в тиши кабинетов, за письменным столом.

Интерес к восточнохристианскому средневековью в России неуклонно рос в течение всего XIX в., по мере уяснения неразрывной связи истории Византии, Святой Земли и славянских народов Балкан с Россией, обусловившей их духовное и культурное родство, усиления паломнической активности в Палестине и под впечатлением от подъема национального движения на европейских территориях Османской империи. Живое участие России в судьбах восточных христиан питало и стимулировало проникновение научной мысли на эти земли [3, 189–190].

История обеих экспедиций Н. П. Кондакова 1890-х гг. показательна для своего времени. Разные ведомства выступали в качестве их заказчика и организатора, разные интересы при этом влияли на постановку экспедиционных целей и задач, различные обременения могли возлагаться на исполнителей проекта. Однако при всех обстоятельствах научная добросовестность и дошность Кондакова-исследователя неизменно оказывались решающим фактором, благодаря которому русская академическая наука получала великолепный, зачастую уникальный историко-художественный материал.

Экспедиция на Святую Землю 1891 г. имела свою предысторию. Она стала наиболее значительной акцией созданного несколькими годами ранее Имп. Православного Палестинского общества, деятельность которого способствовала политическому и церковному присутствию России на Святой земле [4]. Палестинская экспедиция задумывалась О-вом как длительное и масштабное предприятие. Цели и научные задачи её были сформулированы достаточно общо: «исследование и описание древнехристианских и византийских памятников и древностей в Святой земле, Петре Аравийской и Заиорданье». Также рекомендовалось обратить внимание на «встречаемые попутно древнееврейские, сирийские, греческие и римские памятники», поручалось «снять планы архитектурных памятников, акварельные и фотографические виды в целом и деталях, а также описать и эстампировать надписи и архитектурные украшения», произвести археологиче-

ские разведки в Петре. Вместе с тем руководителю экспедиции были даны секретные и чётко прописанные задания — провести несанкционированные османскими властями раскопки на русском участке в Иерихоне, негласно обследовать места предполагавшихся раскопок в Тарсе и храм Свт. Николая в Мирах Ликийских, собрать подробную информацию о православных жителях множества арабских селений, список которых прилагался, и посетить которые было необходимо даже в ущерб экспедиционному маршруту [5].

Руководителю экспедиции предоставлялось право набора участников [6] и разработка маршрута в означенных Обществом географических границах. Выбирая его, Кондаков руководствовался, прежде всего, научными интересами, как он их понимал, не смущаясь нарушить планы ИППО. Поэтому большой неожиданностью для руководства Общества стало посещение сирийского Хаурана, которое Кондаков мотивировал тем, что лишь на этой земле «экспедиция сразу станет на почву исследования» [7]. Именно фотосъёмку и подробное описание древностей Хаурана, наряду с фотографированием памятных мест Иерусалима, Кондаков поставит в главную заслугу руководимой им экспедиции. Уже в Заиорданье маршрут был вновь скорректирован, на сей раз по причинам, не зависимым от начальника экспедиции: распоряжением османских властей ей пришлось ограничиться изысканиями на территории от Аммана и Герасы до Иерусалима [8]. В Святом городе, где путешественники, тоже вопреки первоначальным расчётам, задержались на семь недель (21 октября — 9 декабря), были предприняты наиболее подробные исследования, включавшие выезды в Иерихон и Лавру св. Саввы Освященного. В общей сложности работа экспедиции заняла около пяти месяцев, из коих на ближневосточные изыскания пришлось чуть более трёх [9].

Их первичные результаты отложились в походном дневнике Кондакова, богатом на памятные детали и меткие замечания-характеристики по адресу увиденных памятников. Наряду с фотоархивом и акварельными зарисовками [10], дневник послужил

источником при составлении отчёта об экспедиции руководству ИППО. Законченный к 1894 г. отчёт был передан секретарю Обва В. Н. Хитрово, но так и не напечатан, хотя сам автор долго надеялся на это, не подозревая о причинах столь странного поведения заказчика [11]. Изданная в 1904 г., уже после смерти Хитрово, под эгидой Имп. Российской Академии наук книга «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» является совершенно самостоятельным произведением, значительную часть которого, помимо описания памятников Хаурана и Заиорданья, составляют теоретические выкладки автора и рассуждения об истории и первоначальных формах храма Гроба Господня в Иерусалиме.

Значение этой книги для российской науки заключалось, прежде всего, в том, что самые актуальные проблемы византийского искусства были в ней осмыслены учёным, лично осмотревшим *in situ* множество памятников начальных столетий христианства, в том числе тех, что сыграли первостепенную роль при сложении основ византийского стиля, послужили образцами для позднейшей практики христианских архитекторов и художников. Мнение Кондакова стало результатом его длительного изучения разнообразнейших произведений византийского искусства, от великих до рядовых. Тем не менее, на страницах своего труда он неоднократно высказывает мысль о том, что всякие законченные суждения и точные атрибуции окажутся возможны лишь после глубокого исследования максимально допустимого числа артефактов. Но проблемы методологического свойства он формулирует чётко, и его воззрения по ним отличаются законченностью, ясностью и категоричностью высказывания. Во-первых, Н. П. Кондаков настаивал на том, что палестинскую археологию следует разрабатывать по общенаучным методам истории искусства. Две равнозначные дисциплины последней — византинистика и палестиноведение — должны опираться на единую методологическую базу, отрицая, с одной стороны, абсолютизацию норм античной эстетики и требуя внимания ко всем вещественным остаткам, т.е. массовому археологическому материалу, зачастую самого ремес-

ленного изготовления, а с другой, подобным же образом подходя к изучению т.н. святынь и видя в них, прежде всего, исторические артефакты, рукотворный плод совместных усилий заказчика и художника. Отсюда вытекала его убежденность, что именно палестинская археология, в силу авторитетности объектов своего поиска, сможет пролить свет на первые шаги византийского искусства в архитектуре и живописи.

Во-вторых, он высказывается по поводу актуальной на рубеже веков дискуссии «Рим или Восток?», начало которой положили работы Й. Стржиговского [12], и встаёт на позиции сторонников восточного (не римского!) происхождения византийского средневекового стиля. Привлекая в качестве аргументов работу своего ученика Д. В. Айналова [13], Кондаков корректирует подчас опрометчивые выводы Стржиговского, умеряет его избыточный пафос, но солидаризируется в главном — в «желании видеть изучение христианского искусства на почве Египта, Сирии, Малой Азии, Греции и знать, не развивало ли оно в каждой стране Востока своеобразного направления».

Наконец, основной раздел книги посвящён истории храма Гроба Господня в Иерусалиме. Исследовательский путь, который определил для себя Н. П. Кондаков, предполагал, прежде всего, самое пристальное внимание к деталям храма эпохи Константина, сохранившимся *in situ* и либо отражённым в произведениях искусства византийского периода, либо представленным в письменных источниках. «Историческое сравнение этих материалов с памятниками всей Сирии и христианского Востока — такова задача исследователя», пишет Кондаков, возвращаясь к главной теме своей монографии — выявлению связей археологии христианских древностей Палестины со всеобщей историей материальной культуры античности и средневековья, «историческому объединению художественных явлений» [14, 159]. В этих словах — весь Кондаков, глава «школы фактопоклонников», учёный, в каждой своей книге, как и в каждом путешествии, стремившийся идти от частности к целому, от анализа единичного факта,

предмета, явления подняться до целостного понимания художественного процесса.

Последним большим научным предприятием, которое возглавил академик Н. П. Кондаков, стала экспедиция в Македонию летом 1900 г. Её организатором и заказчиком выступила Российская Академия наук. В состав экспедиции входили филолог-славист (П. А. Лавров), историк-этнограф (П. Н. Милюков, имевший совсем свежий опыт путешествия по этим землям), историк архитектуры (П. П. Покрышкин) и историк искусства (сам Н. П. Кондаков) [15]. Маршрут поездки был проложен по насыщенным византийскими памятниками западным областям Македонии, находившейся тогда под властью Османской империи (до 1912 г.). Сбор фактического материала и здесь стал главным содержанием экспедиционной работы. Исследования начались в столице приморской, или эгейской Македонии Фессалонике (по-славянски Солун), чьи многочисленные византийские церкви, в основном переделанные в мечети, давно уже изучались специалистами по средневековому искусству [16]. Члены экспедиции встретились здесь 15 июля и оставались до середины августа. Осмотр городских памятников с самого начала натолкнулся на вполне предсказуемые сложности. Н. П. Кондаков писал, что при настоящем состоянии греко-восточной археологии во всяком большом городе Ближнего Востока крайне трудно получить сведения о его памятниках. Главная причина этого обстоятельства крылась в отсутствии интереса к своим древностям, утраченного коренным христианским населением и совершенно чуждого прошлому.

Затем Н. П. Кондаков с сыном, Покрышкиным и Крайневым отправились на север в Скопье (по-турецки Ускюб), одну из древних столиц сербского королевства [17]. В окрестностях города, которые Кондаков назвал *“современной славянской Македонией”*, ими были осмотрены многочисленные церкви времени, предшествовавшего турецкому завоеванию. Русские исследователи были едва ли не первой ученой экспедицией в тех краях, поэтому даже поверхностное описание и атрибуцию целой группы ценнейших

памятников, с тех пор уже давно считающихся художественной классикой Балкан, можно считать их бесспорной заслугой.

Сюда же, после двухнедельной поездки по городам восточной части региона — Демир-Хиссару, Мелнику, Петричу, Струмице, Радовишу, Штипу и Велесу, приехали Милюков и Лавров. 22 августа все вместе осмотрели Старо Нагоричино и Матеич. 25 августа экспедиция направилась на юг, в Старую Сербию (ныне сербский край Косово и Метохия) и вновь разделилась. На сей раз Милюков вместе с Покрышкиным осматривал памятники Призрена, Печ и Дечаны, в то время как остальные участники поездки во главе с Кондаковым по железной дороге через Митровицу прибыли в Приштину и посетили монастырь Грачаница, откуда вернулись в Солун. Дальнейший путь экспедиции уже в полном составе лежал в Битоль и затем в Охрид, один из древнейших культурных центров македонского славянства и местопребывание древней автокефальной архиепископии. Несмотря на то, что в городе несколькими годами ранее работала экспедиция Рус. Археологического института в Константинополе, Кондаков счёл обследование охридских памятников самым плодотворным в археологическом отношении. После двухнедельной работы члены экспедиции вернулись из Охрида в Солун и в 20-х числах сентября порознь стали покидать Македонию, где провели чуть более двух месяцев [18].

Надо полагать, что работа Н. П. Кондакова над изданием материалов его последней экспедиции могла начаться лишь после 1904 г., когда были опубликованы книги о предыдущих поездках в Святую Землю и на Афон. «Македония. Археологическое путешествие», вышедшая в 1909 г., по сей день остается хрестоматийным трудом по средневековому искусству Балкан, вобравшим в себя всю совокупность знаний о славяно-византийских памятниках малоизученного в те времена края. Повествование о них Н. П. Кондаков выстраивает в соответствии с пройденным маршрутом, давая, где это необходимо, подробные исторические справки, ссылки на свидетельства своих предшественников, опи-

сывая современное состояние и характеризуя их с точки зрения датировок, содержания, происхождения. В этом отношении книга о Македонии следует традициям жанра археологического путешествия, столь хорошо освоенного и любимого Кондаковым.

Однако есть и сущностное отличие, предопределённое спецификой заказа македонской экспедиции: рассказ о ней носит явный отпечаток политической злободневности. Ставя основной задачей «собрание материалов на месте для будущего историко-этнографического исследования важнейших местностей и пунктов в Македонии», организаторы экспедиции преследовали и более широкие цели — «установление таких научных историко-археологических и филологических оснований, которыми можно было бы воспользоваться в будущем при постановке крупного политического вопроса, образуемого как современным положением Македонии в Турецкой империи, так и отношениями к ней и ее племенному составу соседних стран и национальностей Балканского полуострова» [19, 1]. Разрешение вопроса о политическом будущем Македонии, вопроса наболевшего в Европе и небезразличного для России, по мысли организаторов экспедиции и самого Н. П. Кондакова, могло быть успешным только после объективного изучения исторически сложившихся македонских реалий. Поэтому самое пристальное внимание, как к прошлому, так и к настоящему этого края и населяющим его народам, перспективам их дальнейшего сосуществования на этой земле, горячее участие к судьбам македонских славян задают тон всему повествованию. Разговор о древностях края находит органичное продолжение в зарисовках жизненного уклада македонских славян, описания памятников искусства, прерываются авторскими ремарками-впечатлениями от увиденного в городах и селениях. «Македония испокон века не знала покоя ... даже и ныне производит впечатление опустошенной, запустевшей и вконец разоренной страны» [20, 14], раздумья о прошлом и настоящем этой многострадальной страны оборачиваются надеждами на скорое политическое решение македонского вопроса.

Достижение целей экспедиции требовало четкой этногеографической идентификации Македонии, определения её границ и территориальных особенностей. Это оказывалось непростым делом. Н. П. Кондаков писал, что «путешествие по Македонии ... требует наиболее всякого рода предварительных разведок, исторических, археологических и этнографических, т.к. ни для кого не составляет секрета, что Македония не представляет собою органически сложившуюся страну, с выросшим на ней племенем, ... [поскольку] уже со времен римлян под именем Македонии разумелся административный округ» [21, 5–6]. И экспедиция ведёт такие разведки, пытаясь определить для науки и для политиков, что же всё-таки входит в понятие Македонии как страны и македонских славян как населяющей её народности.

Свой вывод о том, что славянство Македонии «совершенно цельно, едино и вполне своеобразно» [22, 6], Н. П. Кондаков неоднократно обосновывает на примере множества фактов из истории, этнографии, филологии и особенно истории культуры края. Для него совершенно очевидно, что «только история, следящая за всеми подробностями культурной жизни на Балканском полуострове, в состоянии дать ключ к истинному разумению македонского вопроса» [23, 66–67]. Культурной истории Македонии, начиная с раннего средневековья, в конечном счете, и посвящена книга русского византиниста, однако автор, основываясь на массе собранных фактов, осмотренных памятников, изученных икон и фресок, обращается далее и к важным для себя проблемам византийского искусства.

Уже не его истоки, но позднейшая история на Балканах, разработанная в то время чрезвычайно слабо, становится объектом профессионального внимания Н. П. Кондакова. «Памятники искусства южных славян еще только приводятся в известность... едва изучаются ради научного интереса со стороны их надписей и местного антикварного значения, — пишет он, — но никаких научных работ и никакого исторического подбора памятников в последовательном развитии форм, за исключением одной ар-

хитектуры, пока вовсе не сделано. Археологическая наука доселе поглощена настолько областью византийского искусства, что не в состоянии выделить сил для научного разбора различных ветвей византийского искусства ... например, стенные росписи югославянских церквей доселе совершенно не опубликованы и даже не сняты фотографически...» [24, 66–67].

Весь полученный в ходе путешествия и ныне публикуемый материал Н. П. Кондаков использует для теоретических выводов и обобщающей характеристики средневекового балканского искусства. В завершающих книгу главах он ставит вопрос об условности понимания балканских, а также малоазийских, кавказских, сиро-египетских и киевских памятников как однозначно “византийских” [25, 248]. В XIII в., после разгрома империи крестоносцами, по его мнению, наступает выдающийся подъем периферийных художественных центров, особенно заметный на Балканах. Изучение «югославянской» иконописи XIV–XV вв. в Европе лишь начиналось, но Н. П. Кондаков сумел увидеть ее исключительные живописные достоинства. Сербское искусство он вообще оценивал чрезвычайно высоко, считая его важнейшей после русского ветвью византийского искусства [26, 264]. Но сам он справедливо полагал, что все заключения о греко-славянской и русской иконописи XIV–XV вв. будут преждевременны, покуда «в известность не будет приведен сам материал» [27, 261].

Исследовательский энтузиазм Н. П. Кондакова питался постоянно совершавшимися открытиями, которых тогда ожидали практически от любого памятника. Только в примечаниях к публикуемому тексту он успел сказать о первых находках византийских мозаик в базилике Св. Димитрия Солунского, еще не датированных и толком не осмотренных. Кроме того, особенно большие надежды возлагались им на поиски древней иконописи. В одном случае зоркость самого Н. П. Кондакова привела к истине выдающейся находке. В верхних ярусах иконостаса храма Св. Климента в Охриде он обнаружил «девять великолепных, древнейших, какие только известны, местных вкладных икон,

в древних же серебряных окладах, украшенных прекрасными чеканными изображениями ... Этот поразительный ряд памятников имеет тем более цены, что мы доселе нигде не знаем ничего ему подобного». Автор приведёт и слова местного священника, к которому он обратился с просьбой позаботиться о дальнейшей судьбе находки: «Это для вас, археологов, эти иконы очень ценны, а нам что толку в этой старой рухляди» [28, 250]. По счастью иконы, признаваемые ныне шедеврами византийско-славянской иконописи XI–XIV вв., были сохранены и сейчас выставлены в музее рядом с храмом Св. Климента.

Обе экспедиции 1890-х гг. под руководством Н. П. Кондакова на земли Османской Турции были предприняты в интересах не только науки, но также внешней политики и конфессионального влияния Российской империи. Их организаторы чётко представляли себе желаемый предмет и вероятные объекты информационного поиска на Ближнем Востоке и в Македонии, возлагая на руководителя экспедиции соответствующие обязательства. Кондаков же, в первую очередь, видел в этих предприятиях возможность удовлетворить свою научную любознательность и стремился подчинить археологическим исследованиям всю экспедиционную деятельность. Далёкий от религиозных мотиваций, но совсем не чуждый участия в политике, во всяком случае, путём культурно-исторического обоснования политических решений, он и в Македонии, и на Святой Земле служил интересам академической науки, ставя превыше всего добросовестный сбор фактического материала и готовя тем самым почву для будущих глубоких изысканий.

Литература и примечания

1. В это же десятилетие состоялась ещё одна научная поездка Н. П. Кондакова — на Афон в 1898 г., описанная в книге «Памятники христианского искусства на Афоне» (СПб., 1902).
2. Кондаков Н. П. Путешествие на Синай в 1881 году. — Одесса, 1882. II.

3. См.: Беляев Л. А. Христианские древности. — М., 2000.
4. Православное Палестинское общество было создано в 1882 г. (с 1889 г. получило статус императорского — ИППО), «с исключительно ученою и благотворительною целями». В 6 пункте его Устава говорилось: «Общество, по мере средств своих, снаряжает экспедиции, дает поручения своим членам или посторонним лицам, желающим участвовать в трудах его, содействует им своими указаниями, поощрениями, пособиями и, в случае нужды, своим ходатайством». Первые научные изыскания под эгидой Общества относятся к 1883 г., когда при строительстве нового здания русского консульства в Иерусалиме были открыты фрагменты древнейшей базилики Гроба Господня и т.н. «порог Судных врат».
5. СПб ФА РАН, ф. 115, оп. 3, д. 147. Частично опубликовано: Хитрово В. Н. Из эпистолярного наследия. Т. 3. — М., 2012. С. 163–165. Однако о выполнении этих заданий, кроме произведённых раскопок в Иерихоне, информации не найдено.
6. Научными сотрудниками экспедиции являлись профессор А. А. Олесницкий (он был приглашён Об-вом) и Я. И. Смирнов, любимый ученик Кондакова, впоследствии академик-ориенталист тогда лишь начинавший учёную карьеру.
7. Из письма М. П. Степанову (см.: АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 597).
8. «Боже! Какой шум в К[онстантино]поле из-за нашего маршрута. Наконец, дали предписание не ходить за Мертвое море, в Петру и пр. «Ваша задача должна быть ограничена местностью от Иерихона до Дамаска» — так гласила телеграмма» (Дневник экспедиции, СПб ФА РАН, ф. 115, оп. 3, д. 12). В монографии 1904 г. упомянуты эпидемия холеры и «тревожное состояние многих частей Сирии», без уточнения смысла сказанного. (см. Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. — СПб., 1904. С. 47).
9. Экспедиция началась отплытием из Одессы 3 августа 1891 г. После непродолжительных остановок в Константинополе,

- Афинах и Смирне её участники прибыли 26 августа в Бейрут, откуда выступили на маршрут 2 сентября.
10. Членами экспедиции были фотограф И. Ф. Барщевский и художники А. Д. Кившенко и Н. А. Околович.
 11. Хитрово считал результаты экспедиции неудовлетворительными, о чём прямо писал И. В. Помяловскому 8 ноября 1893 г. (ОР РНБ, ф. 608, оп. 1, № 1389. С. 11–12). Возможно, к этому его подтолкнуло невыполнение экспедиционного задания и уход с запланированного маршрута, в т.ч. по инициативе самого Кондакова.
 12. Strzygowski J. Orient oder Rom? - Leipzig, 1901. 23 апреля 1901 г. ученик Кондаков Я. И. Смирнов сделал сообщение в Рус. Археологическом обществе об этой книге.
 13. Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. — СПб., 1899.
 14. Сообщения ИППО, III. — СПб., 1892.
 15. Участниками экспедиции были также художник Д. К. Крайнев и сын Н. П. Кондакова Сергей.
 16. Кондаков считал древнейшие памятники Фессалоники более значимыми по сравнению со столичными константинопольскими.
 17. Ныне столица Республики Македония (бывшей югославской республики Македония).
 18. 13 апреля 1901 г. Кондаков и Лавров сделали доклады об экспедиции в Имп. Об-ве любителей древней письменности и искусства (см.: Византийский Временник, VII, вып. 3–4, С. 709–710). Со слов Кондакова был опубликован краткий отчёт экспедиции: Сонкин В. М. Результаты ученой македонской экспедиции 1900 года // Там же. С. 687–691.
 19. Кондаков, 1909. Под «соседними странами» подразумевались, прежде всего, Болгария и Сербия. В этой связи цели экспедиции были сформулированы весьма недвусмысленно: «едва ли не главнейшую роль ... играло живейшее стремление определить историческое значение Сербии и Болгарии в истории

культуры различных местностей Македонии» (ВВ, VIII, 3–4, С. 688), «выяснить значение и влияние двух славянских культур, действовавших на Македонию в течение почти целого тысячелетия...» (Там же. С. 709).

20. Кондаков. 1909.

21. Там же.

22. Там же.

23. Кондаков. 1909.

24. Кондаков. 1909.

25. Там же. Эту же мысль Кондаков высказал в докладе в Обществе любителей древней письменности: «Пределы того, что называлось до сих пор византийским искусством, должны быть сужены», после XIII в. «область собственно византийского искусства ограничивается округом Константинополя, узким районом, который на севере доходит до Адрианополя, на западе — в лучшем случае до Драммы, а все остальное есть область уже ... греко-славянского искусства» (Византийский Временник. VIII. 1901. Вып. 3–4. С. 709).

26. Кондаков, 1909.

27. Там же.

28. Македония, 1909.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

Гусев А. В.

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Статья посвящена анализу основных социально-политических факторов, обусловивших поражение Белого движения в Гражданской войне в России 1917–1922 гг. Рассматривая идейно-политические установки и практику Белого движения, автор раскрывает причины отсутствия у него широкой общественной поддержки. В статье показано, что это движение не несло в себе демократической альтернативы большевистскому режиму, и поражение белых, таким образом, не означало крушения принципов, провозглашенных Февральской революцией 1917 года.

Ключевые слова: гражданская война; антибольшевистское движение; Белое движение; февральская революция 1917 года; социально-политический конфликт.

Великой российской революции 1917–1921 годов, 100-летие начала которой вскоре будет отмечаться в нашей стране, посвящен огромный массив исследовательской литературы. Однако споры о ней как среди историков, так и в обществе в целом не утихают, и юбилейные даты, порождающие всплеск общественного интереса к событиям прошлого, дают этим дискуссиям новый импульс. Тем более что многие вопросы, которые определяли общественное размежевание сто лет назад и касались выбора путей развития страны, форм социально-политического устройства и систем ценностей, сохраняют свою актуальность и в современной России.

Одной из дискуссионных проблем является определение причин исхода процессов революционного периода — победы большевиков над всеми их политическими и военными противниками. Эта проблема непосредственно связана с интерпретацией характера Гражданской войны, которая завершилась утверждением в России режима монопольной власти Коммунистической партии.

Большинство современных исследователей датирует Гражданскую войну периодом с осени 1917 г., когда после прихода к власти большевиков возникли первые локальные очаги вооруженных конфликтов, по осень 1922 г., когда были разгромлены последние крупные антибольшевистские соединения на Дальнем Востоке [1]. Российская Гражданская война представляла собой комплексное явление, включавшее вооруженное противоборство разнообразных сил — не только «красных» и «белых», но и тех, что относили себя к «третьей силе», «зеленых», национальных формирований на окраинах развалившейся царской империи. Важным аспектом войны было массовое повстанческое движение крестьян, апогей которого пришелся на 1920–1921 гг. Но даже самые широкомаштабные крестьянские восстания с десятками тысяч участников едва ли имели шанс победить и определить будущее России — как и крестьянские войны предшествующих эпох, их обрекали на поражение имманентно присущие им стихийность и локальность. Таким образом, решающий для исхода войны конфликт разворачивался на фронтах противостояния крупных, организованных армий — вооруженных сил «красных» и «белых».

Ситуация на этих фронтах в ходе войны менялась очень быстро и самым кардинальным образом. Так, стремительные наступления белых армий А. Колчака в Поволжье, А. Деникина на Москву и Н. Юденича на Петроград в 1919 г. завершились разгромом наступающих в момент их, казалось бы, наибольших успехов. Такую парадоксальную динамику боевых действий сложно объяснить чисто военными факторами (количеством войск, вооружений и т.п.). Ее осмысление требует учета специфического

характера гражданских войн как не чисто военных, а прежде всего социально-политических конфликтов, исход которых в огромной степени зависит от соотношения общественных сил и их устремлений. Как справедливо заключает один из ведущих исследователей истории Гражданской войны В. Н. Бровкин, движение ее фронтов в первую очередь «отражало изменение настроений общественных классов, политических партий и народных движений. Нельзя понять ход Гражданской войны в России без анализа политических схваток в тылу. Более того, можно утверждать, что линии фронтов Гражданской войны являлись всего лишь видимой проекцией этой реальной борьбы, которая разворачивалась за линией фронта...» [2].

Взгляд на историю Гражданской войны с такой точки зрения позволяет увидеть, что если первоначальные военные успехи белых были связаны с недовольством населения политикой большевистского режима в тылу красных, то последующие неудачи отражали еще более массовое общественное разочарование в белых, приведшее к дезорганизации их тылов. Тыл войск Колчака на востоке страны был парализован партизанами, число которых превышало сто тысяч человек [3]. Аналогичным образом обстояло дело в тылу армии Деникина на юге, где партизанским движением был охвачен, в частности, Северный Кавказ, а значительную территорию Украины контролировала повстанческая армия под командованием Н. И. Махно. Действия повстанцев и саботаж населением распоряжений белых властей в городах и на селе внесли существенный вклад в изменение ситуации на фронтах, способствуя переходу стратегической инициативы в руки красных. Как признавал, уже находясь в эмиграции, историк и активный участник антибольшевистского движения периода Гражданской войны П. Н. Милюков, важнейшей причиной поражения белых стало «сперва равнодушное, а потом и враждебное отношение» к ним со стороны народа [4].

Что же стало причиной рокового для белых антагонизма между ними и широкими массами населения России? Почему

они оказались дискредитированы в глазах народа даже больше, чем большевики с их диктаторскими методами, ЧК и продразверсткой?

В последние годы в российской исторической литературе (преимущественно историко-публицистической) и выступлениях общественно-политических деятелей все большее распространение получает тезис о том, что Белое движение боролось в Гражданской войне за дело Февральской революции 1917 года, и неудача белых являлась, следовательно, поражением «февральских» принципов. Одни видят в этом трагический героизм белых [5], другие, представители противоположного лагеря, наоборот, говорят об антинародном характере попыток продолжения политики Февраля [6]. По мнению министра культуры РФ В. Р. Мединского, считающего Российскую революцию аналогом «Смутного времени» начала XVII века, «Гражданская война — это не конфликт между революционерами и консерваторами, а конфликт между субъектами смуты»: «Белые — это субъекты Февраля, крушения российской монархии, носители буржуазно-демократических, либеральных идей [...] Красные — это субъекты Октября, носители радикальной социалистической идеи. [...] Красные и белые — субъекты одной и той же смуты на, как тогда казалось, руинах исторической России» [7].

Такая точка зрения логически предполагает, что в лице белых потерпели крах идеи демократизации России, отвергнутые обществом, которое подчинилось большевистской «диктатуре пролетариата». Однако обращение к программно-политическим установкам и практике Белого движения позволяет поставить этот тезис под сомнение.

Февральская революция 1917 года носила антиавторитарный и антиимперский характер. После падения самодержавия были демонтированы его репрессивные институты, воплощены в жизнь гражданские и политические права и свободы человека, повсеместно возникали и активно действовали общественные и политические объединения, стали формироваться разнообраз-

ные структуры общественного самоуправления, в том числе, в национальных регионах. Лидер большевиков В. И. Ленин имел основания говорить в апреле 1917 г., что «такой свободы, как в России, сейчас нигде нет» [8]. В январе 1918 г. Всероссийское Учредительное собрание провозгласило Россию «демократической федеративной республикой» [9].

Именно разгон большевиками всенародно избранного Учредительного собрания послужил одной из важнейших причин развертывания в стране полномасштабной Гражданской войны, на начальных этапах которой, в 1918 г. главной военной силой антибольшевистского движения являлась Народная армия Комитета членов Учредительного собрания. Комуч, состоявший преимущественно из членов Партии социалистов-революционеров, объявил целью своей борьбы восстановление демократии; его армия воевала под красным флагом, и в ней было отменено ношение погон, ассоциировавшихся с царским режимом [10]. Таким образом, первоначально антибольшевистское движение действительно выдвигало программу защиты принципов Февраля, но ситуация изменилась после «второго разгона Учредительного собрания» — военного переворота, совершенного в ноябре 1918 г. адмиралом А. В. Колчаком. Захватив власть на неподконтрольных коммунистам восточных территориях страны, Колчак провозгласил себя «Верховным правителем России» и был признан в этом качестве опиравшимися преимущественно на офицерство военными лидерами антибольшевистских сил на юге и севере. С этого момента программные установки и идейные ориентации руководства армий, противостоящих красным, обретают новый характер: антибольшевистское движение превращается в *белое*, т.е. нацеленное на ликвидацию не только октябрьских, но и целого ряда важнейших февральских преобразований [11].

Такая трансформация четко прослеживается по всем основным идейно-политическим параметрам.

Если Февральская революция 1917 года провозгласила республиканско-демократические принципы как основу политическо-

го устройства России, то власть «Верховного правителя» фактически аннулировала эти декларации. Хотя в заявлениях высших органов колчаковского режима говорилось о задачах восстановления в стране «законности и правопорядка», выбор «образа правления» откладывался на будущее, которое должно наступить после победы над большевизмом [12]. Результаты состоявшихся в 1917 г. выборов во Всероссийское Учредительное собрание и его решения белыми не признавались. Их общее отношение к Собранию выразил генерал Деникин, презрительно назвавший его органом, «возникшим в дни народного помешательства» и «составленным наполовину из анархических элементов» [13]. Колчак также выражался вполне определенно: «Если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного собрания является их заслугой» [14]. После своей победы и «наведения порядка» диктаторскими методами белые обещали провести выборы нового представительного органа, который предпочитали именовать «Национальным собранием» [15]. Проект положения о выборах, разрабатывавшийся колчаковским правительством летом 1919 г., включал отмену прямого избрания депутатов на большей части территории страны, упразднение пропорциональной системы представительства, отказ от партийных списков и значительное повышение возрастного ценза по сравнению с избирательным законодательством 1917 года [16]. При этом предполагалось, что выборы будут проходить под жестким контролем военной власти, которая позаботится, чтобы депутатский корпус составляли «лишь государственно-здоровые элементы» [17].

Учитывая монархические симпатии большинства белого офицерства [18], вполне возможным было бы принятие таким собранием решения о реставрации в России монархического строя. Едва ли случайно наименования высших институтов колчаковского режима — «Верховный правитель» и «Совет правительства» были взяты из ст. 41–52 Основных законов Российской империи, где обозначали органы, призванные временно замещать власть императора [19].

Аналогичную линию формального «непредрешенчества» в отношении будущего политического устройства и осуществления диктатуры в «переходный период» проводил генерал П. Н. Врангель, возглавивший Белое движение после разгрома Колчака и отставки Деникина весной 1920 г. При этом он заявлял, что белые ведут борьбу за то, чтобы «русский народ сам выбрал бы себе хозяина» [20]. Воззвания Врангеля обычно заканчивались лозунгом: «Земле — Волею народа поставленный Хозяин!» [21]. Подобные формулировки, сопровождаемые обильной религиозной риторикой («поруганная вера», «Святая Русь» и т.п.), свидетельствовали о политических предпочтениях самого «Правителя Юга России». Будучи убежденным сторонником монархии, Врангель воздерживался от того, чтобы открыто «начертать на знаменах армии монархический лозунг» лишь по тактическим соображениям: из-за осознания непопулярности монархических идей в народе и опасения негативной международной реакции [22].

Политическая практика белых на контролируемых ими территориях вполне соответствовала их идеологическим установкам. По свидетельству Милюкова, знавшего Белое движение изнутри, гражданское управление в тылу белых зачастую оказывалось в руках бывших помещиков и бывших полицейских, немало было на административных постах и «уголовного элемента». Их бесконтрольное правление «принимало такие формы, которые были равносильны самой действительной пропаганде против власти белых» [23]. Белый террор, включая взятие заложников, децимации, поголовные расстрелы жителей целых селений, санкционировался приказами военных властей [24].

Характерный для белых авторитаризм был связан с социальным характером Белого движения, которое опиралось главным образом на верхушечные группы населения — офицерство, помещиков, старое чиновничество и буржуазию. Эта, по выражению Милюкова, «несомненная классовая подоплека» [25] белых правительств находила выражение и в их социально-экономической политике. Ни один из белых режимов периода Граждан-

ской войны не признал ни принятого Учредительным собранием в 1918 г. закона о социализации земли, ни фактически состоявшегося перехода помещичьей земли в руки крестьян. Аграрное законодательство белых признавало лишь право крестьян на аренду захваченных ими помещичьих владений (по распоряжению Деникина, треть урожая, собранного крестьянами на принадлежащих помещикам угодьях, должна была передаваться собственнику земли). Окончательное решение вопроса о земле, как и вопроса о политическом устройстве России, откладывалось до победы над большевизмом. Лишь в самом конце Гражданской войны, в 1920 г. генерал Врангель издал распоряжение о передаче крестьянам в собственность захваченных ими помещичьих земель — но не безвозмездно, а за выкуп, платежи по которому предполагалось взимать на протяжении 25 лет [26]. Политика белых в рабочем вопросе определялась их подозрительным отношением к рабочим организациям как потенциальным «рассадникам большевизма». Профсоюзы сталкивались с преследованиями, их численность в подконтрольных белым областях существенно сократилась, предприниматели нередко отменяли на своих предприятиях 8-часовой рабочий день, опираясь на поддержку властей [27].

Позиция Белого движения по вопросу о государственном устройстве страны нашла четкое выражение в одном из его главных лозунгов — «За единую и неделимую Россию!». Провозглашенное Учредительным собранием преобразование Российского государства на федеративных началах, как и право наций на самоопределение, решительно отвергалось. Наступая летом 1919 г. на Киев, генерал Деникин в своем обращении «К населению Малороссии» объявил любые попытки добиться самостоятельности Украины «злым делом», разрушением «единства русского племени»; государственным языком на территории девяти малороссийских губерний, подчеркивал генерал, должен остаться только русский, а «малорусский» язык может быть допущен лишь «в первые годы обучения в начальной школе» [28]. В ноябре того

же года Деникин приказал арестовать и судить как изменников депутатов Кубанской Рады, выступавших за федерализацию России и добивавшихся регионального суверенитета для Кубанского края, один из них был повешен (следствием этого стало массовое дезертирство казаков из деникинской армии) [29].

Тех же великодержавных принципов придерживался Колчак, видевший, по свидетельству его военного министра А. П. Будберга, свою миссию в том, чтобы «возвратить все отпавшие и отторженные от нас земли» [30]. Когда при подготовке наступления армии генерала Юденича на Петроград в 1919 г. финляндское правительство предложило выделить ему в помощь 100-тысячную армию при условии признания Верховным правителем независимости Финляндии, Колчак ответил категорическим отказом — и в дальнейшем, несмотря на провал наступления Юденича, твердо сохранял уверенность в своей правоте [31]. Даже к автономии национальных регионов в рамках Российского государства отношение белых было негативным: так, на ходатайство бурят об утверждении их органа национального самоуправления колчаковский министр внутренних дел В. Н. Пепеляев наложил резолюцию: «Выпороть бы вас!» [32].

Таким образом, исторические факты не дают оснований для признания Белого движения продолжателем линии Февральской революции 1917 года ни в политическом, ни в социально-экономическом плане. Недаром в 1919 г. Колчаком было запрещено празднование годовщины революционных событий, проведение каких-либо публичных мероприятий в ее честь; белая пресса писала, что эту годовщину «уместно помянуть... во всенародном стыде и молчании» [33]. Белое движение не несло в себе демократической альтернативы большевистской системе. В его лице красному авторитаризму противостоял другой, по сути своей, реакционный вид авторитаризма. И если красные обещали построение общества социального равенства, декларировали приверженность интересам рабочих и крестьян и законодательно закрепили результаты аграрной революции, то у белых отсутство-

вала позитивная программа, сколько-нибудь привлекательная для широких масс населения. Именно это, а не приверженность принципам Февраля, стало важнейшей причиной поражения антибольшевистского движения в Гражданской войне в России.

Литература

1. Новикова Л. Г. Гражданская война 1917–22 // Большая Российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007. С. 591–598.
2. Brovkin V. N. Behind the front lines of the civil war: political parties and social movements in Russia, 1918–1922. Princeton, New Jersey, 1994. P. 8.
3. Ларьков Н.С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 4. Новосибирск, 2013. С. 76.
4. Милюков П. Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Т. 2: Антибольшевистское движение. Париж, 1927. С. 5.
5. Ряд таких заявлений был сделан, в частности, в связи с открытием в Санкт-Петербурге в 2016 г. мемориальной доски в честь адмирала Колчака. Так, вице-президент Русского Пен-центра А. Городницкий характеризовал одного из главных лидеров белого движения как «истинного героя», «отдавшего жизнь за свободную демократическую Россию». (См.: «Воздать должное истинным героям» — Режим доступа: <http://beloedelo.ru/researches/article/?680>, свободный. — Загл. с экрана). В опубликованной в 2010 г. коллективной работе по истории России в XX веке под редакцией А. Б. Зубова идеология Белого движения определяется как «национально-демократическая» (История России. XX век: 1894–1939/ Под ред. А. Б. Зубова. М., 2010. С. 731).
6. Лидер КПРФ Г. А. Зюганов в выступлении перед журналистами 2 ноября 2016 г. дал, например, такую характеристику Гражданской войны: «Гражданская война — это была война Февраля с Октябрем. В феврале власть захватили не те, кто

- любил Россию. А те, кто ее ненавидел и растаскивал по су-секам. Среди министров Временного правительства масоном не был только один министр железнодорожного транспорта». (Г. А. Зюганов: «Единство бывает прочным на основе труда, справедливости, гуманизма и дружбы народов» — Режим доступа: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/159826.html>, свободный. — Загл. с экрана).
7. В войне красных и белых победила историческая Россия — Мединский — Режим доступа: <http://mgimo.ru/about/news/smi/v-nbsp-voyne-krasnykh-i-nbsp-belykh-pobedila-istoricheskaya-rossiya-nbsp-mdash-medinskiy/>, свободный. — Загл. с экрана.
 8. Ленин В. И. Доклад о текущем моменте и об отношении к Временному правительству 14 (27) апреля 1917 г. // Полное собрание сочинений. Т. 31. М., 1969. С. 243.
 9. Учредительное собрание: стенографический отчет. Пг, 1918. С. 99–100.
 10. Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. Спб, 2001. С. 73–74.
 11. Необходимость разграничения понятий «антибольшевистское» и «белое» движение, подчеркивал, в частности, П. Н. Милюков. См.: Милюков П. Н. Указ. соч. С. 1–2.
 12. Приказ Верховного Правителя к населению России // Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Военная история гражданской войны в России 1918–1920 годов. М., 2004. С. 282.
 13. Речь г. Деникина на заседании Краевой Кубанской Рады осенью 1918 г. // Там же. С. 307–308.
 14. Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. Барнаул, 1991. С. 164.
 15. Адмирал Колчак использовал также средневековый термин «Земский собор» (Иностранцев М. А. Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело, т. 1. Берлин, 1926. С. 108).
 16. Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2006. С. 144.
 17. Иностранцев М. А. Указ. соч. С. 108.

18. Русская военная эмиграция 20-х-40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание: 1920–1922. Книга вторая: На чужбине. М., 1998. С. 160.
19. Обративший на это внимание А. Б. Зубов отмечает, что акт учреждения данных институтов, обозначая преемственность с дореволюционным законодательством, с юридической точки зрения «вновь открывал возможность восстановления монархии». (История России. XX век: 1894–1939/ Под ред. А. Б. Зубова. С. 607).
20. Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Указ. соч. С. 317.
21. Врангель П. Н. Записки. Книга вторая. М. — Берлин, 2015. С. 159.
22. Русская военная эмиграция 20-х-40-х годов. С. 160–161.
23. Милюков П. Н. Указ соч. С. 204.
24. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 173–192.
25. Милюков П. Н. Указ соч. С. 5.
26. Цветков В. Ж. Аграрно-крестьянская политика Белого движения в России (1917–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). С. 116–130.
27. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 191–194; Хандорин В. Г. Указ. соч. С. 164–165.
28. К населению Малороссии // Новая Россия. — Харьков, 1919. — 14 авг.
29. Медведев В. Г. Неудавшийся опыт федерализма на Юге России после Февраля 1917 г. // История государства и права. 2011. № 20. С. 11–14; Зайцев А. А. Кубанские самостийники и денкинская контрреволюция в 1918–1919 гг. // Наука и школа. 2008. № 5. С. 73–75.
30. Будберг А. Дневник// Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири. М., 2005. С. 306.
31. Там же. С. 304.
32. Хамутаев В. А. Национальный вопрос в Бурятии. 1980–2000-е гг. Улан-Удэ, 2008. С. 128.
33. Цит. по: Хандорин В. Г. Указ. соч. С. 150.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВОЙНЫ И МИРА

Емельянова Е. Н.

Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна, Московская область, Россия

В статье анализируется социал-демократическая концепция войны и мира. Рассматривается эволюция теоретических взглядов марксистов, разделение некогда единого учения на три направления: «правое» (социал-демократическое), «центристское» и «левое» (коммунистическое).

Ключевые слова: теория, международные отношения, марксизм, война, мир, социал-демократия, коммунизм, история.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в науке о международных отношениях наряду с классическим и идеалистическим сложилось марксистское направление.

В основе социал-демократической концепции войны и мира лежит определение войны, как продолжение политики государств по достижению поставленных целей только иными средствами, с помощью военной силы, когда мирные действия эффекта уже не дают. Мир, по определению марксистов, есть закрепление того соотношения сил, которое сложилось в результате войны [1, 269]. Главная причина войны, по их мнению, кроется в экономических интересах ведущих империалистических государств, а также в агрессивной природе самого капитализма. Для своего развития капиталистический способ производства нуждается во все новых рынках сырья и сбыта, в привлечении дешевой рабочей силы. Войны являются пря-

мым следствием конкурентной борьбы между капиталистическими странами.

Марксисты не отрицали войны в классовом обществе. Считали оправданными прогрессивные войны (войны капиталистических государств против феодальных монархий, национально-освободительные, войны пролетариата против буржуазии).

Полная ликвидация войн, считают они, возможна лишь с победой социализма.

В 20 веке разногласия между последователями К. Маркса касались, прежде всего, вопроса о готовности капиталистического общества к социалистическим преобразованиям и о способах их проведения.

Несмотря на решения Штутгартского (1907 г.) конгресса II Интернационала, призывавшего международное рабочее движение в случае мировой войны начать революцию, большая часть европейской социал-демократии в 1914 г. поддержала свои правительства. В отличие от революционной позиции «левых» лидеры европейской «правой» социал-демократии встали на защиту своего отечества, считая оборонительные войны капиталистических государств оправданными и справедливыми. Как отмечали «левые» марксисты, такая позиция объяснялась приспособлением верхушки западной социал-демократии к государственной системе демократических стран. Многие лидеры II Интернационала являлись депутатами парламентов, а некоторые даже занимали министерские посты (например, Вандервельде в Бельгии). Это, не в последнюю очередь, повлияло на их стремление провести социалистические преобразования мирным путем.

«Центристы» в международной социал-демократии проповедовали пацифизм. Они выдвигали лозунги демократического мира без аннексий и контрибуций, создания третейских судов для разбора конфликтов между государствами, разоружения, образования Соединенных Штатов Европы и т.д. То есть гражданская война не рассматривалась центристами как непосредственная задача дня, а революция откладывалась на послевоенный период.

В международной «левой» марксистской идеологии проблема войны и мира теснейшим образом была связана с программой мировой революции. В отличие от других российских политических партий [2] большевики в эпоху империализма рассматривали социалистическую революцию как непосредственную задачу дня. Поэтому предложенная В. И. Лениным в 1914–1917 гг. военная программа, в соответствии с решениями Штутгартского (1907 г.) и Базельского (1912 г.) конгрессов II Интернационала, была подчинена главной задаче — переводу империалистической войны в социалистическую революцию. Добиться прочного мира, по В. И. Ленину, возможно только революционным путем. Вместе с тем империализм, с его стремлением к обобществлению производства в национальном и международном масштабах, является полной экономической подготовкой социализма. Отсюда вывод о необходимости революционного захвата власти пролетариатом. В соответствии с вышеизложенным В. И. Ленин классифицировал войны на *несправедливые* (империалистические) и *справедливые* (гражданские, революционные войны пролетариата, национально-освободительные), служащие задаче уничтожения империализма. Пацифизм рассматривался им в период первой мировой войны как обман масс, социал-патриотизм как предательство интернациональных интересов рабочего класса. В. И. Ленин считал, что окончательная победа социализма возможна только во всемирном масштабе [3, 43]. Однако начать революцию, по его мнению, мог пролетариат одной или нескольких европейских стран. Для России же ставилась задача установления революционного правительства, осуществления демократических преобразований и оказания помощи революциям в Европе и Азии. «На вопрос, чтобы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, — писал В. И. Ленин в 1915 г., — мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия.

Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии, и в Европе. Это доказал *даже* 1905 год» [4, 50–51].

В начале сентября 1915 г. состоялась Циммервальская конференция, в которой приняли участие представители социал-демократических интернационалистских партий и групп из 11 стран (России, Польши, Германии, Италии, Франции и т.д.). Предложение «левых» включить в «Манифест» требование «перевода войны империалистической в войну гражданскую» было отклонено. Конференция приняла программу «центристов» о необходимости борьбы за мир без аннексий и контрибуций, за самоопределение наций, мир и социализм, как конечную цель классовой борьбы [5, 390–391]. «Левые» подписали пацифистский Манифест, написанный Л. Д. Троцким и принятый большинством, но создали собственную группу для осуществления задачи мировой революции. В «Циммервальдскую левую» вошли радикальные силы российской, латышской, польской, германской, шведской, норвежской, швейцарской социал-демократии. Руководящим органом группы стало Бюро, в состав которого были избраны В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, К. Радек. И уже на следующей международной Кинтальской конференции (апрель 1916 г.) «левым» удалось оказать большее влияние на текст нового манифеста. Хотя в целом документ по-прежнему носил пацифистский характер и не ставил задачи свержения собственных правительств.

Между тем ухудшение экономического положения народа в период войны вело к усилению всеобщего недовольства в евро-

пейских государствах. В декабре 1916 г. немецкие левые социал-демократы во главе с К. Либкнехтом на своем съезде приняли резолюцию о подготовке социалистической революции в Германии. Учитывая революционную ситуацию в Европе и, с другой стороны, готовность германского правительства заключить сепаратный мир с Россией, В. И. Ленин ставит вопрос о социалистической революции в российском государстве. Большевики шли к власти с намерением способствовать мировой социалистической революции в Европе и освобождению колоний, если нужно военным путем. В резолюции VI съезда РСДРП(б) (август 1917 г.) «Текущий момент и война» говорилось: «... лишь революционная борьба масс во всех странах против империализма, интернациональная пролетарская революция, сможет привести к демократическому миру.

Ликвидация империалистического господства ставит перед рабочим классом той страны, которая первая осуществит диктатуру пролетариев и полупролетариев, задачу всяческой (вплоть до вооруженной) поддержки борющегося пролетариата других стран. В частности такая задача встанет на очереди перед Россией, если, что очень вероятно, новый неизбежный подъем русской революции поставит у власти рабочих и беднейших крестьян раньше переворота в капиталистических странах Запада» [6, 238]. Н. И. Бухарин в своем докладе о международном положении прямо заявил, что в случае удачи социалистического переворота в России экспорт революции на Запад станет одной из главных задач русского пролетариата [6, 101].

Однако события развернулись иначе. Оказавшись во главе единственного советского государства, большевистское правительство вынуждено было искать контакты с капиталистическими странами, выдвинув идею мирного сосуществования. Взгляды его на вопросы международной политики со временем становились все более умеренными. Интернациональные задачи мирового пролетариата передавались в ведение Коммунистического Интернационала, созданного в марте 1919 года. Именно эта организация унаследовала ленинскую революционную тактику

периода Первой мировой войны и была призвана форсировать революционные и гражданские войны в Европе и национально-освободительные в Азии, а также организовать поддержку международного рабочего движения РСФСР в его борьбе против империалистической интервенции. В то же время РКП(б) оставалась правящей партией в Советской России и одновременно ведущей силой III Интернационала. Она возглавляла и направляла международное коммунистическое движение. Противоречие между национальными интересами России и интернациональными коммунистических партий сразу же встало перед руководством ИККИ. С одной стороны, рост рабочего движения, приход в 1918 г. к власти социалистов в Германии, Австрии и позднее в ряде других стран делали социалистическое движение довольно серьезной силой и порождали надежды на близость мировой революции. С другой, социалистические правительства стран Центральной Европы не спешили заключать военно-политический союз с РСФСР, надеясь выторговать этой уступкой менее тяжелые условия мирного договора со странами-победительницами. С третьей стороны, обессиленная за годы войны Россия не могла в одиночку противостоять капиталистическому миру и должна была договариваться со странами Антанты. Казалось, такая возможность у нее появилась зимой-весной 1919 г. во время переговорного процесса большевиков с представителем английского и американского правительств. В переговорах со странами Запада большевистское руководство пыталось опереться на европейскую социал-демократию. И если «левая» ее часть до начала 20-х гг. склонялась к сотрудничеству с большевиками, стремясь примирить два крайних течения в марксизме, то «правые» социал-демократы изначально были настроены против Советской России. С оформлением Версальско-Вашингтонской системы раскол усилился. Это выразилось в слиянии Венского и Второго Интернационалов в 1923 г. в единый Рабочий социалистический Интернационал (РСИ) и в противопоставлении последнего Коминтерну, то есть большевистской России.

В дальнейшем теоретические взгляды западной социал-демократии по проблеме войны и мира все больше эволюционировали в сторону либерализма. Программные же установки коммунистов колебались в зависимости от международных интересов СССР. Они то противопоставлялись социал-демократическим, как только ситуация в мире обострялась, и вновь и возрождалась надежда на «мировую революцию» (II, V и VI конгрессы Коминтерна). То сближались с пацифистской позицией РСИ, как это было в 1922 и 1935 гг. (IV и VII конгрессы Коминтерна), когда появлялся шанс договориться с великими державами и интегрировать Советский Союз в Версальскую систему. Постепенно происходит отказ от идеи «мировой революции» и полный переход к политике «мирного сосуществования», которая продолжалась вплоть до распада СССР.

Литература

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. — М.: Политическая литература, 1980. Т. 27.
2. Алексеев Г. М. Политические партии и движения России. Документы и материалы: учебное пособие. — М., 2001. Т. 1. Кн. 1. 258 с.
3. VI Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и красногвардейских депутатов. Стенографический отчет. — М., 1919.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политическая литература, 1980. Т. 27.
5. См. Манифест Международной социалистической конференции в Циммервальде. 23–26 августа (5–8 сентября) 1915 г. // Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. — М.: РОССПЭН, 1996.
6. VI съезд РСДРП август 1917. Протоколы. — М., 1934.

МОСКОВСКИЕ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРЫ РУБЕЖА XIX — XX веков В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Ермаков А. М.

Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна, Московская область, Россия

В данной статье на основании анализа мемуарных источников рассматриваются подробности жизни и особенности деятельности вице-губернаторов Московской губернии. Особое внимание уделено воспоминаниям коллег, людей из служебного окружения и родственников чиновников. Автор приходит к выводу, что вице-губернаторский пост занимали разные как по характеру, так и по управленческим качествам люди, а занятие должности во многом зависело от наличия покровительства высокопоставленных лиц или родственников.

Ключевые слова: губернаторы, вице-губернаторы, мемуары, местное управление, губернаторская власть.

Проблемы губернаторской власти дореволюционной России в трудах современных историков изучаются на основе широкого комплекса источников, среди которых следует выделить законодательные акты, источники справочно-статистического характера, материалы делопроизводственной документации, периодическую печать, а также источники личного происхождения [2, 10, 12]. Особую ценность представляют публикации воспоминаний, которые значительно расширяют источниковую базу исследований специалистов [19].

В официальных источниках практически невозможно выяснить сведения об особенностях характера и личности представи-

телей губернской администрации Российской империи. Напротив, мемуарная литература позволяет нам увидеть в чиновниках обычных людей со своими сугубо индивидуальными качествами, дает возможность удалить канцелярский налет, узнать их привычки и умения, рассмотреть общественную, неофициальную оценку политического деятеля. Ярко выраженный субъективный характер воспоминаний позволяет почувствовать дух времени и ментальность чиновников.

Изучение источников личного происхождения в отечественной историографии было начато П. А. Зайончковским, полагавшим, что «ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна» [6, 5]. В исследованиях А. Г. Тартаковского [17, 18] рассматривалось влияние исторических событий на мемуаристику и отмечалось, что в воспоминаниях раскрывается историческое самосознание личности. Существенный взгляд в разработку данной проблематики внесли Е. А. Чекунова [22] и С. С. Минц [13, 14], предлагавшие в качестве критерия оценки мемуаров степень осознания мемуаристом сущности явлений и процессов общественного развития. Среди новейших работ можно выделить статьи А. Н. Бикташевой [2] и И. Т. Шатохина [23], в которых мемуарная литература используется для характеристики губернаторского корпуса.

В данной статье в качестве основных источников для изучения вице-губернаторского корпуса Московской губернии были использованы мемуары губернаторов, их родственников, коллег, людей из служебного окружения чиновников.

Появлению в России должности вице-губернатора мы обязаны губернским реформам Петра I и Екатерины II. Вице-губернатор являлся заместителем губернатора, а в его отсутствие исполнял все губернаторские полномочия, считался вторым человеком в губернии, формально уступая старшинство лишь предводителю дворянства. Должность вице-губернатора относилась к классу статского советника, либо действительного статского советника.

В исследуемый период (с 1890 по 1917 гг.) в Московской губернии должность вице-губернатора занимало 6 человек.

Лев Андреевич Баратынский (1848–1907) занимал должность вице-губернатора в 1890–1902 гг. Он происходил из служилых дворян, был сыном контр-адмирала, внучатым племянником поэта Баратынского. В представлении, направленном в Министерство внутренних дел в связи с назначением его вице-губернатором, отмечалось: «Человек многосемейный и притом не обладающий материальными средствами» [24, 36]. Лев Андреевич был дважды женат, имел любовниц. По воспоминаниям его неродной внучки, Татьяны Фохт-Ларионовой, «первые семейные годы он жил гражданским браком, на что в то время смотрели очень косо», и его избранница «перестала совсем выезжать, боясь попасть в неловкое положение и не быть принятой в каком-нибудь знакомом доме». После смерти второй жены, Баратынский отбил у вернувшегося из ссылки пасынка жену Зою, которая позже родила вице-губернатору двоих детей. Характеризуя отношение Баратынского к служебным обязанностям, мемуаристка отмечает, что «Лев Андреевич был страшно ленив. Когда к нему приносили на подпись бумаги, он часто обращался к моему отцу: «А ну, ну, Алешечка, подпиши за меня бумаги». При этом он писал очень острые эпиграммы и был феноменально скуп: «на службу ездил на конке, причем наверху, так как там на копейку было дешевле», а будучи крестным отцом мемуаристки, «за все время подарил одно яблоко» [20, 645]. В сентябре 1902 г. вице-губернатор подал в отставку «по расстроенному здоровью и домашним обстоятельствам». Московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович высоко ценил Л. А. Баратынского как администратора и ходатайствовал о назначении ему усиленной пенсии [21, д. 260, л. 2].

С 1902 по 1905 гг. должность московского вице-губернатора занимал Александр Петрович Сабуров (1871–1919). Сын члена Госсовета, выпускник пажеского корпуса, первоначально он шел по военной стезе, но затем по болезни был направлен в аппарат

МВД, где состоялся как чиновник. Его женой стала графиня Анна Сергеевна Шереметева. Отец, С. Д. Шереметев, был не согласен с выбором дочери, однако не стал препятствовать их связи, накануне свадьбы лишь сказал ей: «Твой вкус — не мой вкус», пожав плечами. Дневники Анны Сергеевны свидетельствуют о том, что брак был счастливым [25, 279] — в браке родилось четверо детей. По словам Т. А. Аксаковой-Сиверс, «Александр Петрович благоговел перед женой и со страхом подходил к дверям ее комнаты, предварительно узнавая у ее любимого сына Бориса, в каком она находится настроении». Московские Шереметевы говорили: «Алик Сабуров очень недалек», однако, отец мемуаристики, «который с ним впоследствии сталкивался по делам архивным и генеалогическим, этого не находил, <...> может быть, слишком яркая индивидуальность Анны Сергеевны была причиной того, что он производил впечатление «мужа королевы» [1]. Сабуров был также последним Петроградским губернатором [15, 554]. Из отзывов его подчиненного А. С. Иваненко, служившего шлисельбургским исправником, можно заключить, что «особыми административными талантами Сабуров не отличался» и «во всех сколько-нибудь сложных случаях он прибегал к советам своего beau frere'a (шурина — прим. А. Е.) Павла Сергеевича, наиболее просвещенного члена семьи Шереметевых» [1]. Сабуров был уволен с должности в период Февральской революции. В ноябре 1918 г. был арестован большевиками, а в январе 1919 г. — расстрелян [8, 468].

В революционном 1905 г. вице-губернатором стал Владимир Федорович Джунковский (1865–1938) — самый известный из губернаторов Москвы начала века. Пробыв на посту три месяца, Джунковский стал губернатором (1905–1913), а позже товарищем министра внутренних дел и командующим Отдельным корпусом жандармов. В 1915 г. резко выступил против Распутина, что послужило поводом для снятия Джунковского с занимаемых должностей. После 1917 г. не эмигрировал, часто подвергался арестам и был расстрелян на Бутовском полигоне. Мнений

о Джунковском сохранилось чрезвычайно много. Он «был склонен искать популярности» [9, 28] и слыл известным либералом, прославившимся своим покровительством революционерам в октябре 1905 г., когда он «вместе с революционерами-демонстрантами под красным флагом ходил от тюрьмы к тюрьме для того, чтобы освободить политических заключенных» [4, 183], но «воздержался от донесения по начальству о своей «прогулке», которая не послужила для него препятствием как к оставлению в занимаемых должности и звании, так и к занятию впоследствии поста товарища министра внутренних дел» [16, 158]. Как писал начальник охранного отделения А. П. Мартынов, «В. Ф. Джунковский был очень популярен в общественных кругах и всеми силами стремился эту популярность поддерживать. Связи у него в «сферах» были громадные, и он легко и бестрепетно всходил на высшие ступени административной лестницы», однако, по мнению Мартынова, это был «круглый и полированный дурень, но дурень чванливый, падкий на лесть и абсолютно бездарный человек» [11, 315–316]. Сам же Джунковский, по свидетельству писателя С. М. Голицына, «никогда ни о ком он не давал порочащих сведений» [7, 86]. Многочисленные мнения современников о В. Ф. Джунковском разнятся, что особо подчеркивает его яркую индивидуальность.

В конце 1905 г., после назначения В. Ф. Джунковского «исправляющим должность» Московского губернатора, вице-губернатором при нем был назначен Александр Сергеевич Федоров (1853–1910). По воспоминаниям Т. А. Аксаковой-Сиверс, Федоров был «красивым, холемым мужчиной лет 45, очень пожившим, очень занятым своей служебной карьерой», на котором «лежал отпечаток чиновного Петербурга, отпечаток, который был всегда так чужд Москве». У А. С. Федорова были проблемы с деньгами, однако «с ловкостью виртуоза он умел выходить из положения и вел широкий образ жизни». Женитьба, «не принося ему материальных благ, давала блестящие связи и обеспечивала продвижение по службе». Теща была в восторге от зятя из-за его

«религиозности и качеств примерного сына», т.к. он прекрасно относился к своей матери, жившей в домике на Арбате. Как отмечалось в мемуарах, «к своим семейным обязанностям Александр Сергеевич относился очень добросовестно», жена «была окружена заботой и комфортом», а «ее требования, подчас даже деспотические, выполнялись беспрекословно». Сам Федоров был болен диабетом, и жена «настаивала на самой строгой диете». Мемуаристка «со страданием наблюдала, как Александр Сергеевич безропотно ел подаваемые ему на отдельном подносе картофельное пюре без масла и кислые печеные яблоки без сахара». А злые языки говорили, «что в других местах он вознаграждал себя за эти диетические рационы, но если это и делалось, то делалось так, что семейный мир не был нарушен». На должности московского вице-губернатора Федоров пробыл недолго, в 1908 году он заболел душевным расстройством на почве паралича и умер в 1910 г.» [1]. Губернатор В. Ф. Джунковский относился к Федорову достаточно критично, а назначение его на должность объяснял ходатайствами царедворцев Шереметевых, Дурново и А. Г. Булыгина. В своих воспоминаниях Джунковский называл его «человеком, не привыкшим к работе и ленивым», признаваясь, что им постоянно владело «чувство, как будто вице-губернатора не было». Когда губернатор хотел дать Федорову работу, «так как он сейчас же заболел». Джунковский был убежден, «что это происходило не по его вине, а по вине его супруги, а главное, его тещи, которые обе его боготворили и оберегали больше, чем было нужно. Они же отчасти были и причиной того, что он мало работал, так как удерживали его от работы, находя, что я его эксплуатирую, и боясь, чтобы он не переутомился» [5, 106].

В период с 1910 по 1916 гг. пост московского вице-губернатора занимал Адриан Михайлович Устинов (1870–1937), закончивший Императорское училище правоведения. Уже в то время, когда Устинов являлся членом одного из губернских присутствий, В. Ф. Джунковский характеризовал его как «безукоризненного по своей работоспособности, знакомству с делом и добросовестно-

сти, весьма опытного, дельного работника». После назначения на должность вице-губернатора Джунковский отмечал, что Устинов «представлял собой тип честнейшего, благороднейшего, весьма образованного чиновника... это был кабинетный работник, но широких взглядов. Всякое дело он схватывал быстро и очень талантливо излагал его на бумаге. Это был один из самых неопценных, близких мне, дорогих и преданных сотрудников, почему мой выбор и остановился на нем, и я его провел в вице-губернаторы», предварительно согласовав по телефону выбор с П. А. Столыпиным, одобвившим назначение. Джунковский не раз возвращается к личности своего заместителя: «с назначением его вице-губернатором я почувствовал огромное облегчение, получив верного, неутомимого и добросовестного помощника. С этого момента я был совершенно спокоен и за губернское правление... во главе с новым вице-губернатором оно сразу преобразилось и в короткое время из рутинной канцелярщины обратилось в живой подвижный организм», хотя это и «стоило большого труда и забот» [5, 437–438]. После ухода с поста Устинову был преподнесен благодарственный адрес, где его деятельность была оценена самыми высокими комплиментами. После 1917 года А. М. Устинов был неоднократно арестован, в 1937 году — расстрелян.

Последним в ряду московских вице-губернаторов был граф Николай Владимирович Клейнмихель (1877–1918). Его карьера началась на военной службе в Кавалергардском полку. Сведений в источниках личного происхождения о его пребывании в должности пока не обнаружено. Он был смещен со своего поста в период Февральской революции и прославился, как человек твердых монархических убеждений [3]. Был расстрелян большевиками в январе 1918 г. в Евпатории.

Подводя общий итог, отметим, что изучение воспоминаний позволяет сделать ряд выводов. Для занятия должности вице-губернатора, как правило, решающим становилось покровительство высокопоставленных лиц или родственников. Вице-губернаторский пост занимали разные как по характеру, так и по делу-

вым качествам люди, что во многом являлось определяющим при организации бюрократической работы. В мемуарах родственников чаще преобладают характеристики личных качеств и семейной жизни, в воспоминаниях коллег — деловые качества. Мемуары предстают ценным источником, позволяющим рассмотреть отношение губернских чиновников к служебным обязанностям не с формальной точки зрения, а через призму личного восприятия их авторов.

Литература

1. Аксакова Т. А. Семейная хроника: в 2-х книгах [Электронный ресурс]: Париж, 1988. Кн. 1. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2056> (дата обращения: 18.05.2015).
2. Бикташева А. Н. Казанские губернаторы первой половины XIX века в воспоминаниях современников // Научные ведомости БГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород, 2011. № 1 (96). Вып. 17. С. 90–94.
3. Васильев А. В тени царской короны [Электронный ресурс]. URL: <http://time4news.org/content/v-teni-tsarskoi-korony> (дата обращения: 18.05.2015).
4. Герасимов А. В. На лезвии с террористами. — Париж, 1985. 208 с.
5. Джунковский В. Ф. Воспоминания [Электронный ресурс]: в 2 т. М., 1997. Т. I. URL: http://az.lib.ru/d/dzhunkowskij_w_f/text_0010.shtml (дата обращения: 19.05.2015).
6. Зайончковский П. А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. — М., 1976. Т. 1. С. 3–15.
7. «Зачислить за ВЧК впредь до особого распоряжения». Дело В. Ф. Джунковского в московской Таганской тюрьме / Публ., вст. ст. и комм. А. Н. Семкина // Отечественные архивы. 2002. № 5. С. 79–98.
8. Красный террор в Петрограде / сост., пред. и комм. С. В. Волкова. — М.: Айрис-пресс, 2011. 512 с.

9. Курлов П. Г. Гибель Императорской России. — М.: Современник, 1992. 255 с.
10. Любичанковский С. В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917). — Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. 402 с.
11. Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. — М., 2004. 512 с.
12. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала XX вв.). — Орел, 2011. 488 с.
13. Минц С. С. Мемуары и российское дворянство: Историко-коведческий аспект историко-психологического исследования. — СПб., 1998. 260 с.
14. Минц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (К постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 55–70.
15. Руководители Санкт-Петербурга. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 576 с.
16. С Царем и без Царя. Воспоминания последнего Дворцового Коменданта Государя Императора Николая II В. Н. Воейкова. — М.: Родник, 1994. 271 с.
17. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. — М., 1997. 357 с.
18. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: От рукописи к книге. — М., 1991. 286 с.
19. Трубников А. Н. Воспоминания / Вступ. статья, сост., коммент., указ. к.и. н. А. С. Минакова. — Орел: Издатель Александр Воробьев, 2004. 168 с.
20. Фохт-Ларионова Т. Воспоминания Т. Фохт-Ларионовой // Российский Архив. — М.: Российский фонд культуры, 2001. Т. 11. С. 643–661.
21. Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 16. Канцелярия Московского генерал-губернатора. Оп. 201.

22. Чекунова А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII в.: Опыт источниковедческого анализа. = М., 1995. 136 с.
23. Шатохин И. Т. Курские губернаторы середины второй половины XIX в. в воспоминаниях современников // Научные ведомости БГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. — Белгород, 2007. № 3 (34). Вып. 2. С. 60–65.
24. Шаханов А. Н. Гражданские губернаторы Московской губернии (1709–1917) // Московский журнал. История государства Российского. — М., 2006. № 6. С. 33–37.
25. Шереметевы в судьбе России: Воспоминания. Дневники. Письма // Авт. — сост. М. Д. Ковалева А. И. Алексеева. — М.: Звонница, 2001. 432 с.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА И ИСТОРИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

Калашников С. Г.

Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна, Московская область, Россия

В данной статье на основе изучения научно-философской литературы рассматриваются этические и философско-исторические концепции ведущих французских мыслителей XX столетия Ж.-П. Сартра и А. Камю, которые оказали заметное влияние на научно-философское сообщество своего времени, проблематику и результаты исследований.

Ключевые слова: экзистенциализм, человек, история, Ж.-П. Сартр, А. Камю.

Несмотря на то, что проблемы философского антропоцентризма (гуманизм эпохи Ренессанса) и философского осмысления истории (XIX в., Баденская школа неокантианства) относительно молоды, их влияние на современный научный дискурс, метафизику, искусство и художественную литературу неоспоримы.

Среди этических и историософских концепций современности особое место занимает экзистенциализм. Причины этого понятны. Человек и история, которые попали в поле зрения экзистенциалистов, приходится на эпоху тотального мирового кризиса, охватившего все сферы культуры и цивилизации, проявлениями которого стали глобальные финансово-экономические катастрофы, мировые войны, тоталитарные формы власти, распад колониальных систем и пр. Многие из этих «трендов» живы до сих пор, на рубеже XX–XXI вв.

Экзистенциальная традиция не является монолитным явлением, по разным основаниям ее можно разделить на атеистическую и религиозную, довоенную и послевоенную и т.д. В контексте данной работы деление осуществляется по страноведческому критерию. В центре внимания находится французская экзистенциальная трактовка человека и истории. Это связано с тем, что французские мыслители стали интеллектуальным авангардом европейской культуры 50–70-х гг. XX столетия.

Начало Второй мировой войны, трагически быстрое поражение Франции и бесславная капитуляция перед фашистской Германией перевернули мировоззренческие устои французской интеллигенции. В центр ее внимания попали новые темы, в т.ч. человеческого существования, что сделало французский экзистенциализм духовным лидером Европы. Этому также способствовало то обстоятельство, что в формировании и распространении экзистенциальных идей приняли участие не только профессиональные философы, но и писатели, художественные критики, публицисты, обладающие выдающимися литературными талантами. Мысли о жизни человека, об истории они облекали в разнообразную форму: философские сочинения, пьесы, романы, воспоминания, мемуары, эссе. Военные и послевоенные годы стали временем создания наиболее значительных работ Ж.-П. Сартром, А. Камю, Г. Марселем, С. де Бовуар, А. Сент-Экзюпери, М. Мерло-Понти. В данной работе будут проанализированы проблемы человека и истории в творчестве двух выдающихся мыслителей, Нобелевских лауреатов по литературе Ж.-П. Сартра и А. Камю, идеи которых во многом предопределили философскую и литературную моду того времени.

По аналогии с хайдеггеровским и ясперовским экзистенциализмом французская модель интересуется, в первую очередь человеком. Человеческой жизни приписываются следующие черты — уникальность, специфичность, они противопоставляются всему закономерному, сущностному, рассудочному.

Наиболее серьезным и известным представителем французского экзистенциализма был Жан-Поль Сартр (1905–1980), со-

вмещающий преподавательскую деятельность и написание философских сочинений с драматургическим творчеством, с активной политической пропагандой левых взглядов.

Идейными истоками сартровского учения стали критически осмысленные гегельянство, марксизм, гуссерлианство и хайдеггеровский вариант экзистенциализма.

Приоритетной для себя темой французский мыслитель объявил бытие человека. В программной лекции «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946 г.) он заявляет, что «если даже Бога нет, то есть по крайней мере одно бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек» [5, 323].

Онтологическая концепция Сартра признает два вида реальности: «в-себе-бытие» (нечто такое, что невозможно охарактеризовать, нельзя подвергнуть описанию; нечто такое о чем можно сказать только то, что оно есть) и «для-себя-бытие» (бытие противоречивое, многообразное, подвижное, активное). Метафорически можно представить «в себе-бытие» в виде «сцены», на которой происходит действие «для-себя-бытия». «Сцена» обладает потенцией к появлению и реализации действия. И человек проявляет активность, действует, формирует мир. При этом мир внешний, мир «в-себе-бытия» он воспринимает как чуждый, враждебный. Это обстоятельство порождает конфликт, беспокойство и приводит к свободе.

Учение о свободе является краеугольным для антропологического учения французского мыслителя. Он объявляет ее исходным принципом и трактует в индетерминистском ключе. Свобода вырывает человека из мира необходимости, каузальных связей. Свобода не предполагает причин и оснований. Свобода не выступает внешней силой, детерминирующей человеческую жизнь. Она имманентно присуща человеку и связана с выбором человеком своего существования. Никакие объективные факторы не могут помешать человеку быть свободным в выборе, т.к., по Ж.-П. Сартру, человек выбирает не реальные возможности,

а собственное отношение к ним. Следовательно, свобода субъективна, она сводится к тому, как сам человек оценивает ситуации, обстоятельства (т.е. ограничения, препятствия), в которых он живет. Свобода предполагает лишь определение цели, но не требует ее обязательного достижения.

При этом сама свобода доставляет человеку мучительные ощущения, он живет свободой, т.к. она абсолютна, и скрыться от нее невозможно. Поэтому человек на протяжении всей своей жизни должен делать мучительные выборы, он «осужден быть свободным». Он может выбрать все что угодно — от пассивного примирения с действительностью, до революционного противостояния внешним обстоятельствам.

Идея свободы трансформируется Ж.-П. Сартром в атеистический вариант предлагаемой им этики. Он критикует непоследовательный атеизм, негативно относясь ко многим проявлениям интеллектуальной мысли, которые отрицают индивидуального Бога, но оставляют место для него в форме структуры и смысла бытия. Следовательно, необходимо отвергнуть все мысли об упорядоченности мира, причинной обусловленности его явлений, его закономерном устройстве и функционировании. Реальность соткана из случайностей, индетерминизма, спонтанности, свободы. Только такая «обезбоженная» модель мира дает право признать человека свободным безусловным существом, которое не может быть сделано Богом, человек сам себя творит и созидает [5, 344].

В этом отношении он трагически одинок. Он создает ценности, является их единственным источником. Критерием их нравственности французский мыслитель объявляет аутентичность. Она состоит в лозунге, который утверждает, что надо быть самим собой. За все придется нести ответственность. Таким образом, распространяется субъективистский релятивизм, «я» конкретного человека объявляется ответственным за все, а социальные нормы, традиции, религиозные догмы объявляются незначимыми, несущественными.

Понятно, что достичь определенных целей в одиночку невозможно. И тогда Ж.-П. Сартр указывает на возможность социальных объединений, когда появляется возможность реализовать не индивидуальные проекты, а групповые. Только группа — это не целостный единый организм, а свободная совокупность субъектов и их праксисов (деятельности).

Подобные группы он называет ансамблями и делит их на группы и коллективы. Формирование ансамблей связано с наличием общей задачи и фиксируется принесением клятвы. При решении задачи ансамбль распадается, распад может осуществиться и при длительном недостижении цели. Чем больше группа, чем из большего количества праксисов он состоит, тем больше центробежных сил, тем менее он жизнеспособен, тем быстрее он распадается. Для сохранения своей стабильности любой социальный ансамбль применяет ряд средств: клятва (ритуал, который скрепляет коллектив), террор (руководящее ядро осуществляют чистку коллектива от смутьянов, сомневающихся), страх (поиск внешних врагов, угроз сплачивает группу), институализация (структурирование жизни внутри ансамбля, что приводит к вырождению группы в коллектив).

Коллектив противопоставляется человеку, т.к. цель деятельности постоянно возрождается, она становится для каждого члена внешней, а, следовательно, чуждой, но все должны работать на ее достижение. Коллектив — это существование Другого, где каждый существует и действует как Другой, его труд становится инертным, некреативным. Значит, нужно бороться с коллективом, выступать за признание собственной свободы в глазах Другого.

В контексте понимания проблем человеческого существования, Ж.-П. Сартр уделяет серьезное внимание осмыслению истории. Для него принципиально важно понять есть ли существенная связь между прошлым и настоящим, настоящим и будущим. Время возникает при ситуации постоянного ускользания сознания от тождества с самим собой. Однако и прошлое, и настоящее зависят от синтезирующего начала, которое осуществляет

субъект. Значит, прошлое и будущее производны от настоящего, они всегда чьи-то. Прошлое выступает прошлым настоящего и определяется таким субъектом. Настоящее — это краткое мгновение, экстатически переживаемое человеком, окрашено в психологистические тона, выполняет функцию ориентации человека и формулировки его отношения к прошлому. «Я есть мое прошлое, — пишет он, — и если меня нет, мое прошлое не будет существовать дольше меня или кого-то еще. Оно не будет больше иметь связей с настоящим. Это определенно не означает, что оно не будет существовать, но только то, что его бытие будет неоткрытым. Я единственный, в ком мое прошлое существует в этом мире» [1]. Аналогичные объяснения даются и будущему, его субъективному проектированию. Это приводит нас к выводу о том, что объективного исторического времени, эпох не существует, каждый человек волен по-своему их пережить, рассказать, интерпретировать.

История предельно релятивизирована и субъективизирована, зависит от свободы, превращается в хаос личных впечатлений, в акт его творчества, в «дыру в бытии». Эта сартровская мысль была в полной мере реализована в сочинениях М. Фуко. В. Декомб отмечал: «...есть два способа чтения этих повествований и два типа читателей книг Фуко: можно читать «Рождение клиники» или «Слова и вещи» как исторические книги и видеть в них изложение и исследование развития медицины в XIX столетии или возникновения «наук о человеке». Но можно читать эти сочинения потому, что они написаны Фуко, и не столько для того, чтобы узнать из них историю медицины или антропологии, сколько ради примеров, содержащихся в его доказательствах и позволяющих понять его манеру писать историю, а тем самым и возможность нового исторического повествования, недиалектического понимания становления» [3, 112].

Бурное развитие экзистенциализма и его популяризация стали заслугой многих мыслителей, но даже среди них особняком стоит фигура Альбера Камю (1913–1960), который был прекрас-

ным писателем, активным публицистом, глубоким мыслителем. В своих сочинениях он оригинально соединил художественную литературу и серьезную философию.

Как и другие экзистенциалисты французский мыслитель не уделяет значительного внимания онтологическим и гносеологическим проблемам. Для него не важны проблемы субстанции, структуры бытия, принципов развития мироздания, т.к. действительность иррациональна, соткана из хаотичных событий, не имеет смысла. Изучать рационально, научно такую действительность практически невозможно.

На передний план для А. Камю выходят проблемы человеческого бытия, его жизни в этом чуждом мире, необходимости влачить жалкое повседневное существование и т.д. Само определение проблематики указывает на обреченность человека, всю драматичность его существования.

В хрестоматийном сочинении «Миф о Сизифе», автор описывает абсурдность бытия, когда герой раз за разом с напряжением всех своих сил вкатывает огромный камень на вершину горы. И в тот момент, когда задача вроде бы решена, и он обретет свободу, камень скатывается вниз. «Боги приговорили Сизифа поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно скатывалась вниз. У них были основания полагать, что нет кары ужасней, чем бесполезный и безнадежный труд», — констатирует А. Камю [4,89]. По аналогии с судьбой Сизифа строится и жизнь человека. Нас окружает нелепость, абсурд, суета. Экзистенция — это абсурд, который скрепляет все разнородные феномены нашего мира. Он окружает нас со всех сторон, поэтому четкости, ясности, адекватности восприятия мира люди получить не могут. Существование человека становится трагическим, одиноким и чуждым. Это приводит к постановке фундаментального вопроса о том, что человеку необходимо решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить.

Ответ на это вопрос может иметь два варианта. Первый предполагает суицидальное окончание жизни. Если жизнь — это аб-

сурд, то самоубийство представляет собой выход из ситуации абсурда. По мнению французского экзистенциалиста, такой выход является ложным. Самоубийство является демонстрацией слабости.

Второй вариант связан с тем, что человек принимает абсурд и живет в абсурдном мире. Реализация данного варианта — это не мировоззрение пораженчества. Наоборот, для того, чтобы жить, и не просто жить, а жить в борьбе с абсурдом, необходимы и достоинство, и мужество.

«Бунтующий человек» выступает против своей рабской доли. Его бунт выступает проявлением свободы. Мировоззренческий бунт возвращает А. Камю к ницшеанству, к нигилизму, революции. Но он имеет не только разрушительную коннотацию, но и созидательную, т.к. пытается гармонизировать бытие мира. Человек в данном контексте становится творцом истории.

Подводя итоги, хочется заметить, что французский экзистенциализм сформировал интеллектуальный климат, способствующий обращению сначала французских, а затем и других европейских историков, к изучению чувств, переживаний конкретных исторических персонажей, написанию микроисторий с маргинализацией описания прошлого [2, 306], борьбе с отчужденностью, абсурдом бытия.

Литература

1. http://www.chronos.msu.ru/old/RQUOT/rtemporpublications_40.html
2. Анкерсмит Ф. Р. — История и тропология: взлет и падение метафоры. — М., 2003.
3. Декомб В. Современная французская философия. — М., 2000.
4. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — М., 1990.
5. Французская философия сегодня: Анализ немарксистских концепций. — М., 1989.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА

Моисеев Г. Ч.

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Статья посвящена возможности использования политологических подходов для изучения роли личности в исторических процессах.

Ключевые слова: *политическое лидерство; роль личности в истории.*

Концепт «политическое лидерство» активно применяется как на теоретическом уровне осмысления политики, так и при объяснении реальных общественных процессов прошлого и настоящего. Среди различных форм лидерства именно политическое занимает особое положение. По оценке многих отечественных и зарубежных ученых, политическое лидерство гораздо более значимо и заметно своей экспрессивностью и преднамеренностью, более influentially в разнообразных действиях и проявлениях, более эффективно в воздействии на политическую и общественную жизнь, на весь ход исторического развития.

Политическое лидерство сегодня изучается в рамках целого спектра наук, где рассматривается как междисциплинарный объект. Множество подходов к его исследованию, акцентируют внимание на таких аспектах как характерные черты, структурные компоненты, различные типы, критерии эффективности и др. Однако, представители исторической науки довольно редко используют это понятие в своих исследованиях.

С одной стороны, такое положение дел вполне объясняется

недостаточной разработанностью общей методологии анализа и интерпретации данного явления в целом. Несмотря на давнее стремление раскрыть взаимосвязь объективных и субъективных факторов в истории, первые представления о политическом лидерстве были сформулированы лишь в конце XIX — начале XX вв., и вплоть до 70-х годов прошлого столетия этот феномен не был объектом систематического научного внимания [1]. С другой стороны, большинство историков остаются верными традиционным для этой дисциплины классическим исследовательским подходам и не всегда стремятся заимствовать наработки своих коллег из других отраслей гуманитарного знания. Вместе с тем, политологи, философы, юристы, социологи и психологи уже накопили достаточно широкий арсенал средств и методик, позволяющих осмыслить различные стороны политического лидерства и с успехом использовать этот концепт для расширения привычных представлений о прошлом и настоящем.

Исследователи общественных движений и политических партий, специалисты по электоральным процессам, авторы биографий, работ по истории повседневности постоянно сталкиваются с необходимостью определения роли и значения тех личностей, которые влияют на содержание и характер происходящих событий или принимают в них активное участие. И чем более значимой для эпохи является фигура того или иного политического и общественного деятеля, тем важнее становится не упустить из виду мельчайшие детали его поведения, вникнуть в особенности процесса принятий решений, понять его намерения, оценить эффективность предпринятых инициатив и наступивших последствий.

Начиная с XX века, и особенно его второй половины, политические лидеры различного масштаба все чаще привлекают к себе внимание исследователей. Это связано с ростом их влияния в обществе, появлением все большего числа харизматических личностей, превращением политического лидерства в один из самостоятельных институтов власти [2]. Многообразие форм

государственного устройства европейских стран и способов осуществления власти после Второй мировой войны стимулировало изучение тех политических процессов, которые в них протекали. Выясняя, почему внешне одинаковые институты успешно функционируют в одних странах и совершенно неприемлемы для других, исследователи уделяли все больше внимания реальным субъектам политики, в том числе и политическим лидерам. И, хотя сам вопрос о том, почему политическое лидерство в различные исторические периоды и в разных странах имеет тенденцию проявляться по-разному, был сформулирован уже давно, наибольшую актуальность он приобретает именно в 40–70-е годы XX века.

На первый взгляд может показаться, что те, кто занимается изучением феномена политического лидерства, создают исключительно теоретические построения, имеющие абстрактный характер, которые вряд ли могут быть использованы в конкретных исследованиях. Но это не так. Применение концепта политического лидерства позволяет уйти от одномерных и «эмоциональных» оценок того или иного исторического деятеля, поскольку предоставляет исследователю, более широкий спектр характеристик, позволяет по-новому посмотреть на формы реализации политики, уделяя все большее внимание особенностям поведения изучаемых персонажей.

В 1987 году вышла книга французского политолога Жана Блонделя с многообещающим названием «Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу», которая затем была переведена и на русский язык [3]. Размышляя над вопросом «имеют ли лидеры значение?» автор предпринял попытку обобщить уже имеющиеся точки зрения и построить типологию политических лидеров, исходя из степени их эффективности. В основу классификации им были положены различных моделей поведения, зависящие от комбинации трех аспектов: личностных особенностей политиков, сложившихся общественных институтов и ситуации, с которой они имеют дело.

Разграничивая эти группы факторов, Ж. Блондель подчеркивал важность их исследования как относительно самостоятельных, но явно влияющих друг на друга. Такой подход, по мнению автора, способствовал бы пониманию подлинных мотивов поведения политиков, выражающихся не только в их действиях, но также скрытых намерениях и потенциальных возможностях.

Существуют различные подходы к исследованию личности. Г. Лассуэлл, считавший, что качества лидера являются приобретенными, с особым вниманием изучал психологические маркеры, появляющиеся у будущих политиков начиная с детского возраста [4]. Г. Г. Дилигенский рассматривал личность более широко, выделяя в ней когнитивные, мотивационные, аффективные, коммуникационные и поведенческие компоненты [5]. М. Вебер обращал внимание на экстраординарные и иррациональные свойства личности, воспринимаемые как «харизма» [6]. Дж. Д. Барбер, анализирувавший психологическую структуру личности американских президентов, в числе ее элементов называл «стиль» как привычный способ исполнения политических ролей [7]. Ж. Блондель понимал под личностью лидеров сумму элементов, которая «описывает» их в конкретный момент, считая, что этот фактор лидерства имеет смысл и значение лишь в связи с целями и политическими принципами лидеров, а также их востребованностью обществом.

Если область исследования, связанную с личностью политика, считать своеобразным микроуровневым анализом, то ситуационные и институциональные факторы, представленные процессами и явлениями, в которые политик оказывается вовлеченным «волею судьбы», можно отнести к макроуровню. Изучение конкретного соотношения между этими уровнями позволяет понять в какой степени значение реального политика определяется его личностными качествами, а в какой — условиями среды, в которой он действует и на которую влияет.

Особое место в рамках среды отводится общественным институтам, которые являются для политического лидера своеобраз-

бразными инструментами воздействия или его ограничителями. Они включают группы, партии, бюрократию, суды и законодательные органы, средства массовой информации — все, что может мешать или помогать действиям лидеров. Уровень институционализации общества (то есть, предел, до которого институты в нем реально работают), степень централизации или децентрализации системы управления являются значимым критерием учета этого фактора.

Для того чтобы определить чего реально достигают сами лидеры, а в каких действиях они просто «плывут по течению», в лучшем случае довольствуясь небольшим вмешательством, мы нуждаемся в точной оценке «знаменателя» нашего «уравнения», которым является конкретная историческая ситуация.

При этом важно понимать, что ситуационный фактор оказывает влияние на политиков не только совокупностью своих характеристик, но и состоянием самой общественной и политической системы, конкретной фазой ее исторического бытия. От этого параметра зависят, в частности, такие значимые моменты, как «климат», в котором лидер начинает свою деятельность, его предшествующий политический опыт, способы, которыми он достиг своего положения.

Чаще всего исследователи отмечают такие качественно различные ситуационные состояния общества как его устойчивое равновесие и поступательная эволюция; стагнация, сопровождаемая кризисными явлениями; состояние ситуационного кризиса, вызванное усложнением конкретных проблем внутренней или внешней политики и угрожающим стабильности системы; общий кризис системы, выражающийся в ее необратимой дестабилизации. Каждая из этих фаз предъявляет специфический «социальный заказ» на лидеров по принципу «нужный человек в нужное время» [8].

В результате сопоставления ситуационных характеристик состояния социально-политической системы и личностных качеств политического лидера определяется соответствие индивидуаль-

ной судьбы политика исторической судьбе той социальной общности, которую он представляет. В реальном времени для такой оценки необходимо хронологически и содержательно соотнести ключевые, знаковые события политической и общественной жизни государства и основные вехи политической биографии исследуемого лидера.

Однако, «встроенность» политика в конкретную ситуацию и более широкий национально-культурный контекст определяется не только востребованностью его идейных взглядов, предпринимаемых шагов и других, традиционных для историка, аспектов исследования. В условиях наблюдаемого сегодня снижения влияния идеологий и значимости политических программ на первый план выступают иные ресурсы политического лидерства — имиджевые, стилистические. В результате современный политик представляет собой синтез личностных, социально-психологических и мировоззренческих, а также более широких, общественно-политических элементов, демонстрирует определённый характер их взаимодействия, который воплощается в идейных разработках и практических мероприятиях. Однако подобное его восприятие неизменно порождает для исследователя непростой вопрос — какая из этих двух составляющих определяет саму суть явления, придаёт ему оригинальность, объединяет все части воедино? Одним из возможных вариантов ответа может быть восприятие политика с точки зрения своеобразия той модели политического лидерства, которую он сознательно сформирует с учетом собственных идейных предпочтений, личностных особенностей и характера политической ситуации [9].

Литература

1. См. подробнее: Щербинина Н. Г. Теории политического лидерства. — М., 2004.
2. См. подробнее: Васильцов С. И. Фактор лидера в современном политическом развитии // Рабочий класс и современный мир. — 1989. — № 2.

3. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. / Пер. с англ. — М., 1992.
4. Лассуэлл Гарольд Д. Психопатология и политика / Пер. с англ. — М., 2005.
5. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. — М., 1996.
6. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. Пер. с нем. — М., 1990.
7. Barber J. D. The Presidential character: Predicting performance in the White House. — N. Y., 1972.
8. См., например: Дилигенский Г. Г. Указ. соч. — С. 214.
9. Моисеев Г. Ч. Жискардизм как модель политического лидерства // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Отв. ред.: А. В. Кузнецов и др. — М., 2016.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ

Муромцева Л. П.

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Тема сбережения историко-культурного достояния российской эмиграцией до настоящего времени не являлась предметом комплексного научного исследования. Имеются белые пятна в истории ее важнейших аспектов — музейного и архивного дела, частного коллекционирования в зарубежной России XX века.

Разработка этой проблемы весьма перспективна и с точки зрения дальнейшего расширения тематики и источниковой базы исследований по истории российского зарубежья. Изучение созданного и сохраненного российской эмиграцией культурного наследия позволяет более глубоко осмыслить исторический путь России и вклад ее в общемировое развитие в XX веке. В статье анализируется становление представлений о значимости собирания историко-культурных памятников в системе мировоззрения эмигрантской интеллигенции, их связь с идеей исторической миссии эмиграции — созданием альтернативной линии российского исторического процесса, которая должна была соединить (и соединила) Россию дореволюционную с Россией постбольшевистской.

Ключевые слова: эмиграция, музеи, реликвии, историко-культурное наследие.

Анализ и обобщение данных историографических и исторических источников, позволяет говорить об исключительной значимости концепта историко-культурного наследия в определении сущности и специфики уникального мира зарубежной Рос-

сии. Можно утверждать, что сохранение в изгнании памятников отечественной истории и культуры и их возвращение на родину является одной из базовых характеристик феномена российского зарубежья, которая требует отдельного углубленного изучения.

В XX в. в российском зарубежье было создано значительное количество музеев, отражающих разнообразные события истории и культуры России. Они различались по тематической направленности и составу своих коллекций, количественным и качественным параметрам собраний, правовому статусу. В их числе существовали музеи общеисторического профиля, т.е. собиравшие и экспонировавшие вещевые и документальные памятники, а также произведения искусства. Наиболее значительными среди музеев такого типа являлись Русский культурно-исторический музей в Збраславском замке под Прагой, Музей русской культуры в Сан-Франциско и музей Общества «Родина» в Лейквуде (США). Небольшие музеи историко-культурного профиля действовали в различных центрах российской диаспоры в Европе, США и других регионах мира. Они создавались преимущественно по инициативе общественных объединений и ставили основной задачей сохранить те памятники отечественной истории и культуры, какие удалось выявить, приобрести или получить в дар независимо от времени их возникновения, тематики материала и т.п.

Наиболее распространенным типом музейного объекта в российском зарубежье в 1920–1930-е гг. стали военно-исторические музеи, нередко сочетавшие в себе черты корпоративного и историко-культурного музея. Связано это было, с одной стороны, с разобщенностью эмигрантских политиков и деятелей культуры, а с другой, — с большой сплоченностью и организованностью военных кругов российской эмиграции. Кроме того, в ходе эвакуации за границу белых армий ими было вывезено значительное количество историко-культурных памятников и архивных документов военной тематики. Вот почему значительная часть эмигрантских музейных коллекций отражала, прежде всего, историю русской армии, Первой мировой и Гражданской войн.

Еще в начале XX в. в российской армии возникло достаточно активное историко-культурное движение, в ходе которого были написаны полковые истории и созданы полковые музеи. При этом в полках и военно-учебных заведениях, как в «старых», так и созданных в процессе развития Белого движения, продолжалось формирование фондов воинских реликвий (знамен, наградных труб, грамот и т.п.) и текущих служебных архивов, шло составление боевых летописей, в ряде случаев — фотофиксация военного быта. Все это было по возможности вывезено за границу и легло в основу военных музеев российского зарубежья [1, 329].

Самостоятельную группу среди музейных собраний составляли хранилища истории и культуры казачества, в коллекциях которых наряду с темой военной истории было достаточно ярко выражено этнографическое направление. Следует отметить также, что в казачьих музеях и частных коллекциях было представлено значительное количество ценных вещей и документов XVII–XVIII вв. (атаманские булавы, братины, грамоты, холодное оружие и т.п.). В частности, особого внимания заслуживает Музей Кубанского казачьего войска в США [2, 77–86].

Важная роль в создании музейных собраний российского зарубежья принадлежала военно-морской эмиграции. Помимо получивших достаточно широкую известность организаций — Военно-морского союза (ВМС) и Кают-компаний морских офицеров в Париже, Общества офицеров российского императорского флота в Америке (Нью-Йорк) и Кают-компаний в Сан-Франциско, необходимо упомянуть два замечательных частных собрания. Первое было создано в Тунисе усилиями бывшего капитана-подводника Н. А. Монастырева — автора ряда книг и воспоминаний о Российском военно-морском флоте. Оно включало собственноручно изготовленные им модели кораблей, в том числе подводных лодок, участвовавших в Первой мировой войне, русские ордена и погоны, холодное оружие, военно-морские флаги, фотографии. Второе сформировалось в 1930-е гг. в Альтенбургском замке (Германия) по инициативе княжны Веры

Константиновны Романовой (1906–2001), которая принимала живое участие в историко-культурной работе Российского общевойскового Союза (РОВС) и ВМС. И хотя формально Морской музей в Альтенбурге являлся частной коллекцией, общественный статус его создательницы, безусловно, распространялся и на музей, привлекая к нему внимание и военных моряков-эмигрантов, и всего военного зарубежья [3, № 116–117, 3; № 131–132, 18].

После Второй мировой войны историко-культурная деятельность в российском зарубежье была во многом возобновлена с нуля: в Европе погибли или были разрознены многие созданные ранее музейные и архивные собрания, погибли и надежды эмиграции на возвращение домой. Тем не менее, корпоративные объединения военных эмигрантов, часть которых продолжала свою деятельность во Франции, США и ряде других стран в 1940–1970-е гг., уделяла большое внимание сбору и демонстрации военно-исторических памятников в целях сохранения новыми поколениями эмигрантов их культурной идентичности.

В 1944 г. в Сан-Франциско открылся музей при Обществе русских ветеранов Великой войны [4, 210]. В США были перемещены некоторые особо ценные музейные собрания российской военной эмиграции из Европы. В частности, в США был перевезен музей Николаевского кавалерийского училища, действовавший в межвоенный период в Париже, а также реликвии Кубанского казачьего войска.

Во Франции в послевоенный период продолжали действовать несколько военно-исторических музеев разного масштаба. Кроме того, российское зарубежье считало своими русские отделы двух крупных европейских военных музеев: Дома Инвалидов в Париже и Королевского музея армии и военной истории в Брюсселе. Оба собрания создавались и развивались при активном участии российской военной эмиграции.

Поскольку военная эмиграция оказалась одной из наиболее устойчивых институциональных систем российского зарубежья XX в., в ее структуре и сейчас продолжает функциони-

ровать ряд музейных центров, созданных в 1930–1970-е гг. Так, в США до настоящего времени действуют Музей Казачьего Союза, Музей Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско и Музей Общества русских ветеранов Великой войны в Лос-Анджелесе. Собрание казачьих реликвий Музея Кубанского казачьего войска за рубежом (г. Ховелл, штат Нью-Джерси) в 2007–2011 гг. было практически полностью возвращено на родину; в музее продолжают экспонироваться лишь личные вещи, письма, книги, фотографии, отражающие судьбы казаков-эмигрантов XX в. [5]. Из существующих ныне крупных эмигрантских военно-исторических собраний в Европе следует назвать Музей Лейб-гвардии Казачьего полка в Париже и частную военно-историческую коллекцию Шапрона дю Ларрэ (Франция/Бельгия).

По мере того, как сокращалась численность военной эмиграции послереволюционной волны и снижалась активность ее общественных объединений, возникал вопрос о сохранности принадлежавших им музейных ценностей, в том числе о передаче их в ведение более крупных историко-культурных центров за рубежом, а в 1990-е гг. — и на родину. Так, в 1974 г. музейная коллекция и архив Общества бывших русских морских офицеров в Америке были переданы обществу «Родина», которое впоследствии осуществило передачу значительной части собрания Российскому фонду культуры, Центральному военно-морскому музею, Российскому государственному архиву военно-морского флота и Центральной военно-морской библиотеке в Санкт-Петербурге [6, 2]. В 1980-е гг. прекратила свое существование одна из ведущих военно-морских организаций Русской Америки «Кают-компания», после чего часть ее музейного собрания перешла к Музею Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско [7, 31]. В свою очередь его руководство в 2002 г. приняло принципиальное решение о возвращении собранных коллекций в Россию.

Тематически связаны с историей российской армии и Белого движения и собрания эмигрантских церковно-исторических

музеев. В частности, при русском Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (штат Нью-Йорк), основанном в 1930 г., был создан Музей русской истории, где хранятся коллекции архивных документов РОВС, Штаба Вооруженных сил юга России, большое количество личных фондов общественных и культурных деятелей российской эмиграции в США. В составе историко-культурных собраний Русской Америки имеются также иконы и предметы церковной утвари, отражающие различные аспекты истории российской эмиграции первой и второй волны.

Старинные иконы и разные культовые вещи находятся в русских православных храмах Парижа, Анъера, Медона и других городов Франции. В православном соборе св. Александра Невского на улице Дарю в Париже, например, можно увидеть икону «Вознесение» (дар императора Александра II), бронзовую икону устюжской школы с эмалью и жемчугом (с медальоном генерала М. Г. Черняева), полковые иконы, русские награды (ордена, медали) в киотах. В крипте православного Свято-Николаевского собора в Ницце разместился своеобразный Музей русской колонии, где хранятся иконы, портреты русских императоров, ордена, медали, знамена, штандарты, гусарский мундир с позументами и прочие реликвии.

В 1920–1930-е гг. за границей оказалось значительное количество художественных ценностей российского происхождения. Как отмечал П. Е. Ковалевский, «в частных руках хранились настоящие сокровища искусства» [8, 72]. Самостоятельный, многообразный пласт российского художественного наследия XX в. сформировался во Франции, США, на Дальнем Востоке в результате деятельности русских художников и скульпторов. Часть их произведений и творческих архивов пополнила музеи и частные коллекции, созданные российскими эмигрантами.

Из них, пожалуй, наиболее ценным являлось собрание Русского культурно-исторического музея в Праге, основанного В. Ф. Булгаковым. В 1938 г. в Риге с помощью художника А. И. Юпатова Булгакову удалось напечатать вначале краткий

каталог, а затем даже альбом художественных собраний музея, включавший около 400 произведений живописи и скульптуры. Вот что писал в предисловии к альбому «Русское искусство за рубежом» Н. К. Рерих: «Русский культурно-исторический музей в Праге есть явление глубочайшего смысла. Это — первый Русский музей в Европе, маяк русского искусства и науки за рубежом» [9, 11, 16–17]. Первоначально музей состоял из следующих отделений: художественного, архитектурного, истории эмиграции, русской старины. При музее имелась библиотека с собранием редких книг о России. В архивном фонде РКИМ находились автографы Л. Н. Толстого; рукописи М. Алданова, М. Арцыбашева, И. Бунина, М. Цветаевой, Б. Зайцева, В. Немировича-Данченко; письма Г. Адамовича, М. Осоргина, Н. Тэффи, И. Наживина, А. Ремизова и др. Накануне Второй мировой войны коллекции музея продолжали пополняться материалами, в частности, связанными с жизнью и деятельностью А. И. Герцена, появились два новых отдела — Пушкинский и театральный. [10, 182–194]. В 1945–1948 гг. собрания РКИМ были перевезены из Чехословакии в СССР, где их распределили между крупнейшими музеями Москвы и Ленинграда [11, 38].

Помимо собраний произведений искусства, которые входили в состав ведущих историко-культурных центров, в российском зарубежье, начиная с 1920-х гг. действовало несколько самостоятельных художественных музеев, таких как Музей им. С. П. Дягилева и Русский музыкальный исторический музей в Париже, Музей им. Н. К. Рериха в Нью-Йорке и др.

Одним из элементов художественной жизни российской эмиграции было частное коллекционирование, которое, утратив до-революционный размах, все же сохраняло свое качество и культурное значение.

Коллекциями произведений искусства в российском зарубежье обладали, как правило, те немногочисленные эмигранты, которым удалось вывезти за рубеж свои капиталы и личное имущество. Со временем предметом коллекционирования стали и об-

разцы нового русского зарубежного искусства — произведения художников и скульпторов-эмигрантов.

Что касается музеев, принадлежащих зарубежным соотечественникам или их общественным объединениям, то большинство историко-культурных центров, созданных в 1920–1930-е гг., опирались в своей основе на культурные традиции и мотивации «первой волны» и были ориентированы на последующее возвращение своих собраний на родину, в Россию. Частично это намерение было реализовано.

Новые институциональные структуры историко-культурного движения российского зарубежья, возникшие в конце XX — начале XXI вв., создавались не в целях спасения исторических ценностей, а для удовлетворения культурных потребностей зарубежных соотечественников и востребованы современным российским зарубежьем в США и других странах мира.

Таким образом, каждая из сберегавшихся эмигрантами коллекций имела свою неповторимую, а порой драматическую историю, свою судьбу, отличалась определенным своеобразием. Но наряду с этим можно выделить немало общих черт, характерных для эмигрантских музейных собраний 1920–1930-х гг. (как общественных, так и частных). Экспозиционная площадь музеев была небольшой и обычно включала один–два зала (а иногда лишь угол комнаты), тесно заставленные шкафами, стендами и увешанные картинами и фотографиями.

У эмигрантов не хватало средств на проведение консервации и реставрации раритетов, не было достаточно возможностей для научной обработки и систематизации материалов. Работа сотрудников музеев велась на общественных началах, жалованье получали один–два человека, обычно наемный технический персонал. Тем не менее в музеях осуществлялись разбор и изучение музейных предметов и архивов, готовились выставки и публикации.

Часто активная собирательская деятельность эмигрантских музеев велась благодаря очень узкому кругу настоящих подвижников либо даже одного из них, после ухода из жизни которо-

го она сворачивалась, а коллекции расходились по рукам. Среди этих русских интеллигентов, чей высокий нравственный уровень сформировался еще в дореволюционную эпоху, нужно упомянуть имена В. Ф. Булгакова, П. А. Скачкова, поэта Н. Н. Туровева и других.

В рамках эмигрантского сообщества в том или ином городе или стране происходило взаимодействие историко-культурных центров и деятелей культуры; эмигрантская профессура, творческая интеллигенция, представители военной элиты были вовлечены в работу музеев и других культурно-просветительных учреждений в Париже, Праге, Белграде, Нью-Йорке, Харбине и во многих городах мира, где существовали очаги российской эмиграции. В настоящее время наши соотечественники продолжают свою подвижническую деятельность по созданию музеев и коллекций, заслуживающую всяческого признания и уважения.

В перспективе представляется необходимым составление каталога музейных собраний российской эмиграции. Многие из них вызывают значительный интерес и служат ценным источником по истории не только российского зарубежья, но и России в целом.

Литература

1. Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Омск, 2001. 359 с.
2. Муромцева Л. П. Сохранение историко-культурной идентичности русского казачества в эмиграции. // Отечественная история. 2008. № 3.
3. Часовой. 1934.
4. Попов А. В. Военные музеи и архивы русского зарубежья // Вестник архивиста. 2003. № 2.
5. Шульгатый Д. Казачий музей в Нью-Джерси таковым и останется // Новая газета Кубани. Выпуск 81 (1687), 24 октября 2011.
6. Вспоминая Российский императорский флот. К 15-летию РФК. М., 2001. 40 с.

7. Забелин С. Н. Музей Общества ветеранов // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. Сан-Франциско, 1993. № 272.
8. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Париж, 1973. 147 с.
9. Булгаков В. Ф., Юпатов А. И. Русское искусство за рубежом. Прага-Рига, 1938. 63 с.
10. Муромцева Л. П. В. Ф. Булгаков и Русский культурно-исторический музей в Праге. // Россия и современный мир. 2010. № 3 (68).
11. Лазарев В. Я. Хождение не за три моря. Тула, 1969. 96 с.

ДИССИДЕНТСТВО КАК МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Романкина И. А.

Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна, Московская область, Россия

Статья посвящена феномену диссидентства как модели взаимодействия власти и общества, попытке проявления гражданской активности в условиях несвободы, зарождения первых элементов гражданского общества в тоталитарном режиме.

Ключевые слова: диссидентское движение, инакомыслие, оппозиция.

В 1960–70-е гг. оппозиционность в СССР приобрела достаточно широкий характер. В советском обществе возникла новая форма духовной оппозиции — диссидентство. Сущностное содержание диссидентства определяла способность к инакомыслию. Диссидентское движение было самым значительным в социальной истории Советского Союза, в том смысле, что он перед всем миром поставило вопрос о сущности коммунистического общества и впервые в истории этого общества дало пример оппозиции этому строю. Диссидентское движение в 60–70-х годах стало одним из самых ярких проявлений общественной активности граждан, интеллектуальным, духовным и нравственным сопротивлением тоталитарному режиму.

Выход из противоречия власти и общества диссидентам виделся в обретении независимости мысли, отказе от пассивного принятия действительности и переходе к самостоятельному осмыслению ее.

Инакомыслие, как форма противостояния власти, в советском обществе существовало всегда, несмотря на все запреты и репрессии, но как духовно-нравственная оппозиция властям заявляет о себе только во второй половине 60-х годов, хотя индивидуальные проявления инакомыслия после XX съезда КПСС, прошедшего в 1956 году, заметно участились. Хрущевская либерализация общественной жизни привела к последствиям, которые явно не были запланированы. «Железный занавес», отделявший СССР от западных стран, несколько приоткрылся; советские люди начали знакомиться, — правда, очень односторонне и урывками — с современной европейской и американской культурой. На страницах отечественных журналов появляются тексты произведений, немислимые в сталинское время. Люди стали больше читать, больше думать и меньше бояться собственных мыслей; из мыслей постепенно рождались поступки.

У диссидентства нет истории в традиционном смысле: нет основателей, теоретиков, даты возникновения. По сути дела, трудно даже определить — кто и когда стал участником движения протеста. С момента своего зарождения оно было неоднородным. В нем нашли отражение самые разнообразные взгляды.

Безусловно наиболее значимым с практической точки зрения, популярности в интеллигентских кругах и общественном мнении на Западе оказалось «Движение за права человека». В первую очередь именно в нем развивалось политическое оппозиционное движение. Противостояние диссидентов и КГБ СССР определило и характер практических форм работы правозащитников: полуполегалность, символические демонстрации, петиции, протесты, самиздат, интенсивная апелляция к общественному мнению Запада и в международные правозащитные и гуманитарные организации.

Однако на рубеже 1960–70-х годов значительно повысилась организация движения. Большую роль в этом сыграла «Хроника текущих событий», выходявшая с 1968 г. и выполнявшая функцию информационного агентства, что поддерживало связи движения.

В 1969 году была создана первая правозащитная ассоциация — «Инициативная группа защиты прав человека в СССР».

1976 год положил начало нового периода правозащитного движения, называемого «хельсинским». В этот год была создана Московская Хельсинская группа (МХГ) для контроля за соблюдением гуманитарных статей Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, проходившего в 1975 г. в Хельсинки. Целью МХГ был сбор информации о нарушении гуманитарных статей и составлении в этой связи соответствующих документов с целью ознакомления с ними общественности. Она стала рупором гражданских требований советского общества, а главное — связующим звеном между различными течениями диссидентства (религиозными, национальными и пр.). МХГ оказалась у истоков международного хельсинского движения, смыслом которого стала борьба за либерализацию режимов в странах, в которых не соблюдались гражданские права. Хельсинское движение не только вывело диссидентов на новый уровень, но и в какой-то степени изменило их статус. Оно постепенно переросло рамки узко национального и элитарного явления и грозило стать широкой общественной оппозицией.

В идейном плане среди диссидентов не было единства, поэтому говорить о «чистом» течении, его представителях довольно сложно. Это связано, в первую очередь с тем, что любое движение — это, обычно, движение за реализацию какого-либо конкретного права, зафиксированного в Конституции, будь то свобода вероисповедания или равноправия граждан, независимо от их национального происхождения. Проблемы религиозные, национальные, правозащитные — связаны воедино. Диссидентов объединяло по существу лишь одно: способ общественного поведения. Существует множество классификаций движения. Однако многообразию взглядов в целом можно разделить на следующие основные типы: национальное движение, религиозное движение, марксистское направление («социализм с человеческим лицом»), антикоммунистический и сталинистский диссидент [2].

В конце 1970-х годов произошло расширение структуры диссидентского движения. Продолжают существовать хельсинкские группы, практически во всех столицах союзных республик и крупных городах; увеличилось количество правозащитных ассоциаций. В тоже время стали появляться узкоспециализированные организации по защите определенных групп граждан или какого-нибудь конкретного гражданского права. В 1978 году возникли инициативная группа защиты прав инвалидов, свободное межпрофессиональное объединение трудящихся, группа «Право на эмиграцию». В 1979 году — группа «Выборы-79».

Однако тенденция расширения движения одновременно стала и его серьезной проблемой, т.н. «проблемой поколений». Суть ее заключалась в том, что новое поколение не принимало беспрекословно идеологию, цели и принципы основателей движения, которые рассматривали его преимущественно как нравственное противостояние, не имевшее политических целей. Они также не ставили перед собой задачи расширения движения за счет других социальных слоев. А когда это произошло само собой, диссиденты не смогли взвешенно оценить новую тенденцию. Необходим был обмен идей, на основе которого была бы возможна и консолидация сил. Но к этому, как оказалось не готовы были ни старое, ни новое поколения диссидентов. С целью выявления конструктивных идей для диалога с конца 1977 года диссиденты стали издавать московский самиздатовский журнал «Поиски» (редактор В. Абрамкин). Журнал был по существу испытательным полигоном для идейного плюрализма, предшествовавшего политическому. Таким образом, проблема поисков консолидирующей идеи и углубление идейного раскола свидетельствовала о нарастании кризисных явлений в диссидентском движении к началу 80-х годов.

Партийные чиновники активно использовали в своих целях идейный разлом в диссидентстве. Устраивались пресс-конференции, «круглые столы» с целью дискредитации тех или иных сторонников движения. Одновременно шло заигрывание

с отдельными диссидентами. Данной ситуацией воспользовались и репрессивные органы. С конца 1979 г. началась новая волна арестов. Движение оказалось фактически обезглавленным. Были арестованы Татьяна Великанова и Александр Лавута, Глеб Якунин, Александр Подрабинек и Анатолий Корягин. Вместе с этим прекратили работу Инициативная группа защиты прав человека в СССР, Христианский комитет, Рабочая комиссия по психиатрии. Эти аресты не были отдельными акциями, как в 1976–1979 гг., а продуманной мерой искоренения инакомыслия. Особо размаха она достигла в 1980 г. во время «чистки» Москвы к Олимпиаде-80. В заключении оказались 23 диссидента, в 1981 г. — еще 11 человек [1, 48]. Андрей Сахаров был выслан в г. Горький. Осенью 1982 года было объявлено о прекращении деятельности МХГ. Общее число арестованных превысило 500 человек. Это позволило заместителю председателя КГБ С. Цвигуну с удовлетворением сообщить об обезвреживании антиобщественных элементов, маскировавшихся под правозащитников [4, 98].

Движение, имеющее огромный опыт, стало практически незаметно в общественной жизни. По мнению участников движения, причинами этого было:

- физическое подавление правозащитников властями;
- сформирования стиля и методов работы движения в старых условиях;
- некоторые из участников движения считали, что сделали свое дело, теперь пришла очередь других;
- связи между диссидентами были прочны, как оказалось, лишь в плотной среде, под влиянием диктатуры. Стоило ослабить пресс, и связи стали ослабевать. Третья волна эмиграции — яркий тому пример [3, 81].

В 1983–1985 годах предпринимались попытки возродить деятельность диссидентских правозащитных групп. Но они оказались неудачными. В течение 1984–1986 годов старое движение слилось с новыми общественными группами. Молодежь, ставшая на путь гражданской активности, совершенно по-иному определила свои

цели и задачи. Движение перешло на новый уровень, обрело другие формы. В 1986 году на смену диссидентским группам приходят политические клубы, а затем — Народные фронты. Одновременно начинается процесс становления многопартийной системы.

Диссидентство было не только духовно-нравственной оппозицией политическому режиму, но и альтернативой советскому образу жизни. Каждый из правозащитников сам определял меру своего участия в духовном сопротивлении тоталитаризму, и даже неучастие во лжи уже само по себе требовало немалого мужества от тех, кто становился на этот путь. В условиях дефицита правдивой информации, подавления малейших ростков самостоятельности в сфере социально-политических отношений многие правозащитники могли рассчитывать только на себя, просто не зная о себе подобных и действовать так, как им подсказывала их совесть, исходя из своего понимания правды, чести, свободы.

В первой половине 80-х гг., несмотря на беспрецедентные репрессивные меры, власть оказалась неспособна искоренить оппозицию в лице диссидентского движения и вернуть страну в «додиссидентское» состояние. Более того, именно в этот период к руководству движением пришли новые люди. Изменился его социальный состав. Идеи и опыт, разработанные и обретенные оппозицией в 60–80-х гг. создали значительные идейные и социально-политические предпосылки грядущих перемен.

Горбачевская «перестройка» в полной мере выявила значимость движения. Оказалось, что открытая борьба нескольких сот инакомыслящих против пороков существовавшего режима власти вызывала сочувствие неизмеримо более широкого круга сограждан. Противостояние свидетельствовало о глубочайших противоречиях в обществе и пропасти, отделявшей его от власти. Феномен диссидентства, во многом объяснимый с позиций инакомыслия в авторитарном политическом режиме, явился началом сегодняшней политической активности и демократии.

Советское диссидентство исчерпало себя как именно советское, но не как явление. Ведь наличие оппозиции при любой

власти — стандарт для нормального функционирования самой власти.

Пожалуй, главный итог диссидентского движения состоял в том, что на тот момент оно являло собой пример свободомыслия и свобододействия в совершенно несвободной стране. Идеи правового государства, самоценности личности; преобладание общечеловеческих ценностей над классовыми или национальными — задолго до перестройки — стали основой взглядов диссидентов.

Литература

1. Безбородов, А. Б. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х-80-х годов: Учеб. пособие для студентов по курсу отеч. истории новейшего времени / А. Б. Безбородов, М. М. Мейер, Е. И. Пивовар. — М.: Ист. — арх. ин-т; Göttingen: Max-Planck-Institut für Geschichte, 1994—151 с.
2. Романкина, И. А. Типология диссидентского движения в СССР: 1950-е — 1980-е годы: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. — Коломна, 2007. — 197 с.
3. Смирнов А. Прощание с московскими кухнями? // Родина. — 1991. — № 9–10. — С. 79–81.
4. Цвигун С. О происках империалистических разведок. // Коммунист. — 1981. — № 14. — С.98.

**ФРАГМЕНТЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ
АРХИВ» (АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
ОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И НАУЧНО-
СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ ПУБЛИКАЦИЙ)**

Савинченко Т. И.

РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

В статье рассматривается археографическое оформление опубликованных источников и научно-справочного аппарата по истории Великой отечественной войны на страницах журнала «Исторический архив».

***Ключевые слова:** археография; источник; состав заголовка к документам; датировка документов; «Исторический архив»; история Великой отечественной войны; научно-справочный аппарат публикаций; подлинность документов и материалов.*

Изучению Великой Отечественной войны способствуют многочисленные документальные публикации журнала «Исторический архив» за все годы его плодотворной публикаторской деятельности.

В этой связи существенный интерес приобретает всесторонний анализ археографического оформления и научно-справочного аппарата опубликованных документов и материалов, позволяющий оценить достоверность, подлинность, полноту и объективность фрагментов документальной истории Великой Отечественной войны, нашедший отражение в документальных публикациях журнала «Исторический архив». По нашему мнению, такой анализ будет способствовать решению ряда вопросов

дальнейшего развития российской исторической науки. Прежде всего, потому, что в условиях, когда на свет появляются многие страницы документов и материалов, которые, попадая в руки «исследователей», публицистов, писателей и журналистов, используются порой не в пользу показа исторической правды, а как повод для высказывания своей личной точки зрения, не всегда объективной и не заслуживающей внимания. Анализ археографического оформления документальных публикаций журнала «Исторический архив», по нашему мнению, будет способствовать утверждению исторической правды. Данная статья ставит перед собой задачу анализа археографического оформления опубликованных источников и научно-справочного аппарата публикаций по истории Великой Отечественной войны. В этой связи отметим, что в работе, посвящённой анализу археографического оформления опубликованных источников и научно-справочного аппарата публикаций по истории Великой Отечественной войны, помещённых в «Историческом архиве», учитываются особенности всех «Правил издания исторических документов в СССР», изданных в годы опубликования рассматриваемых публикаций. При этом археографический анализ представляется важным осуществлять по таким направлениям и параметрам как:

- состав заголовка к документам;
- разновидность документа;
- автор и адресат документов;
- обозначение содержания документов;
- датировка документов;
- состав легенды, поисковые данные, подлинность документов;
- состав научно-справочного аппарата, историческая и археографическая части предисловия публикации документов;
- текстуальные примечания и примечания по содержанию.

Учитывая небольшой объём данной статьи, остановимся только на анализе археографического оформления заголовков.

Всестороннему анализу подвергались все публикации по истории Великой Отечественной войны за 1955–1962 гг., т.е. со

времени, когда Институт истории Академии наук СССР при участии Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС и Главного архивного управления СССР приступил к изданию собственно журнала «Исторический архив», и за 1992–1999 гг., когда после 30-летнего перерыва было возобновлено его издание, учреждённого Комитетом по делам архивов при Правительстве Российской Федерации.

Публикаций за 1955–1962 гг. было 25, за 1992–2001 гг. было издано 60 публикаций по истории Великой Отечественной войны. Таким образом, за 18 лет публицистической деятельности журнала «Исторический архив» в 47 номерах журнала было опубликовано 85 самостоятельных (по темам и проблемам) публикаций документов и материалов по истории Великой Отечественной войны. Эти документы и материалы публикаторами были выявлены в фондах 25-ти государственных и партийных (бывшей КПСС) архивов, восьми семейных и личных архивов, четырех музеях. Общий объем выявленных и подготовленных к публикации документов и материалов составил 104,7 печ. л. Тем самым были созданы серьёзные фрагменты документальной истории Великой Отечественной войны (в 4-х томах, на 25 печ. л. каждый том). При этом подавляющее большинство документальных материалов являлось подлинниками (в большей степени) или заверенными копиями, значительная часть которых публиковалась, как правило, впервые.

Следует тоже отметить, что в указанные подсчёты не включены публиковавшиеся отдельные документы или документы, публиковавшиеся в разделе «Архивная россыпь». Между тем выборочный просмотр монографических исследований, посвящённых истории Великой Отечественной войны, показывает, что сноска на публикации документов «Исторического архива» являются скорее исключением нежели правилом. Это можно объяснить или недобросовестностью исследователя, или неумением правильного оформления научно-справочного аппарата своего исследования.

Здесь же отметим, что помимо исторической и источниковой значимости опубликованных документов и материалов, археографическое оформление публикаций «Исторического архива» даёт весьма много ценного и полезного в развитии отечественной археографии. Если проанализировать название всех публикаций, предложенных публикаторами и отредактированных редакцией журнала, то, прежде всего, заметна существенная разница между заголовками документальных публикаций, опубликованных в 1955–1962 гг. и в 1992–2001 гг. Так, в публикациях 1955–1962 гг. заголовки в основном носят, так сказать, сугубо официальный характер [1]. В них строго выдержана идеологическая направленность публикуемых документов [2]. Много публикаций посвящено проблемам героизма и патриотизма советских людей [3].

Вместе с тем, в ряде публикаций по их заголовку можно определить содержание публикуемых документов, их цель, задачи, общественно-политическую значимость и научно-практическую ценность [4]. Тем не менее, даже при строгой конфиденциальности документальных публикаций в их заголовках допускаются неточности, подчас и ошибки; ряд из них являются глухими, не раскрывающими сущность содержания публикуемых документальных материалов. К примеру, в публикации «Неманский рейд партизанской дивизии имени С. А. Ковпака» неверно указано название дивизии: дивизии имени С. А. Ковпака не было, а была партизанская дивизия (точнее соединение), которой командовал Ковпак [5].

В заголовках же публикаций, опубликованных в 1992–2001 гг., практически исчезли официальность и однобокая идеологическая ориентированность. В заголовках стал преобладать характер названий, присущих публикациям научно-популярной направленности и назначения [6]. Вместе с тем в названиях публикаций указанных лет, наряду со стремлением к объективному освещению исторических событий и проблем подчас видна известная ориентация на отрицательные оценки того, что было характерно как положительное в истории советского периода, или замалчи-

валось в официальных изданиях. В этом отношении характерны названия таких публикаций, как: «ГУЛАГ в годы войны. Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В. Г. Наседкина» и «Неуслышанные сигналы войны. Докладные записки Л. П. Берии и И. М. Масленникова (апрель-июнь 1941 г.)» [7]. Здесь также следует отметить неточность заголовков: кому были адресованы доклад и докладные записки, неизвестны их цель и основное содержание.

Неточности заголовков присущи и другим публикациям [8]. Очевидно сказалось стремление публикаторов и редколлегии не только к «броскости» заголовков, но и к проявлению в них элементов публицистики и журналистики. Это, в частности, видно на примере заголовков таких публикаций, как «Записки москвича. Осень 1942 г. Из документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны»; «Смятение осени сорок первого года»; «Псевдоним «Свобода». Из истории организаций, созданных для разложения войск и тыла противника» [9]. Это было бы неплохо, если бы за ними не терялись содержание, цель, назначение, а главное — научно-историческая ценность публикуемых документов. Разумеется, такие заголовки привлекают внимание читателя и исследователя, но приводят к неполному соответствию их с содержанием публикуемых документов.

Данное положение вызвало другую особенность заголовков публикаций, а именно вынесение в него или названия документа, или части его названия. К примеру, ««Наше дело правое». Как готовилось выступление В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 г.»; ««Выгнать немецких захватчиков на холод в поле». Приказ Ставки Верховного Главнокомандования 7 ноября 1941 г.» [10].

Вместе с тем следует отметить и безукоризненные заголовки документальных публикаций. Среди них выделяются такие, например, как: «Потери на море и совершенствование руководства флотом. Докладная записка адмирала Н. Г. Кузнецова И. В. Сталину о действиях ВМФ СССР в июне 1941 — октябре 1943 гг.»; «Советская молодёжь в Германии. Документы антифашистского сопротивления (1943–1945 гг.)» [11].

По нашему мнению, сравнительный анализ заголовков публикаций 1955–1962 и 1992–2001 гг. позволяет сделать общий вывод о том, что после возобновления издания журнала названия публикаций, при сохранении преемственности, стали содержательнее, интереснее, объективнее. Они в достаточно полной степени знакомят читателей и исследователей с архивными материалами, которые публикуются в конкретно рассматриваемой документальной публикации.

В целом, заголовки документов всех документальных публикаций, опубликованных в «Историческом архиве» по истории Великой Отечественной войны в основном составлены правильно, без существенных недостатков и серьёзных замечаний. Этот вывод подтверждается тем, что автор статьи при проведении анализа заголовков документов в порядке контроля и сопоставления содержания опубликованных документов с приводимыми заголовками выборочно исследовал ряд документальных материалов, хранящихся в бывших Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма (ныне Российский государственный архив социальной и политической истории (РГАСПИ), Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Центре хранения документов молодёжных организаций (ЦХДМО). Документальные материалы выявлялись по исковым данным, приведённым в публикациях. Их изучение показало полное соответствие заголовков документов и их содержания.

Вместе с тем, следует отметить, что не все заголовки в достаточной степени раскрывают содержание документа. В известной степени встречаются незначительные литературные, редакционные и стилистические погрешности.

Таким образом, анализ археографического оформления опубликованных источников и научно-справочного аппарата публикаций показывает, что все документальные публикации «Исторического архива», посвящённые истории Великой Отечествен-

ной войны, за все годы научно-публицистической деятельности журнала осуществлялись в соответствии с существовавшими ранее и ныне действующими «Правилами издания исторических документов в СССР». При этом главное внимание публикаторы и редакция журнала уделяли таким вопросам, как составление заголовка документа, определение его разновидности, авторства, адресата и датировки. В публикациях приведены научно-обоснованные легенды, поисковые данные и обозначена подлинность документов и материалов. Весьма точно дана характеристика состава научно-справочного аппарата, его исторической и археологической частей, а также текстуальных примечаний и примечаний по содержанию. Незначительные замечания второстепенного характера не могут поколебать высокой оценки археологического оформления опубликованных источников и научно-справочного аппарата публикаций «Исторического архива», посвящённых истории Великой Отечественной войны.

Литература

1. См.: Московский комсомол в годы Великой Отечественной войны; Музей Революции СССР; Юдин Г. В. — «Исторический архив». 1960. № 4. С. 30–48; Партизанское движение на Кубани (1942–1943 гг.); Партийный архив Краснодарского крайкома КПСС; Куценко Я. И., Латкин В. Ф. — «Исторический архив». 1957. № 3. С. 3–47 и др.
2. См.: Советские листовки в тылу фашистских оккупантов. Музей Революции СССР; Комарова М. Ф., Кляцкин С. М., Прокофьева З. А. — «Исторический архив». 1955. № 3. с. 12–62.
3. См., например, Из истории патриотического движения за сбор средств на вооружение Советской Армии (1941–1942 гг.); ЦПА ИМЯ; Сеницын А. М. — «Исторический архив». 1960. № 3. С. 69–79; Патриотический почин тамбовских колхозов в годы Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Государственный архив Тамбовской области, Сахаров Н. Н. — «Исторический архив». 1956. № 3. С. 3–17.

4. См. Бухенвальдское сопротивление; ЦГАР; Иллерицкая Т. А., Кюнг Н. Ф., Литвак Б. Г. — «Исторический архив», 1957, № 4, с. 82–100; 42-я армия в боях за Ленинград; ЦА МО; Пережогин В. А. — «Исторический архив». 1959. № 2. С. 68–90; Содружество женщин СССР и США в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.); ЦГАОР; Бормашова И. К., Новицкая Л. И. — «Исторический архив». 1960. № 2. С. 115–129 и др.
5. См.: Неманский рейд партизанской дивизии имени С. А. Ковпака; Архив Института истории партии при ЦК КП Украины; Семейный архив Вершигоры П. П., Вершигора П. П. — «Исторический архив». 1961. № 3. С. 103–118.
6. См., например, Жаркое лето сорок первого года. Документы ГКО и Ставки периода Смоленского сражения. Июнь–сентябрь 1941 г.; АП РФ; Мельчин С. А., Сигачев Ю. В., Степанов А. С.; — «Исторический архив». 1993. № 1. С. 45–67; Последние пленники второй мировой войны. Документы из фондов ЦК КПСС о японских военнопленных; РГАНИ; Петров А. М. — «Исторический архив». 1993. № 1. С. 68–78. (Следует отметить, что указанные в заголовке «Документы из фондов ЦК КПСС» звучат солидно, но не точно: во-первых, потому, что в соответствии с историей и практикой архивного дела существует лишь один фонд — фонд ЦК КПСС; во-вторых, если имеются ввиду документальные коллекции, отложившиеся в структурных частях аппарата ЦК КПСС, то следовало бы об этом сказать, хотя бы в подстрочных примечаниях, указав при этом их название).
7. См. ГУЛАГ в годы войны. Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В. Г. Наседкина; ГАРФ; Кокурин А. П. — «Исторический архив». 1994. № 3. С. 60–86; Неуслышанные сигналы войны. Докладные записки Л. П. Берии и И. М. Масляникова (апрель–июнь 1941 г.); РГВА; Чижова Л. М. — «Исторический архив». 1995. № 2. С. 4–22.
8. См. На линии фронта. Документы Центрального архива Министерства обороны РФ; ЦАМО; Семин Ю. Н., Сигачев Ю. В.,

- Чувашии С. И. — «Исторический архив». 1995. № 2. С. 40–45; продолжение — 1995. № 3. С. 21–62; Меморандум Фронта литовских активистов Гитлеру. Сентябрь 1941 г.; ЦА ФСБ РФ; Ямпольский В. П. — «Исторический архив». 1999. № 4. С. 56–72 и др.
9. См. Записки москвича. Осень 1942 г. Из документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Архив Института истории Российской Академии наук; Водопьянова З. К., Курносов А. А. — «Исторический архив». 1993. № 2. С. 46–57. Смятение осени сорок первого года; РЦХИДНИ; Верт Н. (Франция), Водопьянова З. К., Колесова М. Е., Муллен Г. (Франция) — «Исторический архив». 1994. № 2. С. 111–136; Псевдоним «Свобода». Из истории организаций, созданных для разложения войск и тыла противника. АП РФ, РУХИДНИ, ЦА ФСК РФ, ЦХИДК; Решин Л. Е. — «Исторический архив». 1994. № 5. С. 136–164.
10. См. «Наше дело правое». Как готовилось выступление В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 г. АВП РФ; Песков Г. Н. — «Исторический архив». 1995. № 2. С. 32–39; Выгнать немецких захватчиков на холод в поле. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования 7 ноября 1941 г.; АП РФ; Мельчин С. Л. — «Исторический архив». 1993. № 3. С. 148–150.
11. См. Потери на море и совершенствование руководства флотом. Докладная записка адмирала Н. Г. Кузнецова И. В. Сталину о действиях ВМФ СССР в июне 1941–октябре 1943 гг.; АП РФ. Басов А. В. — «Исторический архив». 1994. № 1 с. 109–191. Советская молодёжь в Германии. Документы антифашистского сопротивления (1943–1945 гг.); РГАСПИ; Иоффе И. А., Хорунжий В. В. — «Исторический архив». 1995. № 3. С. 68–80.
12. Савинченко Т. И. Научно-публикаторская деятельность журнала «Исторический архив» по истории Великой Отечественной войны: анализ содержания и концептуальная направленность, диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. — М., 2002.

13. Козлов О.Ф., Кудрявцев И. И. Новая редакция «Правил издания исторических документов в СССР» и перспективы развития археографии — «Советские архивы». 1991. № 1.
14. Сперанский А.Д. К 225-летию русской археографии // «Советские архивы». 1992. № 6.
15. Правила издания исторических документов в СССР. — М., 1990. С. 3–187.
16. Краткий словарь видов и разновидностей документов. — М., 1974.
17. «Исторический архив», 2000, № 2, с. 77–106, 113–121.

ОЛИМПИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Симонов В. Н.

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В данной статье рассмотрена история олимпийского движения с античных времён до наших дней.

Ключевые слова: олимпийское движение, олимпизм, античный, кубертеновский, посткубертеновский.

На сегодняшний день олимпийское движение является одним из наиболее ярких явлений социально-культурной жизни международного сообщества. Олимпийское движение, возглавляемое МОК, основывается на идеях олимпизма, сформулированных бароном Пьером де Кубертенем. По его инициативе в июне 1894 года был проведен в Париже Международный Атлетический конгресс, на котором Международный олимпийский комитет (МОК) самоучредился.

Рассматривая олимпизм в историческом аспекте, можно выделить три этапа: античный, кубертеновский и посткубертеновский [1].

АНТИЧНЫЙ ОЛИМПИЗМ

Определенной исторической достоверностью обладает предание, по которому элидский правитель Ифит, пытаясь избежать постоянных междоусобиц и раздоров, обратился к дельфийскому оракулу с вопросом, как их прекратить. И получил ответ: нужно, чтобы ты основал Игры, угодные богам!

Ифит предложил царю воинственной Спарты Ликургу учредить состязания в Олимпии, во время которых, раз в четыре года,

устанавливалось священное перемирие — экейхерия. По условиям заключенного договора в 884 г. до н.э., за нарушение перемирия налагался крупный денежный штраф, и виновные лишались права участвовать в Олимпийских играх.

Реальность этого факта подтверждает древнегреческий историк Павсаний, который писал во II в.н.э., что видел медный диск, на котором были начертаны условия перемирия, заключенного между Ифитом и Ликургом. Этот диск хранился в одном из храмов Олимпии [2].

Ифит и Ликург придали олимпиадам уровень национальных. История нуждается в достоверной точке отсчета. Такой точкой стал первый памятник, поставленный в Олимпии победителю состязаний. Поэтому 776 г. до н.э., когда Корэб из Элиды опередил всех соперников в беге на один стадий, официально считается годом начала проведения Олимпийских игр [3].

Если рассматривать зарождение олимпизма в Древней Греции, то, помимо пацифизма, следует отметить один из главных принципов её культуры — агонистику. Под ней понимается принцип состязательности, который пронизывал все сферы жизни древних греков. Человек эпохи античности должен быть художником и мудрецом, атлетом и поэтом, и все они боролись за признание обществом.

Отсюда не случайно спорт принял свою классическую форму в виде соревнований в Греции, начавшись с Олимпийских игр. Тренировка древних атлетов имела характер религиозной аскезы и ставила своей целью предельное развитие способностей, обеспечивающих успех в состязании. У древних греков было особое мировоззрение, в основе которого лежало то понимание мира, что в целом он не подвластен человеку. Поэтому они считали, что без покровительства богов невозможно стать Олимпиоником — полубогом. Так же греки были уверены, что присутствие среди граждан полиса олимпионика давало основание обществу надеяться на благословение богов [4].

Другая важная составляющая античного олимпизма — эллинская система воспитания, включающая в себя синтез ум-

ственного и физического совершенствования. Образование имело три части — физическую, интеллектуальную, музыкальную. Они имели одинаково важное значение для эллинов.

Античные Олимпийские игры проводились более тысячи лет, в течение которых формировались идеи античного олимпизма. Следует отметить основные особенности античных Олимпийских игр:

- к участию допускались свободнорожденные греки;
- в преддверии античных Олимпийских игр прекращались все войны и заключались перемирия (экехерия);
- рабам и женщинам запрещалось участвовать и присутствовать на состязаниях;
- каждый атлет в течение 10 месяцев готовился дома и еще месяц тренировался в Олимпии;
- эллинские судьи (элланодики) внимательно и строго следили за соблюдением традиционных ритуалов и правил состязаний;
- ради соблюдения нравственного принципа Олимпийских игр — состязаться честно, храбро, бескорыстно — наказывали атлетов за подкуп, трусость, измену своему городу — вплоть до изгнания из Олимпии.

Олимпийские игры были запрещены в 394 г.н. э. первыми христианскими императорами Рима. Феодосий I, который насильственно обращал эллинов в христианство, Миланским эдиктом запретил вести олимпийское летоисчисление и проводить игры, хранившие на себе печать языческих обрядов.

КУБЕРТЕНОВСКИЙ ОЛИМПИЗМ

Спустя полтора тысячелетия олимпийская традиция была возрождена вновь.

Каковы же причины, приведшие к организации таких широких международных спортивных состязаний?

Вполне закономерно, что Олимпийские игры возродились в XIX веке. Как утверждает известный историк спорта Александр Суник: «...если бы Олимпийские игры не возродились в XIX столетии, они бы не возродились вообще» [5].

Это был век утверждения свободы личности, личной собственности, движения за гендерное равноправие, попыток утверждения нравственных ценностей в общественной жизни.

Можно с уверенностью сказать, что концепция Олимпизма Кубертена порождена либерализмом XIX века.

В качестве внешней причины можно назвать эллинофильство XIX столетия в Европе, которое было обусловлено двумя обстоятельствами: завоеванием Грецией независимости в 1832 г. и успешными археологическими раскопками в греческой Олимпии немцем Эрнстом Курциусом во второй половине 70-х.

Кроме этого мирный характер древних олимпиад мог бы в будущем способствовать установлению бесконфликтных международных отношений, что было крайне актуально в данный период.

Другая причина заключалась в том, что, начиная с последнего десятилетия XIX века, физическая культура стала носить ярко выраженное «рекордное» направление спортивного движения, для которого было характерно сопоставление результатов по видам спорта.

Всё это происходило на фоне интернационализации спортивной жизни. Об этом свидетельствуют созданные международные федераций гимнастики (1891 г.), гребцов и конькобежцев (1892), а также проведение первых международных соревнований, континентальных и мировых первенств по боксу, футболу и фехтованию.

Однако, на фоне бурно растущего спортивного движения обозначился кризис любительского спорта, который выражался в его противостоянии со спортсменами-профессионалами и отсутствием взаимопонимания между представителями отдельных видов спорта.

Кубертен писал: «Повсюду я встречал разногласия, гражданскую войну между сторонниками и противниками той или иной формы упражнений...; между приверженцами одного вида спорта тоже не было мира... Была ещё одна вещь — дух меркантилизма, угрожающий захватить спортивные круги... В стремлении

к победе часто вкрадывалось нечто иное, нежели честолюбие». Основатель современного олимпизма делает вывод: «Под угрозой вырождения и повторной смерти атлетизма нужно было объединить и очистить его» [6].

Для консолидации спортивной жизни и выработки морально-этических принципов состязаний стала необходима единая организация, стоящая над международными федерациями, и такие соревнования, которые охватывали бы все виды спорта, периодически повторялись и в ходе которых фиксировались бы достигнутые результаты.

И такая организация была создана на учредительном конгрессе в Сорбонском университете 16 июня 1894 года. Где, кроме французов и греков, присутствовали также англичане, американцы, шведы, испанцы, итальянцы, бельгийцы, русские (генерал Алексей Бутовский и Алексей Лебедев) и венгры. Делегаты единогласно присягнули на верность принципу любительства, а затем создали Международный олимпийский комитет (МОК). Было решено, начиная с 1896 года, «в интересах поддержания и развития физического воспитания и содействия дружескому общению народов в этой области раз в четыре года проводить по образцу эллинских олимпиад большие игры, на которые будут приглашаться все цивилизованные народы» [7].

Как написано в преамбуле Олимпийской хартии, Пьер де Кубертен является основоположником разработки концепции олимпизма. Он разработал мировоззренческое понимание спорта с точки зрения гуманистического олимпизма.

Спорт для него был (Ода спорту):

- удовольствием, радостью, здоровьем;
- дорогой к гармонии (физической и духовной);
- школой справедливости, честности, благородства;
- средством преодоления, прежде всего, самого себя без перенапряжения и стимуляторов;
- путем к согласию и миру между народами [8].

После многолетней активной деятельности на посту президента МОК в 1925 г. Кубертен подаёт в отставку. В своём заявлении, которое можно считать его завещанием, он пишет: «Хотя и являюсь официально президентом МОК, я отхожу от дел... Но прежде я хотел предостеречь вас, в какой-то степени определяющих судьбу спорта, от влияния нынешних тенденций, которые мешают его развитию.

В течение 30 лет я боролся за дело спорта. Я сталкивался с враждебным сопротивлением, мне пришлось бороться и против ненависти... Несмотря на ряд разочарований, я продолжаю верить в мирные и морально-воспитательные добродетели спорта» [9].

ПОСТКУБЕРТЕНОВСКИЙ ОЛИМПИЗМ

Однако под влиянием времени происходила постепенная трансформация идеалов и ценностей античного олимпизма, идей Пьера де Кубертена.

Первые Олимпиады прошли почти незаметно. По сути, это было развлечение для молодых и богатых аристократов, которые раз в четыре года собирались где-нибудь в Европе или в США, чтобы весело провести время, посоревноваться друг с другом, а заодно почувствовать себя древнегреческими героями.

Однако, к середине 30-х годов, когда в Европе окончательно сформировались тоталитарные фашистские режимы, отношение к Олимпиадам изменилось. Гитлер и Геббельс решили превратить Берлинскую олимпиаду в демонстрацию германского расового и технологического превосходства.

«Мы всем им покажем тот мир, который обрётён нами», — писал Геббельс в «Олимпии цайтунг» от 1 августа 1936 года, накануне открытия Игр [10].

Олимпиада 1936 года стала последней перед развязанной фашистами Второй мировой войной.

Третья четверть XX века, прошедшая под знаком идеологического противостояния СССР и США, стала для Олимпийских игр

своего рода эпохой религиозных войн. Раз в четыре года между «прогрессивным социалистическим» и «загнивающим капиталистическим» лагерями разгорались настоящие сражения.

На рубеже 70–80-х, когда Хуан Антонио Самаранч возглавил МОК, Олимпийское движение пребывало в глубоком кризисе.

Афганская авантюра Кремля привела к новому обострению отношений между двумя лагерями. Тогдашний президент США Джимми Картер прилагал всяческие усилия, чтобы не дать провести Олимпийские игры в Москве. Предлагалось перенести их в другую страну, отложить на 1 год и т.п.

Однако несмотря ни на что, XXII Олимпиада была проведена в Москве в запланированные сроки, в ней приняло участие свыше 80 стран, за исключением, американских спортсменов, а также спортсменов ФРГ, Японии, Канады и некоторых других стран.

Таким образом, Запад Московскую олимпиаду бойкотировал, в ответ страны советского блока (кроме румын) объявили бойкот Лос-Анджелесской олимпиаде-84.

Не менее губительной, чем вмешательство политики, оказалась для олимпийского руководства финансовая беспомощность движения. МОК и организаторы Игр не умели и не стремились зарабатывать, отчего каждая Олимпиада ложилась тяжким бременем на бюджет той страны и того города, где она проводилась. Рекордными по убыточности были Монреальские Игры-76 (канадцы расплачивались 30 лет платя специальный налог).

Убыточной была и Московская олимпиада, расходы в размере 1 млрд. долл. обернулись убытками на 200 млн.[11]

Хуан-Антонио Самаранч пришел, чтобы все изменить. Удачливый бизнесмен, бюрократ, сделавший блестящую карьеру во франкистской Испании (министр по делам спорта и молодежи, посол в СССР), был избран руководителем МОК на конгрессе, который проходил во время московских Игр 1980 г. Продукт тоталитарной системы, он прекрасно умел находить общий язык с самыми одиозными политиками. Его кандидатура устраивала всех: социалистические лидеры считали его чуть ли не своим, об

испаноязычных странах и говорить нечего. Для Запада он был тоже приемлемой фигурой.

Как извлекать прибыль из спортивного действия, именуемого Олимпиадой, придумал не Самаранч. Прагматичные американцы, имея перед глазами печальный опыт Монреаля, подошли к организации Игр 1984 г. в Лос-Анджелесе принципиально по-новому. На ту Олимпиаду американским налогоплательщикам раскошелиться не пришлось, ее финансировал исключительно частный капитал. Оргкомитету удалось убедить инвесторов, что вложения в столь престижное мероприятие, как Игры, станут для них лучшей рекламой. В результате был сколочен мощный пул из нескольких суперкорпораций. Возникло понятие «эксклюзивности» олимпийского спонсорства.

Самаранч мгновенно усвоил и творчески развил ноу-хау американцев и целенаправленно повел дело к полной коммерциализации Олимпиад. В частности добился того, что на Игры были допущены спортсмены-профессионалы, нарушив тем самым один из принципов Олимпийской идеологии.

Ни одно серьезное спортивное состязание в последние годы не обходится без допинговых скандалов.

Хотя МОК запретил использование допинга еще в 1962 году и, начиная с 1968 года, регулярно проводит тестирование всех участников Олимпиад, применение допинга не только не прекращается, а приобретает в последние годы устрашающие размеры.

Самое печальное то, что олимпийским болельщикам нужны герои и гладиаторы — мужчины и женщины, которые рвутся к славе на пределах возможностей человеческого тела. Именно на этом основана культура допинга и именно поэтому с ней так трудно бороться.

Другая проблема, с которой столкнулось современное Олимпийское движение — гигантомания и дороговизна. Список старых, «классических» видов спорта, которые традиционно входили в программу Игр, стал для хозяев МОК чересчур узок, тем более что на рынок пришли производители экипировки для но-

вых видов спорта, которые лоббируют продвижение своих видов в олимпийскую программу.

А ведь в первоначальном тексте Олимпийской хартии значилось всего 15 видов спорта.

Бюджеты Олимпиад так раздулись, что стали непосильной ношей для малых государств. Так Олимпиада в Афинах в 2004 году стала почти финансовым бедствием. Ее стоимость, по признанию правительственных чиновников, значительно превысила официальные цифры и составила € 13 млрд. Эта гигантская сумма стала серьезным бременем для страны с населением 11 млн. человек, государственный долг Греции заметно вырос, что впоследствии стало одной из причин экономического кризиса.

Однако расходы, связанные с проведением Олимпийских игр в Пекине, побили этот рекорд и составили, по разным оценкам, от \$ 20 до 44 млрд. Китайский финансовый размах был почти повторен в Лондоне, где общие расходы на проведение Олимпиады в 2012 году составили, по оценкам, до \$ 37 млрд).

Похожая тенденция имеет место и с расходами на зимние Олимпийские игры. Если в 1980-е и начале 1990-х годов бюджеты составляли сотни миллионов долларов, то уже с 1998 года порядок цифр переходит на миллиарды. Бюджет зимней Олимпиады-2006 в Турине составил € 2,7 млрд., Олимпиады-2010 в Ванкувере — \$ 3,4 млрд.

В этот тренд вписываются и Олимпийские игры в Сочи, расходы на проведение которых составят, по оценке правительства, 1,526 трлн. рублей или около \$ 50 млрд. [12]

Где крутятся большие деньги, там и большие злоупотребления. Не могли не привести к ним и ставшие суперприбыльным предприятием Олимпиады.

Уродливым следствием коммерциализации спорта следует считать коррупцию среди членов МОК. Специально созданная комиссия МОК подтвердила наличие фактов коррупции в своих рядах, что привело к отставкам некоторых из них на 108 чрезвычайной сессии МОК в 1999 г.

Как подчеркивал известный историк спорта Владислав Столяров, коммерциализация и профессионализация олимпийского спорта привели к ослаблению его гуманистической сути и усилению прагматической ориентации. Фактически речь идет о перерождении олимпийского движения из воспитательного, социально-психологического в спортивно-коммерческое [13].

Вследствие этого современный курс олимпийского движения приводит или к полному отказу от провозглашенных Кубертенем гуманистических идеалов, или к переводу их из реальных ценностей в декларативные, в то время как Олимпийские игры из идеального образца спортивного соревнования, способствующего гуманистическому воспитанию, все больше превращаются в красивое зрелище и коммерческое шоу, на котором зарабатывают огромные деньги.

Литература

1. Круглик И.И., Круглик И. П., Курамшин Ю. Ф. Изменение идеалов и ценностей олимпизма, от античности к современности // Психология, социология и педагогика. 2015. № 4.
2. http://www.olympic-history.ru/istorija_olimpiad/antichnye_olimpiady/zarozhdenie_antichnykh_olimpiad.html
3. Штейнбах В. Л. Век олимпийский. Книга 1. — М.: Терра-Спорт, Олимпия Пресс, 2002. — с.10–11.
4. Штейнбах В. Л. Век олимпийский. Книга 1. — М.: Терра-Спорт, Олимпия Пресс, 2002. — с.19–20.
5. Суник А. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков. Изд. 2-е, исправл. и дополн. — М.: Советский спорт, 2004. с.292.
6. Пьер де Кубертен. Олимпийский игры 1896 года. — В сб.: Международное спортивное и олимпийское движение. — ЦООНТИ. — М.; ФиС, 1990, № 4, с. 28.
7. Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. Под ред. В. В. Столбова. — Москва. «Радуга» 1982 г.с. 227.
8. Столбов В. В., Финогенова Л. А., Мельникова Н. Ю. История физической культуры и спорта/ Под ред. В. В. Столбова. —3-е

- изд., перераб. и доп. — М.; Физкультура и спорт, 2001. — Приложение. Ода спорту. с. 417–419.
9. Столбов В. В., Финогенова Л. А., Мельникова Н. Ю. История физической культуры и спорта. / Под ред. В. В. Столбова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Физкультура и спорт, 2001. С. 359–360.
 10. Штейнбах В. Л. Век олимпийский. Книга I. — М.; Terra-Спорт, Олимпия Пресс, 2002. с. 207.
 11. Журнал «Коммерсантъ. Деньги» № 3 от 27.01.2014, с. 43.
 12. Журнал «ПРОСПОРТ» № 223 (2013 г.), с.22–25.
 13. Журнал «Наука в олимпийском спорте» 24 Июня 2014. <http://sportfiction.ru/articles/idealy-i-tsennosti-olimpizma-problemy-i-perspektivy-sovremennogo-olimpiyskogo-dvizheniya/>

ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВ Георгий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова.

АНДРОНОВ Илья Евгеньевич — доктор исторических наук, доцент, исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова.

БАЗИН Олег Александрович — кандидат исторических наук, доцент, факультет истории, управления и сервиса, Государственный социально-гуманитарный университет.

БЕРЕЗКИНА Оксана Степановна — кандидат политических наук, доцент, исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова.

БИРЮКОВ Алексей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, факультет истории, управления и сервиса, Государственный социально-гуманитарный университет.

БОНДАРЕНКО Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ФГБУН Институт Африки Российской академии наук; заместитель директора по научной работе. Российский государственный гуманитарный университет.

БУТЫРСКИЙ Михаил Николаевич — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, хранитель фонда нумизматики, Государственный музей Востока; Российский государственный гуманитарный университет.

ГУСЕВ Алексей Викторович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой общественных движений и политических партий, исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова.

ЕМЕЛЬЯНОВА Елена Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии, истории, политологии и права, Государственный социально-гуманитарный университет.

ЕРМАКОВ Александр Михайлович — аспирант, факультет истории, управления и сервиса, Государственный социально-гуманитарный университет.

КАЛАШНИКОВ Сергей Глебович — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, истории, политологии и права Государственного социально-гуманитарного университета.

МОИСЕЕВ Георгий Чеславович — кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова.

МУРОМЦЕВА Людмила Петровна — кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова.

РОМАНКИНА Ирина Александровна — кандидат исторических наук, доцент, факультет истории, управления и сервиса, Государственный социально-гуманитарный университет.

САВИНЧЕНКО Татьяна Игоревна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова.

СЕЛУНСКАЯ Надежда Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Центр интеллектуальной истории.

СИМОНОВ Вячеслав Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, кафедра физического воспитания и спорта, МГУ им. М. В. Ломоносова.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Материалы круглого стола
25–26 ноября 2016 года

Ответственный редактор:
С. Г. Калашников

Технический редактор — Капырина Т. А.
Компьютерная верстка — Титова Т.А.

Подписано в печать 20.12.2016. Формат 60x84 1/16.
Печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № 521.
Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография», г. Коломна
140410, г. Коломна, Московская обл., ул. III Интернационала, 2а

140410, г. Коломна, ул. Зеленая, 30.
Государственный социально-гуманитарный университет